

**ВЛАДИМИР МИШИН
ШАМИЛЬ СУЛЕЙМАНОВ**

ТРЕТЬЯ ДРЕВНЕЙШАЯ*

Операция «Могол»

Основано на реальных событиях

Глава десятая. «Турист»

Встреча с Брауном была назначена на восьмое августа. Паша Пашаевич прилетел в Прагу шестого, из аэропорта по таксофону позвонил в советское посольство, попросил «советника по научно-техническим вопросам Олега Николаевича» (номер телефона, имя и инструкции, что говорить да как себя вести, дал полковник Эфендиев). Спрашивать, кто таков этот Олег Николаевич, Паша Пашаевич не стал: зачем задавать лишние вопросы, если и так ясно – гэбист из резидентуры ПГУ. Поселился в отеле, вечером встретился в парке с «советником», а на следующий день отправился «по железке» (билет и инструкции получил от Олега Николаевича) в Карловы Вары. Доехал быстро – за пару часов с минутами. Дальше – по комитетской схеме: отель, отдых, выход в город, проверочный маршрут до места встречи с Брауном – фонтана Вридло.

Восьмого августа к фонтану Паша Пашаевич отправился за час до встречи – мало ли что может случиться по дороге, да и успокоиться, сбить шагом решительным «лишний адреналин», не помешает. Хотя, если верить комитетчикам, печалей для академика никаких – в Чехии рискует только Браун.

У фонтана резвились детишки, кудрявая егоза (годика три, носится, что твой метеор) налетела на Пашу Пашаевича, академик едва успел подхватить малышку, не дал дитяти сбить коленочки. Мамаша вспорхнула со скамейки, подлетела, улыбкой поблагодарила спасителя, повела егозу в тень, та оглянулась, состроила академику премилую рожицу. Заулыбался Паша Пашаевич, глянь на него со стороны – счастливый и довольный спокойной, устоявшейся жизнью человек! Ан нет – в возбуждённом сознании занозами острыми мысли несвоевременные: «Рискует только Браун... если, конечно, появится в Чехии... но ведь рискует? Американец мне доверился... а я его... можно сказать... в мышеловку заманиваю... не ясно ведь, чем для Ричарда визит в Баку завершится... И комитет о последнем доводе – компромате изощрённом – может вспомнить... ну а цэрэушники... с этими парнями вообще полный туман...» И в душе академика, понятное дело, весь обязательный катехизис интеллигента – «соли», если без ложной скромности, «земли»: грусть, тоска, печаль и – венец рефлексии! – скорбь мировая. Присел Паша Пашаевич на скамейку, лоб платком носовым промокнул, глаза закрыл, решил, как йог индийский, заклинаниями рефлексии вредные, делу мешающие, остудить. Да где там! А тут ещё на соседней скамье два чеха благообразных, на профессоров универа похожих, один чем-то соседа по дому, доцента Джумшуда (читает курс истории КПСС в политехе), напоминает, страстями под сурдинку кипят, сосредоточиться академику мешают. У Паши Пашаевича слух хоть и тонкий, но слышно так себе (фонтан журчит, детишки кричат, птицы щебечут), да и язык не тот. Однако ж смыслы уловить-понять можно. «Джумшуд» всё больше про кризис системы вла-

* Окончание. начало см. №1, 2021 год.

стии управления обществом слюной на визави брызжет, а оппонент перлами про свободу, цензуру и рыночные отношения диалог украшает. Тут третий благообразный явился, руки «Джумшуду» и второму пожал, гривой львиной потрянул, заявил безапелляционно: «Больше демократии! Отменить цензуру! Открыть окна! Нам, чехам, нужен свежий воздух!» Поднялись благообразные с лицами светлыми, мыслями об «освежителях воздуха» одухотворённые, со скамьи и пошли, руки воздевая, в сторону бара – вероятно, за свободой. А может, свежим пивом жажду утолять. «О чём это они? – задался вопросом академик, взгляд на часы кинул. – Да и я «с курса сбился»! Слова пафосные да многомудрые о чести, совести, нравственных идеалах, свободе и прочих духовных ценностях хороши в романах да пьесках, а не в окопах мировой войны – пусть и тайной!» Вновь на стрелки взглянул, заперезживал: «Вдруг не придёт Браун?! Вдруг перебдел американец?! Или посмеялся надо мной, обманул?! И что тогда делать?!»

Американец не перебдел, не посмеялся, не обманул, но оказался педантом – явился к фонтану точно в срок: улыбается, в руке небольшой чемоданчик, на голове лёгкая шляпа, на лице большие тёмные очки.

«Хорошо, сам подошёл, а то бы не узнал... Ловкий он, этот Браун. Можно даже сказать, опытный...» – мелькнуло у академика тревожное, но на лице Паши Пашаевича – отлично сыгранная радость от «долгожданной встречи с дорогим коллегой».

Обменявшись рукопожатиями и дежурными приветствиями, на сантименты время тратить не стали – поспешили на вокзал (два билета на поезд Карловы Вары – Прага в чешской столице Паше Пашаевичу выдал вездесущий Олег Николаевич).

С вокзала – на такси в аэропорт Рузине. У входа в здание аэровокзала «туристов» встретил Олег Николаевич, сморщил нос в дежурной улыбке, поманил за собой. Паша Пашаевич вспомнил инструкции, полученные в Баку: «На самолёт Браун сядет по «подвесной визе КГБ» – это вкладыш такой специальный в заграничный паспорт. Пограничники стран Организации Варшавского Договора хорошо знают силу «подвесной», поэтому Браун пройдёт и в Праге, и в Москве мимо таможи и погранцов, словно надев шапку-невидимку. На самолёт сядет первым, без очереди – нам бы такой сервис! И никаких отметок в паспорте! Сотрудник резидентуры будет рядом, если что, подстрахует. В общем, не волнуйтесь, Паша Пашаевич, понапрасну!»

Вышло, как по-писаному: Олег Николаевич провёл Брауна мимо чешских и пограничников, и таможи – те просто отвернулись. «Вероятно, у них тоже инструкции», – мелькнуло у Паши Пашаевича, которому пограничный контроль тиснул законную отметку в загранпаспорт, а таможня вежливо поинтересовалась «оружием и наркотиками» в багаже (шутники, да и только!).

Олег Николаевич довёл «туристов» до трапа Ту-104, подмигнул стюардессе, та молча, с улыбкой, провела академика и американца в нос лайнера и посадила в первый ряд кресел – подальше от чужих любопытных глаз.

Браун ко всему произошедшему отнёсся с удивительным спокойствием, словно нелегальное (чего уж греха таить!) пересечение границы – явление для него естественное и привычное. «Ричард – не дурак и наверняка понимает, из какого ведомства Олег Николаевич! – размышлял Паша Пашаевич, устраиваясь в соседнем с американцем кресле. – А раз понимает, то либо готов к сотрудничеству, либо... ведёт свою игру». Ужалила мысль ядовитая академика, жалом острым в сердце засела, потянулся «эмиссар» к стюардессе, о дринке болеутоляющем попросил.

Пока летели до Москвы, Паша Пашаевич рассказал Брауну о «программе визита»: поездка на Нефтяные Камни, посещение старейшего вуза республики, «культурная программа» (что в теме, академик и сам не ведал), «дегустация традиционных блюд азербайджанской кухни» («поле генеральной битвы»!). И, проформы ради, поинтересовался пожеланиями «дорогого гостя».

«Пожелания» Пашу Пашаевича слегка озадачили: Браун захотел «дополнить программу» экскурсиями на промыслы Биби-Эйбата и в дом нефтепромышленника Тагиева. «Если о Биби-Эйбате и доме нефтепромышленника (сейчас в нём Музей истории Азербайджана) Браун узнал в читальном зале Британского музея, в запросе американца на расширение экскурсионной программы «двойного дна» нет. А если с названными местами Брауна связывает нечто большее, чем библиотека Британского музея? Например, прошлое? А что, Дик вполне – возраст позволяет – мог оказаться в Баку до революции... Или во время войны – по делам ленд-лиза? Или – как худший вариант – в 1918-м в составе британского экспедиционного корпуса генерала Денстервилля¹... Если рядовым, это ещё куда ни шло... А ну как по заданию британской разведки?..» – мысли тревожные, цепкие, с лёгкой сумасшедшинкой, в растерянность вгоняющие. Но Паша Пашаевич печали нежданно волей стальной «взял под замок»: «Секретная служба?! Да нет, не может быть! Уймись, фантазия, прочь подозрения!» И лицо академика, с вежливой улыбкой чиркнувшего в блокнот слова «дорогого гостя», весь полёт до Москвы оставалось «безоблачным».

О «безвизе» Брауна в Москве нач-1 договорился с Лубянкой, ну а встречать в Шереметьево академика и американца отправили Теяра. Увидев на выходе из «зелёной зоны» лейтенанта Абасова, Паша Пашаевич заулыбался, замахал рукой, шепнул «гостю»:

– Наш человек, из Министерства высшего образования Азербайджана!

Браун кивнул («Лицо – словно у индейского вождя: ни один мускул не дрогнул!» – мелькнуло у Паши Пашаевича): да, понимаю, Министерство образования – ведомство уважаемое. На выходе из «зелёной» поздоровался с Теяром, механически отметил: «Рукопожатие у гэбиста крепкое».

Из Шереметьево Теяр повёз (на такси – конспирация обяывает) «туристов» во Внуково. Приехали, аэропорт гудит, но не сильно: пассажиров, встречающих-проводящих, ну и желающих приобрести билеты – сотня с плюсом, среди которых, правда, встречаются и нервные, вечно всем недовольные. Оно и понятно: август, самый-самый пик отпусков, билетов в кассах на ближайшие рейсы нет, а те, что ждут своего часа, либо по высокой брони, либо за мзду. Но, разумеется, три места в первом ряду первого салона на Ил-18 до Баку заранее зарезервировал комитет.

Полёт занял три с небольшим часа: Браун сидел у иллюминатора и дремал, Теяр и Паша Пашаевич многозначительно переглядывались и разговорами «гостю» не досаждали – всему своё время.

В Баку Брауна «с почётом» встретили полковник Эфендиев и майор Бабаев, подкатившие к трапу Ил-18 на чёрной «Волге» ГАЗ-21 с правительственными номерами (в разведотделе КГБ Азербайджана – единственный автомобиль «представительского» класса, используемый в «особых случаях»). Начальника группы НТР Паша Пашаевич представил как руководителя отдела по добыче Министерства нефтяной промышленности Азербайджана, ну а майора Бабаева как его заместителя (легенда прикрытия, записанная в оперативный план, придумана и утверждена полковником Гусейновым).

¹Британский экспедиционный корпус (1000 солдат и офицеров, одна оружейная батарея, два самолёта, три броневика) генерала Денстервилля в 1918 году (17 августа прибыли основные силы) находился в Баку. Корпус был эвакуирован в Персию морским путём 14 сентября.

«Вряд ли Браун поверит в легенду: нелегально пересечь две границы – чешскую и советскую – можно при благоволении только одного ведомства СССР, и сложить два и два, чтобы понять, что контора эта называется Комитет госбезопасности, а отнюдь не Минвуз и не Миннефть, американцу не трудно. Из этого следует, что Браун сознательно идёт на контакт с КГБ. Вопрос: Браун – идейный союзник СССР или в нефтяном деле у него свой интерес? Вопрос почти гамлетовский...» – размышлял Теяр, сжимая руль и изредка поглядывая на спидометр «Волги» – приказ начальства, сидящего сзади (между полковником и майором – Паша Пашаевич), – ехать «с ветерком», но аккуратно. Браун, как «почётный гость», сидел справа от Теяра, скользил взглядом по нефтяным вышкам, качалкам, отстойникам и глубоко вдыхал заносимый в салон авто через открытые окна горячий, пахнущий нефтью, воздух Абшерона. Лицо «гостя», наполовину скрытое под тёмными очками, было невозмутимо, хотя из уголка глаза, как заметил лейтенант, неожиданно покатились слезинки. Наверное, от горячего ветра, подумал Теяр...

В отеле «Интурист» для Брауна был подготовлен люксовый номер 231 – единственный в гостинице «для самых-самых высоких гостей». Теяр перед поездкой в аэропорт заглянул – для «генеральной инспекции» – в 231-й. Прошёлся по гостиной. Пианино (предмет, на первый взгляд, на любителя, но в интерьере смотрится неплохо), телевизор, холодильник, буфет с посудой – всё как «в лучших домах». Открыл дверь в спальню: кровать широкая, удобная, бельё самое-самое, тонкое, вкусно пахнущее. Проинспектировал ванную комнату (кафель, краны, зеркало – всё блестит!) и туалет. Нажал кнопку спуска воды в бачке – работает! Вернулся в гостиную, открыл дверцу холодильника, придирчивым взглядом окинул «щедрые дары Кавказа». Ну что ж, икра чёрная и красная, балыки, фрукты, вино, коньяк, водка – всё на месте, а оперативный нал академику для визитов в лучшие рестораны Баку выдан заранее – желудок американца визитом в Азербайджан будет доволен!

К «Интуристу» из Бина подъехали под вечер, всей энтээровской группой сопровождали Брауна до дверей люкса, на пороге распрощались: отдыхайте, гость дорогой, набирайтесь сил, впереди нас ждут великие дела!

Подниматься этажом выше – в номер 331, к сотрудникам оперативно-технического отдела, колдующим над магнитофонами («жучки» в люксе) и фотокамерами (объективы – в потолке), не стали. Ещё выглянет гость в окно, чтобы рукой помахать на прощание «госчиновникам», а любезных что-то не видно, хотя авто их чёрное стоит там, где его оставили. Куда, спрашивается, запропастились сладкоголосые?! Да и смысла инспектировать коллег, документирующих нелегальное пребывание американца в Баку (мало ли что, вдруг придётся по «итогам визита» пойти на крайний вербовочный вариант и «ломать Брауна через колено» накопленным компроматом?), ни малейшего: парни – профи, отщёлкают любую тень, запишут любой писк!

На следующий день, дав Брауну выспаться-позавтракать (в отельную ресторацию американца сводила «принимающая сторона» – Паша Пашаевич), к одиннадцати часам утра группа НТР в полном составе появилась в «Интуристе». «Ну что ж, первый пункт программы визита – Азербайджанский институт нефти и химии: американцу надо дать время в Баку пообвыкнуть, «ослабить тормоза». А то напряжённый он какой-то, хотя старается казаться безмятежным», – думал Теяр, вырuling от «Интуриста».

В институте, следуя «традициям восточного гостеприимства», поднялись на второй этаж – и напрямик в кабинет ректора (предупреждён о визите заранее) – Исмаила Ибрагимова. Ректор встретил Брауна с «почестями». Вышел из-за стола руко-

водящего, улыбка широкая, добрая, руку американца пожал, слова нужные, на английском, продекламировал (спич, чтобы ненароком не сболтнул лишнего, согласован с комитетом). «По окончании официальной части» впорхнула секретарша, закатила на столике чай, сладости, фрукты, Паша Пашаевич слова рахат-лукумные к месту вставил. Посидели в кабинете с полчаса, чай попили, к пахлаве приложились, послушали про историю вуза, про достижения, про выпускников знаменитых:

– Николай Константинович Байбаков – был министром нефтяной промышленности СССР, сейчас – в ранге министра – председатель Госкомитета химической и нефтяной промышленности при союзном Госплане! – наш выпускник! Первооткрыватель нефти Западной Сибири Фарман Салманов – тоже наш! – с пафосом декламировал ректор.

Браун от «рахат-лукума вербального» вроде как заскучал, полковник Эфендиев глазом моргнул, тут и засобирались, но не «на выход», а во двор института – к учебной буровой установке (вышка, станок, всё, как полагается), чтобы убедился американец – система подготовки кадров в Азербайджане не уступает за границе!

Браун вышку нефтяную увидел, оживился, на помост деревянный поднялся, стал установку буровую осматривать. Переглянулись энтээровцы: с чего бы вдруг такая тяга у «объекта вербовки» к учебному экспонату? Хотя, если человеку нравится, если вышка к контакту доверительному располагает, сюрприз приятный!

А у Брауна не любопытство («Что мне эта бутафорская установка?»), а nostalgia светлая по временам ушедшим, невозвратным, и в памяти картины давние, персидские. Вспомнил Ричард, что первую в своей жизни действующую нефтяную установку увидел в Персии, в июне 1914-го, на месторождении Месджеде-Солейман, куда отправила молодого инженера Англо-персидская нефтяная компания¹... Солнце в зените, хаки на спине хоть отжимай, качалка трудится, нефть из недр высасывает, капитал Англо-персидской преумножает, аборигены вокруг словно муравьи суетятся, на белого сагиба косят хмуро. А Браун – злой, усталый, недовольный, мыслями в Брайтоне, на берегу Ла-Манша: «Дивный морской воздух! Милые друзья! Вечером – ужин, шерри, танцы, лёгкий флирт! Эх, и занесла ж меня судьба в это пекло персидское, в ад нефтяной!» Через месяц, 28 июля, началась мировая война, и военное ведомство попыталось было призвать молодого инженера «на защиту Великой Британии». И кто знает, где – в сентябре на Марне, в 1916-м в «мясорубке» под Верденом или в битве на Сомме – сложил бы, как не один «милый друг», голову Браун, если бы британским кораблям, ну и авто с аэропланами и танками не оказалась столь нужна персидская нефть...

Браун засопел, приложил платок к глазам, с тревогой подумал: «Слезливость да сентиментальность – верные признаки старости?» Постарался отогнать ядовитую, больно, словно оса, жалящую: «Уберегли меня в 1914-м от окопов, от смерти верной нефть и Англо-персидская – вечный я компании должник...» Не отогнал, спустился с платформы, полковник Эфендиев подмигнул академику, и Паша Пашаевич, следуя оперативному плану, бодро предложил американцу пообедать.

Браун почему-то нахмурился, хотя перспектива кебабная вроде обрадовать должна, и попросил прежде отвезти его на берег бакинской бухты. Желание гостя – закон, тем более что там же, на бульваре, недавно открылся летний ресторан «Жемчужина» (открытый ветерку и взорам, вознесённый почти на два метра над землёй зал, над которым раскинулись бетонные створки «раковины» – ор-р-ри-гинально,

¹В 1901 году Великобритания получила «Концессию Д'Арси» на разработку нефтяных месторождений на юге Персии. В 1908 году в Персии была обнаружена нефть и для её добычи в 1909 году создана Anglo-Persian Oil Company (Англо-Персидская нефтяная компания – АПНК). В 1914 году правительство Великобритании приобрело контрольный пакет акций АПНК, что де-факто означало получение Лондоном полного контроля над нефтяной отраслью Персии. В 1935 году АПНК изменила название и стала Anglo-Iranian Oil Company (Англо-Иранской нефтяной компанией), в 1954 году – British Petroleum, в 1998 году – BP Amoco, а с 2001 года – BP.

одна печаль – работает ресторация только в тёплое время года).

«Волгу» Теяр припарковал поближе к ресторации, но Браун «Жемчужину» проигнорировал – напрямик, пренебрегая манящими ароматами восточной кухни, зашагал к морю. Дошёл до баллюстрады террасы (колени Ричарда вдруг ослабли, и плечо правое просело) и долго смотрел на плещущийся у его ног Каспий. «Чиновники» и академик переминались за спиной «гостя», переглядывались, ждали, когда Браун «удовлетворит блажь». Хотя, кто знает, может быть, Браун сейчас пребывает в некоей «каспийской нирване»? Хорошо бы ещё понять мотивы этого «погружения в духовное блаженство»... Минут через десять Браун развернулся (взор, жаль, нечитаемый – в асфальт!), и вся группа зашагала к «Жемчужине». По дороге Браун заметил двух детишек – держащихся за руки девочку лет десяти и мальчонку помладше. Выцветшая, местами латаная одежонка, стоптанные сандалики – и голодные глазёнки, жадно, с завистью смотрящие на толстенную расфуфыренную сверстницу, капризно выбиравшую у тележки с мороженым холодное лакомство. Мамаша толстушки была под стать дочуре: нацепила на себя ювелирный магазин, шуршит шелками, сверкает-кляцает золотыми коронками, в полный голос по-хозяйски вопрошает:

– Хочешь, дорогуша, эскимо? Или пломбир? Или с орехами?!

Браун шагнул к академику, попросил «в долг» советскую купюру. Паша Пашаевич стрельнул глазом в полковника (в инструкциях о наличных для «гостя» речь не шла, американец в Баку на всём готовом), полез в портмоне, достал червонец. Ухватил Браун купюру двумя пальцами – и к тележке с мороженым. Метнул «красненькую» тётке в белой куртке, ткнул пальцем в ящик холодильный: это, это и это! Взял порций семь или восемь, сколько в руках поместилось, шагнул к голодным девчушке с мальчонкой – и молча им мороженое в руки. А те глазками испуганно-недоверчивыми хлопают, младшенький как-то робко за спину девчушки прячется. Полковник Эфендиев не растерялся – моргнул Паше Пашаевичу: дескать, сдачу у продавщицы заберите, нам слухи о «сумасшедшем миллионере» ни к чему! А сам – к Брауну, и ласково-авторитетно так детям: берите, ребята, берите, кушайте на здоровье, дяденька добрый, только горло не застудите!

Случай энтээровцам понравился: «объект вербовки» – человек сердобольный, в оперативном плане это перспективно!

Время дневное, в ресторации посетителей – единицы. Выбрали подходящий столик (отличная панорама, свежий ветерок с моря, дышится легко!), сели. Тут же подскочил, в полупоклоне согнулся официант: глаз намётанный, важных, не жадных на чаевые клиентов за версту чует. Паша Пашаевич ожиданий не обманул – заказал пир: щедрый, хлебосольный, за комитетский нал! Ну и, как заправский тамада, потом весь обед сладкоголосо витийствовал за столом. Полковник Эфендиев «ходом операции» был доволен («Пока, пока доволен, сегодня лишь первый день, апофеоз через два дня – тогда всё и решится!»), жажду утолял чаем и косил на американца.

Браун тщательно пережёвывал пищу, Пашу Пашаевича не слушал – ностальгировал: «...4 августа 1918 года... Бакинская бухта... причал пароходной компании «Кавказ и Меркурий»... на берег сходит передовая группа корпуса генерала Денстервиля...»

После обеда разделились. Паша Пашаевич повёл Брауна, «как гость и заказывал», в «дом нефтепромышленника Тагиева¹» (благо, Музей истории от бульвара в двух шагах, надо только проспект Нефтяников перейти). А «чиновники» поехали в комитет – ситуацию анализировать да отчёт начальнику разведотдела сочинять.

¹Хаджи Зейналабдин Тагиев (1823–1924) – азербайджанский промышленник и меценат, действительный статский советник. В 1872 году вложил капиталы в нефтяное производство, приобретая на состоявшихся в декабре торгах несколько нефтяных участков. В 1897 году Тагиев продал за 5 млн рублей британским промышленникам свои нефтяные промыслы, керосино-масляный завод и суда для перевозки нефтепродуктов.

Музей ради визита Брауна для посетителей закрывать не стали. Хотя, если надо для дела, объявить музейщикам «санитарный день» для комитета не проблема. На первом этаже «приобшились к каменному веку». Паша Пашаевич, словно заправский экскурсовод, рассказывал-показывал Брауну, какие орудия времён палеолита, выложенные под стеклом стендов экспозиционных, из камня, а какие – из обсидиана. Благо, считывать музейные пояснения к экспонатам – не труд, а так, урок декламации. По той же схеме Паша Пашаевич поведал «гостю» о монетах, украшениях и прочем, относящемся к Средневековью. Через полчаса от «экскурсии» подустали и академик, и Браун, которого вдруг неудержимо потянуло на второй этаж. Паша Пашаевич тяжело затопал по парадной лестнице вослед американцу: а ну как «гость» ненароком, по незнанию-неведению, в какую-нибудь историю, для дела не желательную, окажется замешан?! Нет, всё надо держать под личным контролем! Но Браун, показалось академику, точно знал, что ему нужно: без колебаний открыл ближнюю к лестнице дверь, шагнул в экспозиционный зал. Паша Пашаевич под локоток подхватил проходящую мимо музейную ханум, шепотком поинтересовался: чем интересен зал? Услышав в ответ: «А-а, так это бывший кабинет Тагиева!», удивлённо вскинул брови.

Браун вошёл в зал-кабинет, сделал несколько шагов, огляделся, в памяти – яркие стробоскопические вспышки: «...10 августа 1918-го... я шестой день в Баку... удалось договориться о встрече с Тагиевым... официальная версия: британский корреспондент, интервью с уважаемым Хаджи Зейналабдином, читатели «Таймс» жаждают откровений мецената... и, само собой, парадная фотография – куда ж без неё...»

Малоформатной американской фотокамерой «Симплекс мульти» Брауна снабдил в персидском Энзели, перед отплытием в Баку «передового отряда» полковника Стокса, капитан Эванс из Секретной разведывательной службы¹. Ричард попытался уклониться от «оказанной ему высокой чести», развёл руками, завздыхал: ну какой из меня разведчик, я же ничего в шпионских делах не смыслю! Капитан Эванс хихикнул, подмигнул, похлопал по плечу, сказал, что было время, и для него шпионаж был китайской грамотой! А потом ничего, освоился, пообвык, опыта набрался. «И у вас, Ричард, получится! Вы что же, полагаете, шпионаж – это забава для избранных? Ничего подобного! Наглость, самоуверенность, фантазия, цинизм, анализ вариантов

¹ Secret Intelligence Service (Секретная разведывательная служба, СИС) – основная разведывательная служба Великобритании. Формально британская спецслужба (она считается прародительницей разведывательных служб стран НАТО) была создана 1 октября 1909 года. В начале XX века СИС называлась Бюро секретных служб при Иностранном департаменте Комитета обороны Великобритании. Основателями бюро стали капитан Вернон Келл и капитан Мэнсфилд Камминг. Формально СИС действует «под крышей» Foreign Office – Министерства иностранных дел Великобритании. Задачи СИС – получение секретной информации о политической, военной, экономической и научно-технической деятельности иностранных государств. Возглавляет СИС генеральный директор, который формально является заместителем главы МИД Великобритании. Генеральный директор СИС имеет прямой выход на премьер-министра Великобритании. Когда того требуют интересы «национальной безопасности Великобритании», СИС действует в соответствии с прямыми указаниями премьер-министра или приказами генерального директора. В структуру СИС входят пять директоратов. Административно-кадровый директорат решает административно-управленческие и кадровые вопросы. Директорат постановки заданий и подготовки разведывательной продукции обрабатывает и анализирует получаемую разведывательную информацию и готовит для руководства СИС, МИД и премьер-министра «итоговые и рекомендательные документы». Директорат региональных контролеров руководит региональными оперативными отделами СИС. Директорат внешней контрразведки и безопасности противодействует спецслужбам иностранных государств на территории Великобритании и обеспечивает безопасность работы английской разведки за рубежом. Директорат специальной разведки обеспечивает структуры СИС современными оперативно-техническими средствами, используемыми для проведения оперативной работы на территории Великобритании и за рубежом. В СИС действуют также Группа советника по вопросам международных отношений и Группа связи со спецслужбами США и других стран НАТО. В МИ-6 – внешнюю разведку СИС – вербуются в основном выпускники ведущих университетов Великобритании. МИ-5 занимается контрразведывательной деятельностью.

– как в шахматах! – для начала этого достаточно. Вы же играете в шахматы и, мне сказывали, неплохо? А я вот только в бридж!» – засмеялся Эванс. Ричард раскрыл было рот для резонного ответа, но капитан посуровел лицом и без пауз разъяснил, какую информацию хотела бы получать от «специального корреспондента «Таймс» («Это ваше официальное прикрытие!») британская разведка, снабдил пачкой фунтов стерлингов, браунингом, запасным магазином и коробкой патронов («Уверен, оружие вам не пригодится, но не помешает!»), дал инструкции и «каналы связи». Ну, каналы – это высокопарно! Корреспонденции в Лондон для «Таймс» (плюс отчёты для капитана Эванса в Тегеран) отправлять можно только на британских судах, плавающих из Баку в Энзели и обратно, а те ходили редко и нерегулярно.

Брауна это устраивало: Секретная служба Его Величества Георга V – это, конечно, важно, но приоритетом «работы» в Баку, как доходчиво разъяснили «корреспонденту» в Англо-персидской нефтяной компании, должен стать сбор информации о нефтяных месторождениях Азербайджана. Тогда, в июле 1918-го, в Тегеране, в британском посольстве, сэр Оливер, заправлявший делами компании в Персии, был откровенен:

– Браун, бывшую Российскую империю мы делим на части (чирк-чирк по карте). Видите (тычок в Абшеронский полуостров), Азербайджан – это сфера наших интересов! Британии и Англо-персидской компании! Цель вашей миссии – оценка текущей добычи нефти на Абшероне, технического состояния трубопровода Баку-Батуми, извлекаемых запасов бакинских промыслов! Вам необходимо оценить потенциал нефтяного экспорта с промыслов Баку! Это – текущие задачи вашей миссии! Задача на перспективу – оценить вероятность открытия на территории Азербайджана новых нефтяных залежей! Ну и прочее, прочее, представляющее для нашей компании коммерческий интерес! Не нам вас учить, Браун, вы и сами в этих делах прекрасно разбираетесь!

«Кое-что понимаю, но не всё! Например, на кой чёрт вам, сэр Оливер, трубопровод, если в Батуми турки?! Вы что, османам и немцам нефть из Баку качать собираетесь?!» – разозлился тогда Браун, но, смирив гнев, благоразумно промолчал.

А сэр Оливер разговорился, директивами так и сыплет:

– Когда окажетесь в Баку, посетите нефтепромышленника Тагиева... и постарайтесь расположить к себе старого лиса! Да, Хаджи давно отошёл от нефтяных дел. Но он наверняка знает о запасах нефти в Азербайджане кое-что любопытное! А значит, коммерчески интересное для компании!

«Посыл сэра Оливера логически слабенький, равно как и глубина озарения «Хаджи наверняка знает». Пустая сентенция, которая зиждется на одном – «ожидании позитива»! А «любопытное» и «коммерчески интересное» добывать должен я! Как?! «Располагая к себе Хаджи»?! Легче сказать, чем сделать! А если старый лис знать не знает и ведать не ведает, где искать большую нефть, и, как я ни располагай Хаджи, слова дельные он всё равно не скажет, потому что сказать нечего! Но если я пошлю сэра Оливера куда подальше – старый болтун это заслужил, заслужил! – через неделю окажусь в окопах... Впрочем, и в Баку меня отправляют тем же расходным материалом...» – злился Ричард, мысленно проклиная (от беспомощности и унижения) и сэра Оливера, и Англо-персидскую, и короля Георга.

В Тегеране Браун прочитал досье на Тагиева (дал папочку – на время – сэр Оливер). Информацию, как понял Ричард, собирали из «открытых источников», особой ценности она не представляла и позитив имела один – чужой труд экономил время и силы. За час Браун узнал, где и когда Тагиев родился, на ком женился, сколько сыновей-дочерей родил, кем и чем награждён (награждали, отметил Ричард, и персы, и русские). Подробнее в досье было расписано, в каких сферах (нефть, текстиль, рыба, виноделие, финансы, торговля), как и когда промышленник и меценат преуспел.

В спокойные и предсказуемые времена, думал, листая папку, Браун, имея

месяц-другой на разработку Тагиева, в дело пошла бы и эта информация. Но сейчас, во «время великих перемен», найти подходы к «объекту» необходимо за считанные встречи, может быть, за одну-две. «Тагиеву – 95 лет! Наверняка у Хаджи накопились проблемы с соматикой, ну и с памятью, рассудком!» – опечалился Браун, закрыл досье и отправился «на консультацию» к капитану Эвансу.

– Ваши опасения резонны, Браун! – Эванс был спокоен и деловит. – Тагиев действительно может согласиться лишь на одно интервью! Если уговорите старца на второе, считайте, вам повезло! И память у человека, прожившего почти век, увы, не та, что у нас с вами! Поэтому, задавая старцу вопросы, вы должны быть точны и акkuratны, как скальпель!

Браун вздохнул и пообещал, а Эванс, забыв о метафорах, за полчаса надавал «корреспонденту» с десятков полезных советов.

– Разговор с Хаджи начните с соболезнований. Сын Тагиева – Мамед, офицер Дикой дивизии¹ – погиб в марте в Ленкорани в боях с коммунарками. Сыграйте глубокую скорбь, изобразите – лицом и тембром – душевную боль и сопереживания. Только не переусердствуйте с театральщиной! И сердце старца дрогнет, наполнится теплотой и благодарностью! Это перспективно!

Браун оглядел бывший кабинет Тагиева – да, сейчас о Хаджи здесь мало что напоминает, а тогда, в августе 1918-го, когда он первый раз появился в доме промышленника на улице Горчаковской...

Заранее договариваться с Хаджи о встрече Браун не стал – ещё откажет, сославшись на хвори, старый лис! Подкатил к дому Тагиева на пролётке, звякнул колокольчиком, велел прислуге «доложить о визите британского корреспондента» и, не дожидаясь решения хозяина, шагнул в приоткрытую дверь. «Не выставит же меня Хаджи! Восток, гостеприимство, «гость в дом – радость в дом»! Ну и визитку «Таймс» прислуга отнесла хозяину... Не станет же Хаджи портить отношения с европейской прессой?!» – мысли тревожные, нервные, губы пересохли: первая разведоперация – почти как первая любовь... Расчёт Брауна оказался точен.

Тагиев (чёрный строгий сюртук, красная феска, борода седая, ухоженная) встретил «корреспондента» радушно, с улыбкой, но глаза его были холодны. С дивана навстречу не поднялся, руку «гостя» пожал вяло. Браун (клетчатые бриджи, замшевая куртка, высокие ботинки на шнуровке – аборигены с первого взгляда должны понимать: перед ними – представитель великой западной цивилизации!) первым делом повздыхал о «павшем за свободу и независимость родины» Тагиеве-младшем.

Хаджи потеплел лицом, глаза мецената увлажнились, он поднял ладони, зашептал молитву, и Браун мысленно воздал должное профессиональному опыту и мастерству капитана СИС. Поскорбев «за компанию» минут пять (чтобы изобразить глубокое соболезнование, надо просто молча уставиться в паркет – совет капитана Эванса), Браун рассыпался в комплиментах, превознося деловые и личностные достоинства промышленника и мецената. («От вас, Ричард, не убудет, а туземцы млеют от блеска вербальной мишуры!» – и этот циничный совет капитана Эванса попал в «яблочко».)

Браун говорил по-английски, на азербайджанский переводил лейтенант Бейли (Ричард велел ему перед визитом к Хаджи облачиться в гражданское) из штаба Ден-

¹ Кавказская туземная конная дивизия создана по распоряжению российского императора Николая II в 1914 году (в начале Первой мировой войны). В состав дивизии входили три бригады (вторая была сформирована из азербайджанцев). Дивизия (в 1917 году преобразована в корпус) была расформирована в начале 1918 года.

стервиля. Сэр Оливер предложил взять с собой в качестве переводчика проверенного работником на Англо-персидскую уроженца Энзели, но капитан Эванс запретил, заявив, что не доверяет туземцам, и приказал работать с англосаксом. «Лейтенант, похоже, тоже из СИС, и Эванс приставил его ко мне тенью, «вторым каналом информации» и банальным соглядатаем: шаг влево, слово вправо – обо всём будет доложено капитану», – спокойно, с пониманием отнёсся к приказу Ричард, но лёгкую обиду на Секретную службу затаил.

Хаджи «корреспондента» послушал, важно кивнул, и Браун расчехлил «Симплекс мульти». Тагиев сделал строгое, задумчивое лицо, и Ричард запечатлел мецената и анфас, и в три четверти, и в профиль. А дальше – самое трудное: добиться расположения-доверия Тагиева, вызвать на откровенность, узнать потаённое, для Англо-персидской и СИС важное-необходимое. На «комплиментарной волне» Браун ловко подкатил к главному – к нефти. Дескать, читатели «Таймс» мечтают узнать, как это Хаджи удалось её найти? Другие ведь тоже рыли-копали – и ничего! Вероятно, Хаджи владеет некими секретами, позволяющими проникать в тайны недр?..

Но Тагиев, словно потешаясь над мудростью советов сэра Оливера, погладил бороду, поднял ладони, возвёл очи к потолку и заявил:

– Всё в руках Аллаха!

Браун предпринял ещё одну попытку вызвать Хаджи на нефтяное откровение, но Тагиев в ответ лишь погладил бороду, поднял ладони и как-то нехорошо, свысока, улыбнулся.

«Даже если что-то и знает, секретами не поделится», – спокойно подумал Браун. Ну какой, какой Тагиеву прок в том, что он выдаст Англо-персидской некую нефтяную, эквивалентную миллионам фунтов стерлингов, тайну?! Капитан Эванс и сэр Оливер полагают, что, раз Хаджи тесно связан с британским капиталом, он заинтересован в сотрудничестве с Англо-персидской, ну и с СИС? В качестве доказательств «точности идеи» в досье, словно перлы редчайшие, «кураторы» пронотабенили¹ инфо: Тагиев – директор британской нефтяной фирмы «Борн» – Бакинское общество русской нефти! Свои нефтяные промыслы, керосиновый завод, наливные суда Хаджи в 1897 году продал британцам! Взамен получил миллионы, акции, пост директора английской компании! «Но за двадцать лет многое изменилось – неужели сэр и капитан этого не понимают?» – подивился «мудрости» наставников Браун, оставил нефть в покое и перешёл к заданию СИС – к политике. «Про политику сказано, конечно, громко!» – посмеялся про себя Ричард.

В годы первой русской смуты² Хаджи поддержал царя, заслужил похвалу Бакинского губернатора Алышевского. Браун вспомнил цитату из досье: «Тагиев – человек, не только преданный России, но и проводящий эти чувства в мусульманскую, сильно считающуюся с его мнением, среду», наставления сэра и капитана: «Проведите зондаж! Выясните, кому сейчас лоялен Тагиев: русским – Белому движению, Османской империи или Великой Британии? Это для нас крайне важно!»

Ещё бы, мелькнуло у Брауна. Российской империи больше нет, 28 мая в Тифлисе заявлено о создании Азербайджанской Демократической Республики, 4 июня заключён договор о мире и дружбе между АДР и Турцией, и самое скверное – османы на подступах к Баку! «Если Хаджи обратится к соплеменникам с призывом встать под знамёна Британской империи, генерал Денстервиль, чем чёрт не шутит, сможет удержать контроль над Абшероном, промыслами, портом! А если не обратится, через месяц турки возьмут Баку – и победим мы до самой Персии! Да-да, если Хаджи – деятельный союзник, в этом, не исключено, спасение миссии нашего корпуса!» – озаботился Браун и пошёл с козырного, как уверял Эванс, зондирующего

¹ От Nota Bene (лат.) – «Хорошо заметь», отметка, служащая для того, чтобы обратить внимание на какую-либо часть текста.

² События, произошедшие в Российской империи в период с января 1905 года по июнь 1907 года.

«туза»: с «тюрьмы народов¹» (цитатой поделился капитан СИС), в которой Азербайджан томился сто лет! Завздыхал, запечалился Ричард о «веках колониального гнёта», с пафосным оптимизмом заговорил о «вновь обретённой Азербайджаном свободе». Ну и «ход тихий²» – к независимости и процветанию народу азербайджанскому широким шагом надо идти, опираясь (о, это мудро и прозорливо!) на могучую державную руку Великой Британии! С пиететом в адрес Англо-персидской сэр Оливер приказал «до зондажа Хаджи, отправки отчёта в Тегеран и получения инструкций» не торопиться. Тагиев «корреспондента» послушал, бороду погладил, засмеялся тихо и зло (от тех старческих кхе-кхе Брауна аж в бок кольнуло) – и заговорил спокойно, с неприкрытой издёвкой:

– Если Азербайджан, как вы утверждаете, был колонией Российской империи, русские, по сравнению с азербайджанцами, должны были иметь множество привилегий. Не так ли?

Тагиев загнул мизинец и вперил острый взгляд в «интервьюера». Браун, чувствуя подвох, кашлянул, изобразил «внимание и глубокомыслие», Хаджи усмеялся, загнул безымянный и продолжил:

– Если Азербайджан был колонией, Россия должна была эксплуатировать наши природные ресурсы, а коренные жители за гроши работать на колонизаторов? Так?

«Сэр Оливер и капитан Эванс уверяли меня, что Тагиев – неграмотный туземец, не умеет ни читать, ни писать... Может быть, может быть... Но слушать и получать знания, когда ему читает кто-то другой, Хаджи может!» – размышлял Браун и раздумчиво кивал, пытаясь демонстрировать хозяйину дома «вежливый скепсис».

Тагиев загнул средний палец:

– Если Азербайджан – колония, русские должны были забрать у азербайджанцев их земли! Так?!

Загнул указательный:

– Если Азербайджан – колония, у мусульман не могло быть равных с христианами прав на веру отцов. Так?!

Загнул большой палец, поднял кулак, твёрдо отчеканил:

– Согласитесь, господин Браун, что нарисованная мной картина вам знакома! Например, по Индии, ставшей для Великобритании источником ценнейших ресурсов, позволяющих вам, британцам, богатеть и благоденствовать!

Браун с тоской подумал: «Старик прав! А я, получается, проиграл, как уверили меня сэр Оливер и Эванс, стопроцентно выигрышную партию! Проиграл при свидетеле – вон как плотоядно заблестели глазки у лейтенанта Бейли!» Ричард вскинул брови, решил, что надо подменить тему, сыграл удивление, переходящее в «лёгкое возмущение клеветой», и с пафосом воскликнул:

– Великобритания принесла на земли империи западную цивилизацию! А что дала вам Россия?!

Тагиев откинулся на спинку дивана, засмеялся, поднял вверх указательный палец:

– Зейналабдин Тагиев, Муса Нагиев, Шамси Асадуллаев, всех не перечесать, стали миллионерами! Я, Хаджи Зейналабдин Тагиев, – действительный статский советник³, награждённый высшими орденами Российской империи! Первый автомобиль в Азербайджане – у меня, второй – у вашего Ротшильда! И только потом – у губернатора!

¹Первоисточник – книга «Россия в 1839 году», автор – француз Астольф де Кюстин (1790–1857). Выражение переосмыслено В.И. Лениным в статье «К вопросу о национальной политике» (впервые напечатана в 1924 году в журнале «Пролетарская Революция» №3).

² «Тихий ход» (шахматный термин) – означает ход без шаха, без видимых угроз, а на самом деле содержит опасности для противника, часто решающие исход партии.

³ Действительный статский советник в табели о рангах Российской империи соответствует чину обер-прокурора, генерал-майора (в армии), контр-адмирала (во флоте), камергера (при императорском дворе).

Тагиев хотел было продолжить, но закашлялся.

«Возраст! Надолго старика не хватит! Надо ловить мгновение!» – мелькнуло у Брауна. И Ричард, вспомнив наставления капитана Эванса, с «чистыми глазами наивного дитя» («преображение» отрепетировано в Тегеране, перед зеркалом) перешёл в контратаку:

– Но вы не будете отрицать, что Россия – оккупант, захвативший земли Азербайджана?!

Тагиев с сочувствием («Словно к пациенту Бедлама!» – обидно кольнуло Ричарда) посмотрел на Брауна, покачал головой:

– Вы, вероятно, имеете в виду русско-персидские войны, Гюлистанский¹ и Туркманчайский² мирные договоры?

Браун, чувствуя очередной подвох со стороны старика, нервно сглотнул и («Делать нечего, сам запросился!») важно кивнул.

– Если бы не Туркманчай и Гюлистан, Азербайджан был бы сейчас провинцией Персии. Разве в Тегеране произошла революция? Разве Персия дала свободу народам империи³? Нет! Независимость получили только десять азербайджанских ханств, которые вошли в состав Российской империи! Одиннадцать ханств, оставшихся в составе Персии – Ардебильское, Зенджанское, Карадагское, Макинское, Марагинское, Сарабское, Тебризское, Урмийское, Халхайское, Хойское! – остаются персидскими останами⁴!

Тагиев закашлялся, протянул руку за армуды с чаем.

«Отличный ход сделал старик! Надо ловить мгновение и переписывать русский плюс на Британию!» – деловито подумал Браун, мягко улыбнулся и доверительно бормотнул:

– А ведь Российскую империю развалили мы, британцы! Ведь это, уважаемый Хаджи, мы, англичане, через своих агентов раздали в Петербурге деньги солдатам Павловского полка! Того самого, который начал в феврале 1917-го в Петрограде мятеж запасных полков императорской армии!

– Да, я слышал: разделяй и властвуй! Отдаю должное британцам – разделять у вас неплохо получается. Но я вам про Персию – от этой империи Азербайджан свободу не получил бы!

Браун кисло улыбнулся и со злостью подумал, что и «подменить тему» не удалось, и Хаджи опять прав. «Да-а, – скрипнул зубами Ричард, – если бы азербайджанские ханства в XIX веке остались провинциями Персидской империи, в веке XX Англо-персидская компания – а не Тагиев и прочие туземцы! – контролировала бы нефть Абшерона. Но русские – в который раз! – сломали великим британцам отличную политическую игру!» Обращение к обидному зигзагу истории мудрости Брауну не прибавило, а вопрос, кому лоялен Хаджи, по-прежнему оставался без ответа.

«По ощущениям – Хаджи ждёт прихода турок! Но что Эвансу моя интуиция – ему подавай факты, да ещё заверенные отчётом лейтенанта Бейли!» – подсадовал

¹Гюлистанский мирный договор – подписан по итогам первой русско-персидской войны (1804 –1813) Россией и Персией 24 октября 1813 года в карабахском селении Гюлистан. Войну Персия проиграла, и шах вынужден был отказаться в пользу России от Дагестана, Грузии, Имеретии, Гурии, Мегрелии, Абхазии, Карабахского, Гянджинского, Шекинского, Ширванского, Бакинского, Дербентского, Кубинского и Талышского ханств, побережья Каспия от устья Терека до Астары.

²Туркманчайский мирный договор – подписан по итогам второй русско-персидской войны (начата персидским шахом Фетх-Али 28 июля 1826 года) между Россией и Персией 22 февраля 1828 года в деревне Туркманчай (50 км от Тебриза). Война Персией была проиграна, и шах вынужден был отказаться в пользу России от Эриванского и Нахичеванского ханств.

³Правительство большевиков 15 ноября 2017 года утвердило Декларацию прав народов России, в которой признавались равенство и суверенность, право на свободное самоопределение всех народов, проживающих на территории бывшей Российской империи.

⁴Остан – административная единица в Персии.

Ричард, покопался в памяти, вспомнил наставления «учителя» («Азербайджанцы – мусульмане, при случае разыграйте конфессиональную карту!») – веско рубанул в Тергеране капитан СИС) и пошёл с сильнейшего, как уверял сисовец, козыря – этнорелигиозного:

– Увы, уважаемый Хаджи, русские действуют жестоко, безжалостно! Вспомните, как в середине прошлого века империя подавила в крови стремление горцев Кавказа – достойных сынов ислама, поднятых на газават великим имамом Шамилем! – к свободе и независимости!¹

Тагиев оживился, глаза его заблестели:

– Отличная речь! Только ваши слова не объясняют, почему большинство горцев встали в той войне под знамёна Белого царя!

Браун удивлённо вскинул брови. Сильного ответа у него не было («Капитан Эванс не подсказал, а сам покопаться в истории не удосужился!»), а унижать себя жалким лепетом отчаянно не хотелось.

– А скажите, господин Браун, – продолжил духовную вивисекцию Тагиев, – это правда, что британцы снабжали горцев оружием, боеприпасами и деньгами? Что имам Шамиль верил всем обещаниям англичан и не подозревал, что горцы воюют с Россией ради британских интересов?

«Что было, то было: Британия пыталась ослабить Россию, используя Турцию и горцев. Добиваться своих интересов чужими руками, чужой кровью – для Британии это нормально! Но про османов Хаджи даже не упомянул! Хотя и для Турции горцы были лишь расходным материалом в противостоянии Порты с Российской империей! Ну что ж, всё ясно: Хаджи ждёт турок и с призывами к соплеменникам посоюзничать с Британской империей обращаться не будет! Отличная информация! – обрадовался Браун и ревниво скосил глаза на лейтенанта Бейли. – Вставит конкурент в свой отчёт добытое мной откровение или смысл сказанного Хаджи минует его голову?»

Хаджи усмехался и ждал ответа. Браун нагло осклабился и, как учил капитан Эванс («В диалоге смыслы – ничто, напор и экспрессия – всё!»), понёс околесицу о всеобщем осуждении цивилизованной Европой агрессивной политики русских. От Кавказа скакнул к бедной, несчастной, расчленённой Российской империей Польше² (разумеется, делили Речь Посполитую пруссаки, австрийцы и русские, но во всех грехах виновата, как всегда, одна Россия!). Легко перепрыгнул со шляхты на Среднюю Азию³, от которой русские нагло отодвинули великих британцев, но об этом с Хаджи ни полслова.

Тагиев слушал, кивал, усмехался, потом захекал и «с наивностью дитя» спросил:

– Помните, в 1857 году в «жемчужине Британской империи» – я про Индию, восстали сипаи – солдаты, которых вы набирали среди местного населения? Почему мятеж, зачем жертвы, если Британия – солнце цивилизации? А?!

Браун осёкся, недовольно нахмурил бровь – Хаджи опять ломает ему игру! – ответил «почти ласково»:

– Сипаи получили от Британии современное оружие, мы платили им жалованье, но недовольные всегда найдутся...

Тагиев покачал головой:

¹Кавказская война – военные действия в период 1817–1864 годов, связанные с присоединением к Российской империи горных районов Северного Кавказа.

²Разделы Речи Посполитой (Польши) между Пруссией, Австрией и Россией. Первый – в 1772 году, второй – в 1773 году, третий – в 1795 году.

³Восстания казахов, туркмен, киргизов, узбеков, таджиков и других народов Средней Азии, входивших в состав Российской империи. Первый мятеж начался 4 июля 1916 года. Поводом для мятежей, вспыхнувших в Средней Азии в период Первой мировой войны (1914–1918) и продолжавшихся до февраля 1917 года, стала трудовая мобилизация для выполнения работ в тылу.

– Может, потому, что Британия не обеспечила народам Индии культурное и экономическое развитие? Может, потому, что англичане разорили местную элиту, обложили налогами духовенство? Откройте секрет: как могла Британия допустить такие грубые ошибки?!

Браун усмехнулся, развёл руками и нагло подменил тему:

– Уважаемый Хаджи! После Октябрьского переворота лидеры большевиков Владимир Ленин, Лев Троцкий и прочие пламенные революционеры-интернационалисты заявили, что рассматривают народы, населявшие территорию Российской империи, как расходный материал, который легко можно бросить в топку мировой революции! Вы, азербайджанцы, хотите стать хворостом для мирового пожара?!

Хаджи ткнул в Брауна пальцем:

– Вы же знаете, что нет!

Браун обнажил зубы в волчьем оскале:

– Уважаемый Хаджи! Вот придут в Баку большевики и всё у вас конфискуют!

– Большевики? Да, большевики конфискуют... – усмехнулся Тагиев и резко и неожиданно «указал британцам на дверь»:

– Извините, господа, я устал: аудиенция закончена!

Браун и лейтенант Бейли вышли из дома Тагиева, зашагали по Горчаковской к морю. Лейтенант насвистывал, Браун размышлял: «Сэр Оливер о бремени белого человека всё вздыхал. А капитан Эванс – тот прагматик! Дик, у вас на руках все козыри! Дик, туземцы робеют перед белым человеком, вы всегда в фаворе! А Хаджи не сробел, нет, не сробел! Сэр и капитан – люди, конечно, мудрые, отличные профессионалы и мои начальники. Но следовать каждому их совету, указанию, приказу, как показал диалог с Хаджи, – глупо и бесперспективно! Этот вывод надо запомнить!»

За спиной задышала «принимающая сторона». Браун повернулся к академику, сказал, что устал, и запросился в отель. Предложение Паши Пашаевича отужинать вместе вежливо отклонил и не столько попросил, сколько приказал: завтра с утра – визит на промыслы Биби-Эйбата!

– Ну, что скажете, товарищи? – обратился к подчинённым полковник Эфендиев. Вопрос начальника группы НТР – риторический, но надо с чего-то начинать со вещание.

– Вербовка за четыре дня маловероятна... – осторожно откликнулся (увы, банальностью) майор Бабаев. – Разве что пустить в дело компромат – аргумент «мгновенного действия»... Хотя «призовой» миллион долларов, на мой взгляд, надёжнее.

– А ты что думаешь, Абасов? – обратился к Теяру полковник Эфендиев.

Теяр потёр ладонью лоб, «изобразил работу мысли», ответил раздумчиво:

– Вероятнее всего, предложить Брауну миллион всё же придётся – за день до отъезда, чтобы отработать и эту линию. А компромат... Компромат – у нас на американца нелегальное пересечение границы и контакты с сотрудниками КГБ – Брауна, вне всякого сомнения, поставит перед сложным выбором. Но станет ли он послушным и покорным? Не уверен. Злым и отчаянным? Вполне допускаю. Поэтому, на мой взгляд, лучше обойтись без компроматных крайностей – так у нас хотя бы останется возможность его дальнейшей разработки...

– Ты сам-то веришь в сценарий «дальнейшей разработки», Абасов? – дёрнув головой (нервы, нервы!), зло произнёс Эфендиев. – И кто будет разрабатывать? Академик? И где – в Хьюстоне, в тесном кругу цэрэушников, за три командировочных дня?!

– Нет, товарищ полковник, не верю, – развёл руками Теяр.

– Вот то-то и оно, – нахмурился начальник группы НТР. – Выходит, шансы за-получить документацию у нас невелики. Скверно, товарищи офицеры!

Конечно, скверно, кто бы спорил, подумал Тейяр, а вслух тихо бормотнул:

– Идейные агенты, как учит исторический опыт, готовы к сотрудничеству до того, как на них выходит заинтересованная разведка. Может быть, и Браун через день-другой пойдёт на контакт с нами? Либо потому, что хорошо относится к СССР...

Полковник Эфендиев потёр пальцами лоб и хмуро бросил:

– Раз начал, договаривай!

– Либо потому, что Брауну сотрудничество с нами по каким-то причинам, о которых мы пока не знаем, необходимо самому!

– Ничем не мотивированные фантазии, лейтенант! – усмехнулся майор Бабаев и перевёл взгляд на начальство – за поддержкой и одобрением.

Полковник Эфендиев кинул мрачный взгляд на Тейяра: «Версия Абасова не лишена резона. Но если лейтенант прав, кто кого, спросит начальство, играет: мы американца или он нас?» Вопрос злой, острый и ядовитый – не для вечера, для утра.

– Мотивы сотрудничества – это, спору нет, вопрос существенный. Но если мы получим от Брауна чертежи, разве так уж важны причины «американской благотворительности»? – вставил майор Бабаев. – Может, владелец компании, заказавшей установку, чем-то обидел Брауна? Наш «гость» решил «должок вернуть», а тут и академик на него вышел! Создал, так сказать, технические возможности для справедливого возмездия! Были бы чертежи, а мотив, объясняющий их передачу нам, найдётся!

Нач группы НТР кивнул: да, успех операции – это чертежи! А подарил их Браун комитету потому, что с симпатией отнёсся к героическим нефтяникам Каспия или его поступок – ход мстительного византийца (приемлемое объяснение), это второй вопрос.

– Да, успех операции – это чертежи! Но мы пока даже не знаем, имеет ли Браун хоть какое-то отношение к плавучей буровой! Не исключено, что не имеет! Не исключено, товарищи офицеры, что приехал американец в Баку простым туристом – посмотреть за счёт комитета на красоты Азербайджана! – в сердцах бросил полковник Эфендиев и отправился к начальству – отчитываться «о проделанной работе и достигнутых результатах».

– Да-а, если академик со своим «динамическим позиционированием» промахнулся – для Центра мы станем посмешищем! – схватился за голову майор Бабаев. – О, за что такое наказание!

«Ладно, Брауна-туриста мы переживём – в работе разведки «пустая порода» не редкость. Хуже (и тревожнее!), если американец – хитроумный, играющий вдолгую, англосакс...» – подумал нач группы НТР, входя в кабинет полковника Гусейнова.

На Биби-Эйбат приехали на той же оперативной «Волге», хлопнули дверцами, скинули пиджаки, оглянулись: от никому не нужной «почётной встречи» с руководством НГДУ промысел был освобождён звонком из «Азнефти», а рабочие – те не мешают, те пусть трудятся.

Солнце жгло немилосердно, на море – штиль, от въевшихся в землю чёрных пятен шёл густой и тягучий запах нефти, у двух качалок (одна подобралась к морю, вторая – в паре десятков метров) копошились ремонтники. Работяга (выцветшая солдатская панاما, закрывающая голову от солнца, кирза и маслянистая роба) у ближней качалки оставил маховик, повернулся к «гостям», взгляд хмурый, злой, пролетарский.

Паша Пашаевич, задумавший было поразить «гостя» глубокомысленной лекцией по истории нефтяной добычи на Абшероне, кинул взгляд на мрачного Брауна и

передумал. А полковник Эфендиев свои пять копеек вставил¹ ловко:

– На Биби-Эйбате нефть добывается с 1848 года! За сто лет добычи запасы, увы, иссякли! Другое дело – шельф! На мелководье мы ещё можем вести разведку со стационарных оснований, а вот на глубине, где миллиарды тонн нефти («Сколько, никто, естественно, не считал! Но для пользы оперативного плана можно и преувеличить! Оценочно ведь! А прогноз, во-первых, ни к чему не обязывает, во-вторых, через месяц о нём всё равно никто не вспомнит!» – мелькнуло у начгруппы), пока не получается... А как у вас, мистер Браун, на шельфе в Мексиканском заливе, решается эта проблема?

«Пробный шар» полковник прокатил ловко, чекисты и академик затаили дыхание (вот, сейчас, сейчас клюнет американец!), но Браун и глазом не моргнул.

«Какой-то американец сегодня отрешённый от мира, глубоко погружённый... В размышления?... Сравнения?... Анализ?... Или в воспоминания? Странно всё это...» – мелькнуло у Теяра, он сделал несколько шагов, повернулся спиной к солнцу – так лучше наблюдать «за игрой лица» Брауна. «Жаль, не видно глаз, скрытых под тёмными стёклами очков», – вздохнул лейтенант.

Солнце, жара, штиль, тягучие запахи, от которых наливаются тяжестью голова и начинает стучать в висках, – этого августовского кошмара Биби-Эйбата для Брауна, казалось, не существовало. Американец поворачивал голову то влево, то вправо, словно хотел найти среди вышек, качалок, столбов с проводами, пятен разлитой нефти и накатанных колёсами авто грунтовок что-то важное. Вдруг Браун шагнул раз, другой, взгляделся в нечто, видимое, казалось, ему одному и, отринув последние сомнения, торопливо зашагал – сначала прямо, по грунтовой колее, потом повернул направо – к старому бетонному основанию заброшенной буровой. Группа НТР и академик неторопливо, с осторожностью минуя чёрные маслянистые пятна, въевшиеся, словно плесень, в глинистый грунт, двинулись следом.

– Странно всё это, – бормотнул майор Бабаев и промокнул носовым платком недовольное лицо. Над Биби-Эйбатом стояло удушающее марево, и замначу группы НТР хотелось прохлады кабинета и ледяной минералки, а тут участвуй в бессмысленных – «в оперативном плане» – шаманских камланиях!

Браун, прошагав по промыслу метров сто, остановился, огляделся. Да, нет сомнений, он нашёл то место, где 5 августа – в нескольких шагах от «британского корреспондента» – зарылся в землю трёхдюймовый турецкий снаряд. Армия Нури-паши² начала в тот день наступление в районе Биби-Эйбата³, турецкая батарея стояла где-то за холмами, слева горела подожжённая прямым попаданием нефтяная вышка, работу которой только-только, десяти минут не прошло, оценил инженер Браун. На гребне холмов появилась цепь атакующих. «Фигурки турецких солдат с винтовками наперевес похожи на оловянных солдатиков – игрушечных, неопасных, легко, ладно, сбрасываемых со стола в картонную коробку», – мелькнула тогда у Брауна нелепая мысль. Где-то справа, у дороги, идущей из Баку к селению Шихово, застучали пулемёты, над турецкой цепью появились облачка шрапнели – стреляла батарея Диктатуры Центрокаспия⁴. Османы залегли, а Браун стоял и тупо смотрел на невзорвав-

¹ Вставить пять копеек – шутливо-иронический фразеологизм, означает принять участие в чём-либо.

² Кавказская исламская армия – сформирована в Азербайджане в мае-июне 1918 года. Командующий – турецкий генерал Нури-паша. Численность: турецкий корпус – 5000 солдат и офицеров, корпус азербайджанских, чеченских и дагестанских добровольцев – 7000 человек, артиллерия – 40 орудий. Армия расформирована 27 октября 1918 года.

³ Наступление Кавказской исламской армии, начавшееся 5 августа 1918 года в районе Биби-Эйбата, было отбито, турецкий корпус потерял 148 солдат и офицеров убитыми, 463 – ранеными.

⁴ Диктатура Центрокаспия и Президиума исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Образована в Баку 1 августа 1918 года после падения в городе Советской власти (Бакинской коммуны). Просуществовала до 14 сентября 1918 года (день начала штурма Баку Кавказской исламской армией).

шийся, вонзившийся, словно заноза, в «кожу» земли снаряд. Он не помнил, когда и как вышел из ступора, как развернулся и побежал, как оказался в пролётке, мчавшейся в сторону Баку. Да это и не важно. Как не важно и то, что тогда, 5 августа, добравшись до штаба полковника Стокса, он подумал об Англо-персидской компании и Специальной службе Его Величества. «Всевышний сохранил мне тогда жизнь. Видно, была для этого у Отца Небесного какая-то цель, а у меня, стало быть, предназначение...» – мысль давняя, неразрешённая. Браун повернулся – за спиной переминались, ждали, что будет дальше, гэбисты и академик.

– В отель: обедать и отдохнуть, – не столько попросил, сколько приказал Браун и зашагал к «Волге».

– Ну что ж, это мудро, – бормотнул Паша Пашаевич. – Завтра на Нефтяные Камни? – это уже вопрос к полковнику.

– Да, Паша Пашаевич! День завтра, можно сказать, судьбоносный – надо постараться, очень, очень постараться, – дал академику чёткую руководящую директиву полковник Эфендиев. – Мы покажем Брауну на Нефтяных Камнях тяжёлый труд героических нефтяников Каспия, а вы за приватным ужином в «Интуристе» постараетесь выяснить, миф или реальность секретная буровая установка американцев!

Паша Пашаевич помрачнел лицом – обиделся на публично явленное ему недоверие компетентных органов. Хотел академик ответить резко, но не успел: на чгруппы опередил руководящими указаниями:

– И если мы всё же ищем не «чёрную кошку в тёмной комнате»¹, вы плавно подведёте Брауна к мысли о передаче нам документации на американскую установку. В идеале – «на идейной основе»!

«Захочет Браун – подарит чертежи, не захочет – пошлёт меня – с гэбистами! – подальше! И никаким тяжёлым трудом героических нефтяников американца не проймёшь, не заставишь удариться в благотворительность!» – оценил задание комитета Паша Пашаевич, но вслух произнёс (витиевато по форме и философически по существу):

– Да-а, за англосаксами – исторический должок!

«Хуже вражды с англосаксом может быть только дружба с ним», – вспомнил Теяр мысль русского военного разведчика генерала Алексея Вандама – его нередко цитировали на лекциях в 101-й разведшколе. Хотел было вслух соотнести цитату с «историческим должком», затем задаться риторическим вопросом: «Когда это англосаксы отдавали исторические долги?», но скосил глаза на мрачных, готовых в любую секунду «взорваться» полковника и майора – и – от скандала подальше – промолчал.

В восемь часов утра приехали в Бакинский порт, поднялись на теплоход «Бабададе», раз в две недели ходивший на Нефтяные Камни (на борту – вахтовики, ну и грузы кое-какие, в «городе на сваях» необходимые). Капитан теплохода встретил у трапа и строгий приказ министра нефтяной промышленности – «обеспечить визит на высшем уровне!» – отработал, как положено: форма – парадная, спина – прямая, взгляд – бодрый, сильная рука к фуражке вскинута чётко, решительно. Лишние вопросы кэп задавать не стал, сразу провёл «гостей» в кают-компанию.

На море – штиль, вахтовики – на «своих» палубах, вниманием не досаждают, время до Нефтяных провели за хорошим столом и в приятных беседах «обо всём и ни о чём». Министерство торговли не подвело: выделило из «резервов» икры и чёрной, и красной, балыков да осетринки свежайшей, коньяков, вин, заморских бананов-ананасов, коих советские люди в кино только и видели, немерено.

«Фотографии на память» в кают-компании решили не делать – зачем трево-

¹ «Трудно найти в тёмной комнате чёрную кошку, особенно если её там нет» – древнекитайский мыслитель и философ Конфуций (551 г. до н.э. – 479 г. до н.э.).

жить мистера Брауна компрометирующим глянецом? Съёмку, на тот случай, если всё же придётся вербовать американца, загоняя его в угол компроматом, провели тайно – из соседней, подготовленной технарями комитета для «фотосессии», каюты.

Операция тайная, фотосъёмочная, была отработанная, поставленная, можно сказать, «на поток». Комитет – «по просьбам зарубежных гостей» – практиковал «ознакомительные круизы» по Каспию для иностранных инженеров, учёных и дипломатов. В нужное время и в нужном месте комитетские «чиновники из «Азнефти», Миннефти и прочих уважаемых структур» оставляли «объекты» в каютах «без призора», и тут на траверсе появлялся корабль военный, да не один! Иностранцы и давай «эскадру» через иллюминаторы на фотоплёнках увековечивать! А из соседней, специально оборудованной каюты, комитетчики их художества щёлк-щёлк! И на берегу в приватной обстановке иностранцу по схеме стандартной на стол глянец компрометирующий и предложение о сотрудничестве. Многие, глянец оглушённые, соглашались, но попадались и упёртые – таких, никчёмных и бесполезных, за деятельность, не совместимую со статусом, вон из страны!

После полудня «Бабазаде» пришвартовался к пирсу Нефтяных Камней. Торопиться с выходом из кают-компания не стали – подождали с полчаса, пока вахтовики покинут борт теплохода.

На эстакаде уже стояла «Волга» начальника НГДУ. Теяр сел за руль, Браун – рядом, «чиновники» и академик, как обычно, «во втором ряду». По эстакаде помчались красиво, «с ветерком». Теяр на Нефтяных Камнях был один раз – в 1960 году, когда «в город на сваях» привезли «на экскурсию» Первого секретаря ЦК КПСС Никиту Хрущёва, и младший лейтенант Абасов помогал коллегам из Центра «охранять первое лицо». Закоулков да переулков на прямом эстакадном маршруте не было, Теяр вёл «Волгу» уверенно, иногда притормаживая, где можно, чтобы «гость» из авто вышел, огляделся, проникся свершениями героическими, вопросы уточняющие академику задал. А уж Паша Пашаевич, следуя оперативному плану, в ответы свои, словно добрый сеятель в чернозём вспаханный, слова нужные вбрасывал не скупясь.

Теяр же, пока «объект» с академиком общался, вспоминал, как четыре года назад Хрущёв бодро, могучим животом вперёд, шагал по эстакаде и приветственно махал «героическим нефтяникам Каспия» светлой шляпой, пот струился по пухлому лицу вождя, проверенная контрразведкой массовка радостно голосила и трясла транспарантами. В общем, все были довольны. И вдруг, нарушая сценарий встречи, к Хрущёву кинулся какой-то тип и громко, нервно, у начальника охраны аж рука к плечевой кобуре дёрнулась:

– Большое спасибо, дорогой Никита Сергеевич, за то, что вы к нам приехали!

Массовка, полагая, что действие идёт по утверждённому «наверху» сценарию, радостно закричала «Ура!» Вождь заулыбался, видно, слова приветственные понравились. А начальник охраны, поймав взглядом Теяра, махнул рукой, подозвал, зло шепнул:

– Разберись: кто такой, зачем и почему! Потом доложишь!

Вождь республиканский, Вели Ахундов, заглядывавший в глаза персеку, охрана, пресса (камеры стрекочут, фотоаппараты щёлкают), и массовка «героических нефтяников» двинулись по эстакаде, а Теяр протиснулся к инициативнику, взял под локоток, отвёл в сторонку, вопросы стал задавать. Оказалось, к вождю бросился молодой инженер Хошбахт Юсифзаде¹ – но с умыслом не злым, не провокационным, а наоборот, чтобы грудью прикрыть персека от беды страшной. Теяр, естественно, потребовал подробностей: что за беда такая, которую охрана проморгала?! Если про-

¹ Юсифзаде Хошбахт Баги оглу – азербайджанский геолог-нефтяник, первый вице-президент Азербайджанской государственной нефтяной компании SOCAR, Почётный нефтяник СССР, действительный член Академии наук Азербайджана, почётный профессор Азербайджанского государственного университета нефти и промышленности, Заслуженный инженер Азербайджана (2005), автор книги «Годы и вехи моей жизни».

кол в работе Девятого¹ управления явный, виновным в органах делать нечего!

Инженер показал-объяснил, и Теяр аж присвистнул. Вождь-то по неведению двинул к технологической площадке, а там насосы для закачки воды в пласт, в которых давление от шестидесяти до девяноста атмосфер. «Металл устаёт, и насосы иногда разрывает, я-то об этом знаю, а тут товарищ Хрущёв идёт прямо к взрывоопасному агрегату... И меня как током ударило: глава государства подойдёт к насосу, а ну как тот в этот момент разлетится на осколки?! Разбираться в давлении да износе металла никто не станет, форс-мажор объявят покушением на «первое лицо», сколько людей безвинных пострадает! Ну, я и кидаюсь вперёд, закрываю собой товарища Хрущева от злополучного насоса и, чтобы оправдать свои резкие телодвижения, кричу громко, от лица всех нефтяников Азербайджана...»

Да, подумал тогда Теяр, инженера Юсифзаде надо «не привлекать», а награждать за героический порыв. Но награда для одного станет печалью для многих: и для коллег из московской и бакинской «Девяток», и для товарищей из ЦК Компартии Азербайджана, прозорливо не углядевших в «городе на сваях» грозящую вождю смертельную опасность. Теяр, дабы «погасить инцидент», шепнул начальнику охраны слова правильные, и тот, поразмыслив, мудро «спустил дело на тормозах».

Воспоминания Теяра прервал полковник Эфендиев:

– Поехали, Абасов, к причалу – катер ждёт!

На катере поплыли на стационарную платформу, с которой бурили разведочную скважину. Паша Пашаевич на время «отошёл в тень», а полковник Эфендиев (со знанием дела – всё-таки чиновник из министерства!) с печалью поведал Брауну:

– Разведку на море по-прежнему ведём со стационарных платформ. Это мелководье, а большая нефть – она ведь на больших глубинах! И расходы, конечно, великие: окажись скважина пустой, весь труд, все усилия напрасны! Да и риски для людей сумасшедшие!

Сказал про риски – и моргнул академику.

Ну а уж Паша Пашаевич в красках расписал, как в штормовую ноябрьскую ночь 1957 года волны опрокинули одну из разведочных платформ, и поглотила пучина бригаду буровиков и её легендарного мастера, Героя Труда, Михаила Каверочкина, первооткрывателя Нефтяных Камней. Академик свою роль отыграл, слезинку скорбную платочком смахнул, в сторонку сместился. На его место – второй «чиновник», майор Бабаев, словно на авансцену, шагнул и мягко так, «ненароком», поинтересовался:

– А как ваши нефтяники, мистер Браун, решают проблему разведочного бурения в Мексиканском заливе?

На прямой зондирующий Браун не ответил, стал обходить буровую вышку, на нефтяников поглядывать. Ну а тем перед посещением «делегации» команду дали: «Работайте, внимания на гостей не обращайтесь!», они и трудятся, в недра Каспия буром вгрызаются.

Браун вокруг буровой установки походил, к академику повернулся, спросил строго:

– Случается при бурении выброс газа из скважин?

Паша Пашаевич фантазировать не стал, задал вопрос мастеру, ответ выслушал, Брауну перевёл «квинтэссенцию»:

– Да, выброс газа не исключён, поэтому в буровой раствор добавляют специальные утяжелители!

Пояснять, что такое специальные, академик не стал: во-первых, мастер не сказал, во-вторых, даже если бы и сказал, без санкции чекистов разглашать всё равно нельзя!

¹В соответствии с «Положением о КГБ при Совете Министров СССР», утверждённым Президиумом ЦК КПСС 23 декабря 1958 года, Девятое управление КГБ охраняло руководителей КПСС и членов правительства.

На платформе не задержались, засветло вернулись на Нефтяные Камни, в гостинице тамошней отужинали, стали утра дожидаться, когда «Бабазаде» в Баку поплывёт.

Пока «возвращались на родную землю», академик «гостю» всё вопросы риторические задавал («Вам понравилось новое «чудо света» – Нефтяные Камни?») да сетовал, что на разведочном бурении «героические покорители Каспия» несут большие расходы. А уж как рискуют!

Браун в ответ сочувственно кивал, яства и коньяк гянджинский смаковал, но слова об американской плавучей буровой, как ни подливал ему Паша Пашаевич из бутылки, так и не проронил.

«Чиновники» сидели рядом, слушали, вопросов не задавали. А в мыслях тайных у каждого печаль невысказанная: через день «источник» незавербованный покинет Азербайджан – и всё, считай, провалена операция!

В Баку «чиновники» извинились, дескать, ждут нас дела государственные в министерстве, а Паша Пашаевич на такси повёз Брауна в «Интурист» – и американцу надо отдохнуть после путешествия, и академику ещё в комитет наведаться за инструкциями: на вечер в люксе был назначен «прощальный ужин на двоих». Тогда, словно в генеральном сражении, всё и решится!

Глава одиннадцатая. Бинго¹!

Червонцев в комитете на «прощальный ужин» в «Интуристе», во время которого академику было поручено «любой ценой расколоть Брауна» и добиться от американца обещания «подарить героическим нефтяникам Каспия» документацию на плавучую буровую, не пожалели. «Кебаб и коньяк – это не рычаги вербовочного давления, а, скорее, жест отчаяния», – подумал Теяр, когда полковник Гусейнов «перед решающей битвой» расписывал «диспозицию», но благоразумно промолчал. Впрочем, иных аргументов, способных подвинуть Брауна «на откровенность», а затем на «широкий жест», коим американец передал бы комитету секретную документацию на ППБУ, у группы НТР не было. Все участники «военного совета» понимали, что прощальный «Лукуллов пир»² – это, во-первых, один из канонов вербовочной работы. Плюс отличные абзацы в отчёте о «проведённой оперативной работе». И если удача обойдёт стороной – а в делах разведки всякое случается, «пир» – это отличный щит против тех, кто по недомыслию посмеет «бросить камень в огород» группы НТР. Вотрых, кто знает, может быть, каноны, ну и пошлые житейские поговорки а-ля «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок», иногда не врут, и изысканные восточные яства сделают разум американца восприимчивее к лукавым застольным речам Паши Пашаевича?

Академику «отеческие» наставления начальника разведотдела не понравились.

«Если отбросить словесную шелуху, рациональное зерно указаний полковника сводится к банальной формуле: мистер Браун, сами мы разработать документацию на плавучую буровую не в силах, так что подайте нам, Аллаха ради, вашу готовенькую установку! – абсурдность ситуации рождала в сознании Паши Пашаевича мысли злые, циничные. – А какой Брауну личный интерес в той благотворительности?! Полковник всё «Манхэттенский проект» в пример ставит. Нашлись ведь, Паша Пашаевич, в Америке идейные люди, передали СССР кое-что важное! Что передали, не говорит, на-

¹Бинго (англ. bingo) – игра, в которой случайным образом выбираются числа, а игроки вносят их в свои карты (аналог русского лото). Первый игрок, заполнивший выпавшими числами свою карту, считается победителем. Для заявки о выигрыше игрок должен крикнуть «Бинго!».

²Лукуллов пир – синоним обильного застолья и гастрономических изысков (безмерно богатый и расточительный консул и полководец Древнего Рима Луций Лициний Лукулл устраивал роскошные пиры и праздники).

верное, сам не знает, но «Манхэттенский проект» – это же другая историческая субстанция! «Манхэттенские» агенты были не просто граждане идейные, но и люди, трезво и глубоко мыслящие, отдающие себе отчёт в том, что американская атомная монополия – это прямая дорога к гибели миллионов людей, а может быть, и всей мировой цивилизации! К каким последствиям для глобальной экологической системы приведут взрывы сотен атомных бомб, никто ведь до сих пор, хвала Аллаху, не знает! Поэтому агенты и сделали, что смогли, чтобы и у СССР поскорее появилось ядерное оружие, охлаждающее горячие – да нет, просто безумные! – заокеанские головы. Нет, вербовочная аргументация «Манхэттенского проекта» к «проекту Хьюстонскому» не подойдёт: чертежи ППБУ мир от катастрофы не спасают!»

О том, что козырей в предстоящей застольной игре с Брауном у «разведки» никаких, Паша Пашаевич полковнику Гусейнову и энтээровцам не сказал, напротив, держался бодрячком, оптимизм демонстрировал мужественным лицом, смелым взглядом и решительными словами.

– Мы будем рядом – этажом выше! – дружно поддержала академика группа НТР.

«Да-а, микрофоны, магнитофоны, окуляры – слова, жесты и чревоугодие придётся держать под жёстким контролем...» – извлёк из напутственных слов рациональное зерно академик и вскинул на прощание кулак в рот-фронттовском приветствии.

Трапеза удалась на славу. Браун налегал на бутерброды с чёрной икрой и люля-кебаб из молодого ягнёнка, Паша Пашаевич подкладывал на тарелки «дорогого гостя» балычок, куриный паштет, не забывал о сыре и маслинах, терпеливо ожидая, когда после кофе «заговорят орудия главного калибра» – гянджинский коньяк двадцатилетней выдержки. Наконец час пробил, и Паша Пашаевич стал лихо, по-гусарски, поднимать снифтер¹ за здоровье дорогого гостя, за его научные успехи, «за мир, дружбу и тесное сотрудничество народов».

Браун загадочно улыбался, только раз в ответ на пышный тост академика глупокомысленно изрёк:

– Нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем²!

Ясно, что цитата, откуда, не имеет значения, важно, что Паша Пашаевич за слова те о свершениях трудовых уцепился и тост за успешные испытания самоподъёмной плавучей буровой установки «Хазар»³, разработанной в институте «Гипроморнефтегаз», поднял. Потом вздохнул и с печалью поведал, что хорошо бы иметь на Каспии ещё и плавучие буровые установки, работающие на глубинах в сотни метров, но на этом пути у спецов «Гипроморнефтегаза» успехов пока, увы, нет.

Браун глаз прищурил, к гянджинскому приложился, ждёт, что академик ещё скажет.

Паша Пашаевич ситуацию оценил, понял, что момент благоприятный: «Упущу мгновение – потом жалеть буду!» Сглотнул нервно, в голове взмокшей мысли здравые: «Про установку американскую никто в ПГУ не слышал! Вся операция затеяна на моём, с позволения сказать, анализе ресторанного трёпа «о динамическом позиционировании»! Но я – не пророк! Мог и ошибиться! Или, того хуже, разыграло меня ЦРУ

¹Снифтер – специальный коньячный бокал.

²Библия, Ветхий Завет, книга Екклесиаста, или Проповедника, 8:15

³Первая СПБУ из серии «Хазар» (операционная глубина – до 60 м, скважины – до 6000 м) была изготовлена в Голландии в 1967 году, а затем доставлена на Каспий. В дальнейшем на верфях Астрахани были изготовлены ещё пять «Хазаров», а в Баку построен их аналог «Азербайджан». Из семи «Хазаров» к 1991 году у Азербайджана осталось пять (две СПБУ в ходе разведочного бурения в начале 1980-х годов опрокинулись и затонули на шельфах Казахстана и Туркменистана).

вёмную!» И, коньяком раззадоренный, сыграл Паша Пашаевич ва-банк:

– А как у вас дела в заливе Мексиканском? Конструкция плавучей буровой оказалась удачной?

В ожидании ответа американца замерли и Паша Пашаевич, и энтээровцы этажом выше (аппаратура пишет, постфактум речи в люксе 231-м можно проанализировать, хотя кому он будет нужен, этот анализ, если Браун крючок заброшенный сейчас, сию минуту, не заглотнёт?!).

– Да, вполне, – спокойно, как о само собой разумеющемся, ответил Браун и плеснул гянджинского в снифтер.

– И параметры отличные? – не веря ушам своим («Неужели коньяк сработал, разговорил?! Фантастика, да и только!»), «на автомате» продолжил академик «вербовочный процесс».

– У «Могола» операционная глубина – от 60 до 500 метров, скважины – до семи с половиной километров, – икнул Браун и потянулся за новой бутылкой.

«И горазды же англосаксы трапезничать! – подивился академик. – Но надо спешить: ещё пара-другая дринков – и Браун отключится! А главное-то не сделано!»

– «Могол» – это плавучая буровая? – готовясь к «решающей схватке», сделал Паша Пашаевич «тихий ход».

Браун мотнул головой: то ли хотел сказать «да», то ли отмахнулся от назойливых вопросов Паши Пашаевича.

– Посмотреть бы на ваш «Могол»! Хотя бы одним глазком! – мечтательно бормотнул академик и замер, словно охотник в засаде.

– Нет, даже одним – исключено! Всё засекречено! Всё – под контролем ФБР! Или даже ЦРУ! – зло засмеялся Браун и стрельнул в академика хитрым и удивительно ясным (ещё минуту назад Паша Пашаевич был уверен, что американец «пьян почти в стельку») взглядом.

– Неужели никак?! Даже ради героических нефтяников Каспия, ежесекундно рискующих на шельфе своими жизнями?! – патетически воскликнул Паша Пашаевич и молитвенно сложил на груди руки. Пальцы «принимающей стороны» мелко дрожали, сердце академика перешло на бешеный галоп, иных «волшебных слов», кроме как «Подайте нам, Аллаха ради!», могучий разум Паши Пашаевича «вербовочному процессу» предложить не мог.

Браун ткнул в потолок указательным пальцем (академик вздрогнул: «Неужели янки прознал, кто и что этажом выше?!»), важно изрёк:

– У всякой вещи на земле свой владделец! Передать вам чертежи значит украсть – вы понимаете, украсть! – разработку у собственника. А в Библии – я имею в виду Десять заповедей – сказано: «Не укради!»¹ Заповедь номер восемь. Или семь? Не помню... Сами понимаете, нарушить никак, ну никак, не могу! Ибо воры Царствия Божия не наследуют!

Паша Пашаевич глубоко втянул ноздрями воздух, кинул косой взгляд на пьяного англосакса: «Ловкий софист! Ходил вокруг да около, заманивал-приманивал и довёл-таки операцию до фиаско!» На языке разочарованного академика вертелся длинный ряд экспрессивного ненорматива, но Паша Пашаевич вовремя вспомнил комитетские инструкции – и сдержался, плеснул в снифтер Брауна коньяку.

Через минуту стало ясно, что Паша Пашаевич поступил мудро и прозорливо, потому что Браун ткнул пальцем в академика и бормотнул:

– Но! Но! Христос учит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»².

– Да, да, возлюби... – на всякий случай – а вдруг кривая вывезет?! – осторожно бормотнул Паша Пашаевич.

– Согласен! Но есть дилемма: не укради или возлюби? Кто даст ответ?! – и

¹Библия, Ветхий Завет, Исход, 20:15.

²Библия, Новый Завет, Евангелие от Матфея, 22:39.

Браун закрыл глаза ладонью, изображая погружение в глубокие размышления «о вечных ценностях».

Паша Пашаевич почесал за ухом, в сознании мелькнуло радостно-тревожное: «Браун меня разыгрывает или действительно хочет помочь?»

– Как там, напомните, у Карлы? – хихикнул вдруг Браун (Паша Пашаевич над вопросом призадумался: «О ком это американец?») и, чётко артикулируя, словно весь вечер пил не коньяк, а минералку, продекламировал: – А вот как! Нет такого преступления, говорил старик Маркс, на которое не пойдёт капитал ради трёхсот процентов прибыли¹!

«Э-э-э, да американец денег за чертежи хочет! – осенило разочарованного Пашу Пашаевича. – Да-а-а, одна, выходит, у нашего «идейного агента» вседвоящая страсть: доллары! А разговоров-то, разговоров! Не укради, а возлюби! Прохиндей! Но делать-то что?! Полковник строго-настрого приказал про подкуп забыть, использовать «зарезервированный миллион» только в самом крайнем случае! Ну что ж, похоже, крайний наступил: гэбисты этажом выше, если что, подтвердят!»

– «Полцарства за коня»² предложить вам не могу, но миллион долларов за документацию – это мне по карману! – лихо, по-купечески (сам не ожидал!) рубанул Паша Пашаевич и плеснул в слифтер коньяк.

– Что он делает, что делает! Без санкции руководства! – схватился (в люксе 331, третий этаж «Интуриста») за голову майор Бабаев, а полковник Эфендиев жадно припал к стакану с минералкой, затем веско оценил ситуацию:

– Ну что ж, классика вербовочного жанра! А Браун – типичный пример инициативника-меркантила!

– Зачем мне миллион?! – расправив плечи, гордо вскинув голову, гневно сверкнув глазами, с расстановкой произнёс Браун.

Паша Пашаевич зло подумал: «Он что, издевается?! Только-только Карлу вспомнил, а теперь в кокетство ударился?! «Зачем мне миллион»?! Тебе, старичине, сидящему на таблетках, может, уже и не нужен! А детям-внукам пригодится! Ты что, лучше других коррупционеров и компрадоров?! Мыслишь исключительно о вечном, а не о земном, сиюминутном, золотовалютном?!» От огорчения хотел академик потянуться за чёрной икрой, но вовремя придержал порыв гастрономический – Браун, вновь прикрыв глаза ладонью, тихо произнёс:

– Салахаддин³, если летописцы не врут, приказал после своей смерти носить по улицам Дамаска саван, а глашатаи должны были при этом кричать народу: «Смотрите, правоверные, вот что забирает с собой в могилу султан Салахаддин!» О чём это я?! А-а-а, вот о чём: апостол Павел пожелал, чтобы люди были мудры на добро и просты на зло⁴. Поступлю по-апостольски: в конце сентября в Лондоне я передам вам документацию на «Могол»!

Паша Пашаевич от неожиданности мотнул головой, в сознании заискрило: «Наваждение? Розыгрыш? Или она, госпожа удача?!» Не придумав, как вести себя дальше, поступил просто: налил себе и Брауну в слифтеры – до краёв.

Смаковали коньяк долго и молча. На прощание Браун обнял Пашу Пашаевича, довёл до двери, похлопал по плечу, пожелал волшебных сновидений.

Паша Пашаевич на лифте спустился в холл «Интуриста» – здесь его уже ждала группа НТР в полном составе. Академик развёл руками, бормотнул:

¹ Изречение Томаса Джозефа Даннинга (британский деятель профсоюзного движения, публицист), приписываемое К.Марксу.

² Уильям Шекспир, «Король Ричард III», действие V, картина 4.

³ Саладин, Салах ад-Дин Юсуф Ибн Айюб (по-арабски Салах ад-Дин означает «Честь Веры»), (1138 – 1193), первый султан Египта из династии Айюбидов. Завоеватель Египта (1164 – 1174), Сирии и Месопотамии (1174 – 1186), Иерусалимского королевства (1187 – 1192).

⁴ Библия, Новый Завет, Послание к римлянам Святого Апостола Павла, 16:19.

– Я сделал, что мог!

Икнул и, чуть покачиваясь (Паша Пашаевич на «прощальном» старался больше говорить и меньше пить, но «капель» триста гянджинского пришлось-таки, ради успеха дела, «принять за компанию»), направился к комитетской «Волге» – серенькой, неприметной, спрятанной за углом.

Браун стоял у окна люкса, за гардиной. Проводив взглядом «уходящего в ночь» академика, американец зевнул, бормотнул: «Бинго!» и засеменил в ванную. Открыв кран, плеснул холодной водой в лицо, помассировал пальцами лоб, весело подумал: «Возлюбить ближнего – это спасти его от греха, а не помочь в грехопадении!»

Вернулся в спальную, растянулся на кровати, замурлыкал:

– Жаль, с миллионом я, по пьяному делу, погорячился – надо было взять!

Стал вспоминать, сколько у него движимого и недвижимого. Насчитал поболее ста миллионов и успокоился: одним больше, одним меньше, Салахаддин прав: один чёрт, всё закончится саваном! Подумал, что миллион чекисты без расписки и не отдали бы, а оставлять автографы где ни попало – нет, это глупо, это чертовски глупо! И вообще, от чекистов, сисовцев и прочих цэрэушников люди, дорожащие личной свободой и независимостью, держатся подальше. «Мудро я поступил, мудро! Опять же пистон этим грёбаным янки вставил отличный! Конструировали, старались, а я их чертежи – азербайджанцам! И долги свои – они у меня вроде есть? – азерам погашу, и янки за британский позор, за катастрофу 1776 года¹ бумерангом получают!» Повернулся на бок, бормотнул:

– А миллионы – это потом... потом... игра вдолгую... никуда не денутся... – и тихо, словно младенец, засопел.

Энтээровцы довели академика до дома, бережно, под руки довели до дверей квартиры: не приведи Аллах, оступится Паша Пашаевич на лестнице, рухнет на ступени, шею-рёбра переломает, всю операцию под откос пустит! Теяр надавил на кнопку звонка, вместе с майором Бабаевым помог академику переступить порог – «сдал на руки» родным-близким. Полковник Эфендиев на прощание заботливо шепнул «эmissару», что завтра ему лететь в Москву, потом – в Прагу, «а утром, пожалуйста, за инструкциями на Коммунистическую, ко мне в кабинет!»

За полночь приехали энтээровцы в комитет, поднялись к начальнику 1-го отдела – отчитываться и размышлять, что дальше делать.

Полковник Гусейнов послушал запись «прощального» – не всю, конечно, а избранные места (звон бокалов и прочее несущественное было пропущено), обвёл суровым взглядом «участников операции» и мрачно изрёк:

– Да-а, странная история! Ну, товарищи офицеры, какие будут предложения? Начнём, следуя армейской традиции, с тебя, Абасов, – как с младшего по званию. Говори, что думаешь, авторитетное мнение старших офицеров над тобой не довлеет!

Пока слушали на третьем этаже «Интуриста» «прощальные» диалоги академика и американца, пока ехали в комитет, Теяр слова, что скажет на оперативном за полночном совещании у начальника разведотдела, обдумал и взвесил, поэтому с ответом не задержался:

– На первый взгляд, товарищ полковник, операция прошла успешно: «объект» слова о готовности передать академику документацию на плавучую буровую установку произнёс. Тем самым Браун подтвердил – на словах, конечно, без документальной аргументации – наличие у американцев ППБУ, но...

– Но вас что-то смущает, так? – стрельнул в Теяра острым взглядом нач-1.

¹4 июля 1776 года тринадцать американских штатов – британские колонии – приняли Декларацию независимости от Королевства Великобритании.

– Да, товарищ полковник! Если бы Браун взял миллион, его мотив был бы ясен и понятен. Но американец от денег отказался! Стать идейным агентом за четыре дня, после поездок на Биби-Эйбат и Нефтяные Камни, вероятно, можно... Но я бы не исключал версию, что решение о передаче нам документации Браун принял до своего появления в Баку. В этом случае мотив для «щедрого подарка» у него, безусловно, есть, но мы не знаем, какой. Может быть, это честная, идейная – из симпатий к СССР в целом и к героическим нефтяникам Каспия, в частности – благотворительность, а может быть, хорошо продуманная и подготовленная дезинформация ЦРУ.

И Теяр торопливо пересказал историю о британских чертежах для японского броненосца, услышанную на лекциях в 101-й разведшколе.

Нач-1 раздумчиво произнёс:

– В суждениях Абасова есть резон, – и перевёл взгляд на полковника Эфендиева.

Начальник группы НТР кивнул:

– Согласен. Но дарёному коню в зубы не смотрят. Мы бесплатно получим чертежи, а постфактум в «Гипроморнефтегазе» разберутся, есть в них скрытая деза ЦРУ или документация безупречна. Тогда и мотив Брауна станет ясен: может быть, он действительно хочет помочь героическим нефтяникам Каспия?!

– Ну что ж, так и поступим, – принял решение нач-1. – И ещё. Мы должны – в качестве версии – допустить, что цель ЦРУ – не научно-техническая дезинформация, а банальная политическая провокация: в Лондоне при передаче документов в простенькую ловушку должен попасть советский академик. Дальше – арест учёного, кампания в прессе, заявления политиков, международный скандал, удар по престижу Советского Союза!

Энтээровцы согласно закивали – да, от ЦРУ можно ждать любой пакости!

– Поэтому, – продолжил нач-1, – документацию от американца «эмиссар» должен получить на территории государства Варшавского Договора! В Праге, Варшаве или Берлине – это не важно! В этом случае безопасность Паши Пашаевича обеспечат товарищи из Первого Главного управления!

Итак, операция – назовём её «Могол» – вступает в решающую стадию!

На следующий день Теяр (за рулём) и Паша Пашаевич (на заднем сиденье) заехали за Брауном в «Интурист». Американец после «прощального ужина» выглядел уставшим, Паша Пашаевич держался бодрячком, пока ехали до аэропорта Бина, рассказывал байки из жизни учёных (иностранный юмор из журнала «Наука и жизнь»). Теяр в нужных местах посмеивался, Браун морщил нос и прикладывал ладони к вискам. На Ил-18 до Москвы сели «по стандартной схеме» (никаких документов, первый ряд кресел в первом салоне), из Внуково на «такси» (вёл машину оперативный водитель ПГУ) с ветерком домчались до Шереметьево, без предъявления документов прошли мимо погранцов, без досмотра – мимо таможи, и через несколько часов приземлились в Праге. В Рузине у трапа самолёта встретил Олег Николаевич, а дальше – «реверс сюжета»: Брауна (американец про себя посмеивался) «провели мимо» чешских пограничников и таможенников, «советник по науке и технике» довёз «туристов» до вокзала и посадил в поезд до Карловых Вар. В купе, пока ехали, Паша Пашаевич «уточнил» дату и место будущей встречи (американец в Баку назвал конец сентября и Лондон, но кто его знает, может быть, просто поблажился по пьяному делу, а как протрезвел, так и забыл обещанное?!) На главном – на передаче документов – в 1-м отделе решили «пока не акцентировать»: всё-таки успех операции зиждется исключительно на «идейной готовности» Брауна добыть «для героических нефтяников» секретную документацию, и навязчиво напоминать американцу о «взятых обязательствах» – это лишний раз «дразнить гусей». Академик только «скромно

отметил», что его личный «лимит поездок» за «железный занавес» на текущий год и начало следующего исчерпан, поэтому желательно, чтобы «дорогой друг» встретился с ним в Варшаве, Бухаресте или Берлине. Одним словом, «решите сами, где вам удобнее!»

Браун заглянул в блокнотик, пожевал губами и назначил «точные дату и место» встречи: тридцатого октября, в столице Польши, на нефтехимической конференции.

Паша Пашаевич согласно кивнул и перевёл взгляд на проносящиеся за окном вагона поля, сады и черепичные крыши аккуратненьких, словно сошедших со страниц сказок братьев Гримм, деревень: вопрос о мотивах американской благотворительности продолжал, словно недолеченный зуб, мучить академика.

Браун откинулся на спинку дивана, закрыл глаза, сладко, словно младенец, засопел: озорная мысль, как повели бы себя чекисты, расскажи он сейчас академику об истинных мотивах своей «щедрости», позабавила американца, а память вернула в Иран, в 1940 год...

Глава двенадцатая. Слепые, ведомые слепыми

Браун – злой, мрачный, хмурый – приказал секретарше-египтянке не беспокоить его по пустякам, закрылся в кабинете, в сердцах швырнул на стол (великолепный ампириный раритет из красного дерева, куплен на аукционе в Каире) отчёт за минувший 1939 год о делах на промыслах Месджеде-Солейман, с минуту пометался «в четырёх стенах», а потом поставил на спиртовку турку с водой. Кофе могла бы приготовить и секретарша, но Браун молодой египтянке (полубогиня с хищным оком – протеже губернатора остана: не хотелось, а пришлось уступить просьбе ханчика) деликатных дел не доверял. А на промыслах (с ловкой подачи Ричарда) считали (инженеры и мастера из Европы – их мнение имеет значение, а не расходные аборигены, занятые на чёрной работе, – на этих можно наплевать), что босс – либерал, аскет и скромняга. Не святой, конечно, Франциск, но почти, почти!

Браун достал из шкафчика жестяную банку с кофе, кинул взгляд на турку (вода далека от кипения), на портрет короля Георга VI на стене, на календарь (29 января 1940 года) и тихо чертыхнулся. А сколько было радости и оптимизма, когда в 1934 году Англо-Иранская назначила Ричарда управляющим промыслами Месджеде-Солейман! Высокий доход, пакетик акций (с каждым годом он всё толще и толще – определённо, фунт стерлингов полюбил Ричарда!), отличная, оплаченная компанией, вилла, автомобиль, почёт и уважение, которые дают власть и деньги, – что это, как не карьерный успех, о котором мечтает каждый выпускник Герион-Ватт¹? Но за шесть минувших лет многое изменилось. Пласты Месджеде-Солейман истощены – за тридцать лет добычи² много нефти утекло в Абадан³ – и на нефтеочистительный завод⁴, и в порт.

«Великолепная – для Великой Британии! – концессия д'Арси персами аннулирована⁵! – сжал кулаки Браун. – Да-а, было под контролем Англо-Персидской 1245 тысяч квадратных концессионных километров, а стало 260 тысяч! Получали персы за концессию 16% чистой прибыли Англо-Персидской (чистая – феномен, широко толкуемый, год от года меняющийся, вот Тегеран и взбунтовался!), а стали четыре твёрдых шиллинга с тонны плюс долю в прибыли! Управляйте, Браун, управляйте:

¹Герион-Ватт – старейшее, основанное в 1821 году, техническое учебное заведение Великобритании.

²Первая нефть на месторождении «Месджеде-Солейман» была получена 26 мая 1908 года из скважины №1 с глубины 354 м.

³Абадан – город-порт на юго-западе Ирана в остане Хузестан.

⁴Завод сдан в эксплуатацию в 1913 году.

⁵В 1932 году Тегеран денонсировал концессионное нефтяное соглашение с британцами. Спор о концессии был передан на рассмотрение Лиги наций в Женеве. Новое концессионное англо-персидское соглашение было подписано в 1933 году сроком на 60 лет.

и компания вас ценит, и концессия – до 1993 года!» Браун тихо выругался, сыпанул кофе в турку, «проследил за процессом», вовремя, до начала кипения, погасил спиртовку. Налил кофе в чашку, вдохнул аромат, с ностальгией вспомнил лето 1918-го, оккупацию Персии британскими дивизиями, англо-персидское соглашение¹... «Да, было время: Великобритания имела полный контроль над экономикой и армией империи Каджаров²!» – уронил слезу Ричард.

Браун сделал глоток, насладился вкусом напитка, кинул взгляд за окно: «И куда привёл страну выскочка Реза?! Можно не обращать внимания, что с 1935 года Персия стала Ираном – «азиатской страной ариев»! Но от политических симпатий шахиншаха («царя царей»! – смешно, но невесело) и иранской верхушки сначала к итальянским фашистам, потом к германским нацистам – уже не отмахнёшься! Сегодня Иран – сателлит Германии! Это угроза интересам и Британии, и моим, чёрт возьми!»

Браун помассировал затылок, приложил ладони к вискам: боль вроде стала утихать. Ричард вспомнил, как с 1933 года слал депеши в Совет директоров компании и в Секретную службу, «информировал»! И о том, что иранские военные и студенты, отправленные шахом в Германию на учёбу, возвращаются в Иран германскими агентами влияния – «сыновьями Заратуштры», «чистокровными арийцами» с промытыми министерством пропаганды Третьего рейха мозгами. И о том, что немцы целенаправленно работают с «будущим иранского народа»: система образования перешла под контроль немецких педагогов и инструкторов, отряды бойскаутов (их «вождь» не кто-нибудь, а наследный принц Мохаммед Реза Пехлеви!) – калка с гитлерюгенда. Когда детишки подрастут, немцы сформируют из «сыновей Заратуштры» отряды послушных воле Германии боевиков! А иранская элита, армия, «интеллектуалы и духовные лидеры» уже сейчас шагу не делают без команды из Берлина!

Ричард шагнул к окну, задёрнул занавес: и солнце больно бьёт по глазам, и в тени спокойнее, чем «на линии прицела»... А из Лондона в ответ – успокоительные «рекомендации»: не паникуйте, Браун, экономикой Ирана управляет британский капитал! Как шаху скажем, так он и сделает!

Боль ударила по вискам, Ричард поморщился, сдвинул кресло в угол, сел, вытянул ноги, загибая пальцы, посчитал, сколько лет он дивился близорукости Совета директоров, Секретной службы и стоящего за ней премьера. «Иран – готовый к употреблению расходный материал Германии на Ближнем и Среднем Востоке! И что делают персы, когда из Берлина скомандуют – а ведь скомандуют! – «фас»?! В остане Хузестан первым делом отберут у Англо-Иранской компании промыслы Месджеде-Солейман, трубопроводы, нефтеперерабатывающие заводы, а ставшим ненужным англичанам – мне первому! – перережут глотки! Персы обожают резать глотки близоруким кяфирам!» – со злостью «оценил ситуацию» Ричард. Увы, думал Браун, принятые им на свой страх и риск «скромные превентивные меры» не спасут британцев в Месджеде-Солейман от «ночи длинных персидских ножей»! «На работу – черную, малоквалифицированную – я стал принимать малообразованных персов из деревень Хузестана, а квалифицированных рабочих набирать из местных арабов. Управленцы и инженеры, понятное дело, британцы. Для персов открыл на промыслах мечеть, «заключил союз с муллой», который стал внушать правоверным «правильные мысли» (Англо-Иранская – кормилец и благодетель, британцев надо уважать и беречь). Но гарантий безопасности как не было, так и нет! И не будет – пока в Иране не высадутся британские войска!» – с раздражением подумал Браун и рефлекторно запустил руку во внутренний карман пиджака, нащупал рукоять браунинга,

¹Подписано 9 августа 1919 года.

²Последний правитель из династии Каджаров – Ахмед-шах – был свергнут в результате военного переворота, который возглавил офицер Реза Пехлеви. Формально о низложении Ахмед-шаха 31 октября 1925 года заявила Учредительная ассамблея меджлиса Персии. 15 декабря 1925 года 34-м шахом Персии стал Реза Пехлеви.

«подаренного» капитаном Эвансом в Тегеране в июле 1918-го... Тёплая ребристая сталь немного успокоила Ричарда: «Одного-двух, если полезут, пожалуй, завалю...» А что дальше? Вопрос – наиважнейший, ответ, как ни лукавь, один: «Дальше – тишина»... Во имя чего?! Коммерческих интересов Англо-Иранской?! Всё хорошо в меру – в том числе и преданность компании. Интересов Секретной службы, короля, Великой Британии?! «Ричард, ну не будь ты идиотом!»

Браун допил кофе, пихнул отчёт в сейф, позвонил в гараж, зло подумал: «Страна не может быть великой, если ею правят бездари и недоумки! Семью отправил в Лондон – пришло время подумать и о себе...»

Браун поужинал и с час погулял в саду виллы (дорожки вымощены красным, совсем как в Англии, кирпичом, аризонские кипарисы, гордость Ричарда, источают тонкий запах хвои – сказка, идиллия!). Вернулся в апартаменты, включил радиоприёмник, настроился на волну Лондона. Диктор бодро зачитывал скучнейший текст: на Западном фронте без перемен, русские завязли в финских снегах, маршал Маннергейм полон оптимизма, король Георг призывает соотечественников... Браун зевнул и выключил радио. И в этот момент в гостиной появился слуга с подносом для визиток. Браун недовольно засопел, скользнул взглядом по визитке, удивлённо вскинул брови, с минуту подумал – и кивнул слуге.

Когда в гостиную вошёл «поздний гость», Браун шагнул навстречу, улыбнулся широко, радостно («Пошлая игра, но положение обязывает!»):

– Полковник Эванс! Я рад, я счастлив вас видеть в добром здравии!

А в потаённом – тревожное, беспокойное: «Секретная служба – что Троянский конь! За каким чёртом я опять понадобился СИС?!» Эванс приобнял «старого боевого товарища», посетовал на стремительно промелькнувшие годы, близкую старость («Банальная констатация – главное, ради чего явился полковник, впереди», – отметил Браун и внутренне напрягся) и взгрустнул «о бедном лейтенанте Бейли».

Ричард «смахнул слезу», с чувством продекламировал:

– Я обязан ему жизнью! Если бы не малыш Бейли... Он пал героем на поле славы!

Эванс легко перехватил инициативу:

– Да, в сентябре 1918-го, под Астарой... К счастью, вам, Браун, удалось тогда уйти в Персию! Видно, судьба уберегла вас для новых славных дел!

«Нет, на этот раз ни в какую авантюру Эванс меня не затянет!» – твёрдо решил Браун и велел слуге подать «дорогому гостю» ужин.

Пока Эванс утолял голод, Браун смаковал чай, выращенный в восточных колониях империи, вслух печалился о росте в Тегеране прогерманских настроений и гнал прочь всплывшие в его памяти страшные видения 14 сентября 1918-го...

Армия Нури-паши стояла на подступах к Баку и, как утверждал перебежчик-араб, активно готовилась к штурму города. Вечером 13-го, после ужина, Браун (голос – хриплый, взгляд – растерянный, в угол гостиничного номера) предложил Бейли спуститься на улицу, включить зажигание авто (ярко-красный «Руссо-Балт»¹, модель С-24, купленный лейтенантом «по случаю» для поездок на промыслы и заводы) и поскорее мчаться в порт – поближе к кораблям, на которых британский экспедиционный корпус – «в критической ситуации» – должен был бежать в Персию или в Туркестан – это уже Денстервиллю виднее. Бейли хохотнул и бодро заявил, что турки

¹ «Руссо-Балт» выпускался на Русско-Балтийском вагонном заводе (основан в 1869 году). Первый автомобиль выпущен в 1909 году. Пятиместная модель С-24 развивала скорость до 70 км в час.

штурмовали город трижды¹, всякий раз были биты, «отобьёмся и на этот раз, в крайнем случае, отойти на «вторую линию» всегда успеем». Нахмурился и веско добавил, что утром 14-го следует отправиться в посёлок Кишлы – на новенький нефтяной заводик (небольшая доля – у местного промышленника, изображающего владельца, но капитал – американский, и заправляют всем янки), и внимательно, «как вам, Браун, предписано сэром Оливером, а мне – капитаном Эвансом», изучить установки, на которых производят толуол, бензол и (лейтенант заглянул в блокнот) «прочие ароматические – хрень какая! И как только вы, Ричард, во всей этой зауми разбираетесь! – углеводороды». Браун, на чём свет кляня глупого лейтенанта Бейли, вынужден был кисло улыбнуться и «подчиниться силе».

– Хотя следовало бы здравому смыслу, – с укором глядя на лейтенанта, всё же обронил Браун. – Если мы погибнем, эта бессмысленная жертва будет на вашей совести, лейтенант!

Бейли в ответ расхохотался и посоветовал Брауну сходить к гадалке, раскинуть карты или помудрить над «линией жизни».

Проснулись рано – не было ещё пяти утра. Наскоро перекусили, собрали вещи (этот факт Брауна порадовал – лейтенант явно не собирался возвращаться в «Метрополь»²) и помчались (вёл машину Бейли) на северо-восток. На улицах было безлюдно, но как-то тревожно, словно перед грозой, у Ричарда даже закололо сначала в левом, потом в правом боку.

Рабочих на заводе было немного, о работе никто не думал, пролетариат бродил по двору, собирался кучками, о чём-то шептался. Браун сразу зашагал к установке, сделал несколько фотоснимков, вместе с лейтенантом забежал в заводоуправление, где Бейли с порога нагло потребовал у мрачного мастера чертежи, отчёты и прочие, какие есть, бумаги. Завод – «священная частная собственность», мастер мог бы послать британцев куда подальше – и был бы прав. Но туземец был предельно корректен: пожал плечами, сказал, что «сейчас всё сделает», вышел и не вернулся.

Браун подождал с полчаса и, кляня компанию, СИС, Эванса и Бейли, выскочил во двор. Рабочие куда-то исчезли, лейтенант метался около «Руссо-Балта» и сотрясал воздух бессмысленными ругательствами. Браун прислушался – на юго-западе гремела канонада: похоже, турки начали обещанный перебежчиком штурм города. Бейли, виновато отводя глаза от Брауна («Всё-таки я был прав – вчера, вчера надо было мчаться в порт!» – горделиво мелькнуло у Ричарда), зло крутанул магнето, а когда мотор зафыркал, прыгнул в авто и визгливо скомандовал:

– Ворота!

Браун распахнул створки и едва успел вскочить на подножку набиравшего ход автомобиля.

Бейли лихо вёл авто, Браун, оценивая оставшиеся за спиной километры, начал успокаиваться – спасительный порт ближе с каждой минутой!

– И не рассчитывай, Дик! – словно прочитав мысли Брауна, выдохнул Бейли. – Мы направляемся в «Европу»³ – в штаб генерала Денстервиля!

И тут где-то за поворотом грохнул выстрел, за ним ещё и ещё. Бейли притормозил на перекрёстке – дорога впереди была перекрыта выброшенной с балкона мебелью, из окон на первом этаже валил дым, где-то недалеко отчаянно визжали женщины.

¹Первое наступление Нури-паши на Баку – 30-31 июля, отбито отрядами Диктатуры Центрокаспия. Второе наступление – 5 августа, отбито британским корпусом и отрядами Диктатуры Центрокаспия. Третье наступление – 26 августа, четыре атаки Нури-паши отбиты британским корпусом и отрядами Диктатуры Центрокаспия.

²В настоящее время – Музей Азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви.

³В отеле «Европа» (улица Горчаковская) в августе-сентябре 1918 года находился штаб британского экспедиционного корпуса.

Бейли грубо выругался, дал задний ход, попробовал рвануть через соседнюю улицу, но и там – брошенный на дорогу шкаф, мелькающие в дыму фигурки, женские визги и частые выстрелы.

– Похоже, Дик, мы в ловушке: на улицах ещё не турки, но пути в порт для нас перекрыты... Возвращаемся на завод, – устало обронил Бейли и развернул авто.

У ворот завода автомобиль облаяла стайка пегих дворняг. Бейли достал браунинг и, давя зевоту, пристрелил псов. Устало вылез из авто, открыл заднюю дверцу «Руссо-Балта» и, словно фокусник на арене цирка, вытащил чемодан, нечто тяжёлое и длинное, завёрнутое в плотную ткань, и позвякивающую металлом сумку. С особой нежностью лейтенант извлёк деревянный ящичек. Тяжёлое и длинное оказалось ручным пулемётом «Льюис», позвякивающее в сумке – шестью магазинами. Лейтенант кинул «Льюис» на плечо, ругнулся («Тяжесть невероятная!»), хрипло приказал:

– Проверьте, остался ли кто-нибудь на заводе! Поищите бензин! И канистры! Или бочки! Если пролетариат разбежался по домам, вернитесь к автомобилю, возьмите чемодан и ящик и шагайте в заводоуправление!

Браун давился консервами, Бейли ковырял в зубах спичкой и колдовал над разложенной на столе картой. Пока Ричард бегал по заводу, лейтенант слазил на чердак и с полчаса поизучал город. Отличный морской бинокль, (болтался на груди лейтенанта), как догадался Браун, Бейли извлёк из чемодана.

– Ну что, Браун, куда побежим? – оскалив зубы, зло засмеялся Бейли. – Нурипаша уже в городе – на этот раз, похоже, штурм туркам удался. Наш корпус, надо полагать, отходит в порт и садится на корабли. Можно бросить авто, переодеться в лохмотья и попробовать, выдавая себя за туземцев, добраться до Денстервиля. План – отличный! Одна печаль – турки, боюсь, будут возражать! Можно рвануть на северо-восток и берегом, берегом – по стопам Бичерахова¹ – в Дербент!

Браун нахмурился: 30 июля Бичерахов бросил фронт и ушёл в Дагестан. После этого в Баку – «спасать ситуацию» – и был направлен корпус Денстервиля. Лазарь, конечно, боец – захватил Дербент и Петровск, объявил себя правителем Кавказско-Каспийского союза! – и британский союзник. Хотя, вспомнил Ричард уроки Итона², у Британии нет вечных союзников³, и если этому же принципу последует Лазарь?! Опять же с севера против Бичерахова – большевики, в акватории – их канонерские лодки, а с юга, после захвата Баку, на Дербент непременно пойдут турки...

– Лазарь «по старой дружбе», – Бейли криво ухмыльнулся, – нас приютит, но в Персию через Дагестан – путь дальний. А пуще того, мы и до Дербента не доберёмся. Власти – нет, на дорогах – тьма разбойников, и не все они благородные. Это у Лазаря – две тысячи штыков: такая сила любую банду вмиг остудит! Остаётся третий вариант: мчимся в Астару, переходим границу, в крайнем случае, если не встретим британцев, кидаемся в объятия персов! Через сутки-другие мы в Энзели, у своих!

У Брауна похолодело под ложечкой и затиковало веко, Бейли хохотнул и бодро, со сталью в голосе, отчеканил:

– Не печалься, Дик! Мы ещё вернёмся на Кавказ! Политическое влияние, бакинская нефть – всё будет нашим!

¹30 июля 1918 года казачий отряд полковника Лазаря Бичерахова, сражавшийся против армии Нурипашы, вырвался из окружения и ушёл в Дагестан.

²Королевский колледж Богоматери Итонской рядом с Виндзором – частная британская школа для мальчиков (13-18 лет). Основана королём Генрихом VI в 1440 году.

³«У Англии нет вечных союзников – вечны и постоянны её интересы. Наш долг – защищать эти интересы». Из речи премьер-министра Великобритании Генри Палмерстона в палате общин 1 марта 1858 года.

Браун согласно кивнул (время для споров ещё не пришло), проглотил холодный кусок мяса и подумал, что прорываться через армию Нури-паши – чистое безумие. Уж лучше на север, к Бичерахову! С бандитами, имея на руках такой козырь, как «Льюис», всегда можно «договориться». Неплохо смотрятся и лохмотья – пока в городе идут бои, шансы просочиться в порт – без «Льюиса», но с браунингами и ручными гранатами (в ящичке их штук десять) – высоки.

Бейли сморщил нос, откинул крышку чемодана и достал форму турецкого аскера:

– Переодевайтесь, Браун, вам пойдёт! Жаль, конечно, что на турка вы не очень-то похожи! Эх, провалите вы нас, Браун, провалите!

– Нам обоим не повезло, Бейли! – зло огрызнулся Браун и тяжело вздохнул: лейтенант всё-таки отпетый авантюрист!

Выехали перед закатом. Браун – за рулём, на голове – кожаный шлем, скрывающий светлые кудри, большие автомобильные очки, на груди – пара турецких медалек, над верхней губой приклеены пышные чёрные усы. Бейли – в форме турецкого офицера, в руке – выставленное в окно авто короткое древко с османским флагом (красный, с полумесяцем). Маршрут на карте показал Бейли, Браун сделал вид, что запомнил, лейтенант хохотнул и стал командовать, куда ехать.

Город обогнули по окраинам. Попадавшимся по пути возбуждённым туземцам Бейли по-турецки орал что-то патриотическое и махал флагом, простодушные воздевали руки, радостно кричали что-то в ответ и бежали, пока хватало сил, за «Руссо-Балтом».

– Эх, так бы до Астары! – мечтал Бейли и поглаживал приклад пулемёта, пристроенного между сидений.

В районе порта ещё стреляли, на спуске к Биби-Эйбату навстречу авто вяло шагал отряд Кавказской исламской армии. Бейли приказал сбавить скорость, выbralся на подножку и замахал флагом.

Отряд, уступая дорогу «штабному автомобилю», почтительно расступился, турецкий офицер в пыльном мундире (видно, только из окопов) выпятил грудь и отдал флагу честь.

– А теперь жмите, Дик! Через пару-другую часов свернём в степь, сделаем привал! – засмеялся Бейли и тяжело опустился на сиденье.

Ричард скосил взгляд: по вмиг отяжелевшему лицу лейтенанта, оставляя на щеках светлые бороздки, стекали крупные, с чечевицу, капли пота.

Дальше ехали без приключений. Через два часа закончился бензин в баке. Браун влил в горловину прихваченную на заводе канистру, Бейли сел за руль и погнал авто дальше на юг. Около полуночи свернули с дороги в степь.

– Спать будем по очереди! Первым дежурю я! – приказал Бейли, поудобнее устроился на сиденье и через минуту тихо засопел.

«Ночь, темнота, если и явятся по наши души, то не аскеры – шакалы...» – успел подумать Браун и уронил голову на подушку заднего сиденья.

На рассвете позавтракали остатками консервов и галет, припасённых Бейли. Браун – спокойный, умиротворённый, почти не сомневающийся в успехе «броска на юг», – пропел дифирамбы «стратегической мудрости» сисовца. «Совсем мальчишка, двадцать с небольшим! А как ловко предугадал ход событий (с заводом, конечно, промахнулся – не надо нам было мчаться в эту ловушку!), запасся всем необходимым! И план ухода, похожий, отличный! А роль турка сыграл – чистый талант!» – жуя бекон, почти с умилением думал Ричард.

За руль сел Браун. Бейли положил на колени приклад «Льюиса», ствол пулемёта выставил в окно авто и как-то кисло, без прежнего энтузиазма, бормотнул:

– Впереди – Кура и Сальяны... Без парома через реку не переправимся... Помогите нам Бог!

Домов – одноэтажных, с плоскими крышами, окружённых, словно крепости, заборами из тёсаного камня, – на левом берегу Куры было немного.

Мальчишка, гнавший по дороге стадо баранов, встрече с «турецкими братьями» сначала изумился, попрыгал вокруг «Руссо-Балта», а когда Бейли подарил ему галету и османскую банкноту, ткнул рукой в крайний домик на берегу: мол, ищите паромщика там.

Насчёт переправы договорились быстро: Бейли дал паромщику золотую монету, гребцам – турецкие лиры, туземцы напряглись и закатали автомобиль на настил парома.

Пока плыли, паромщик всё цокал языком, воздевал руки, благодарил Аллаха и выспрашивал у Бейли, с какой целью прибыл в Сальяны «передовой отряд турецкой армии»? Бейли хмурился, косил по сторонам, прикладывал палец к губам и тихо шептал: «Разведка! Англичане! О-о!»

Паромщик цокал языком, качал головой, надувался важностью «доверенного лица турецкого аги».

В Сальянах на площади, по просьбе аксакалов, устроили митинг. Бейли вскочил на подножку «Руссо-Балта» (в левой руке – флаг с полумесяцем, правая решительно рубит воздух), проорал патриотическую речь и пообещал, что отныне все сальянцы будут жить свободно, счастливо и богато (толпа в ответ радостно загудела). А под занавес приказал составить списки мужчин от восемнадцати до пятидесяти, которым новая власть даст форму, винтовки и отправит воевать с гяурами.

Аксакалы переглянулись и попросили добавить к форме кожаные сапоги. Бейли нахмурился и пообещал.

– На обратном пути списки мне в руки! Всех проверю, дезертиров расстреляю! – сурово пообещал Бейли сальянцам и помахал на прощание турецким флагом.

Когда выехали из Сальян, Бейли потянулся к сумке с припасами, достал фляжку, хлебнул коньяку, изрёк:

– Наглость – сила! В речах на публику – поменьше смысла, побольше звона! – и выругался.

Браун согласно кивнул (мундир на спине взмок, но это, конечно, от жары), зачем-то спросил:

– Золото, банкноты – да вы Али-Баба, лейтенант?

– А, пустое, – засмеялся (нехорошо, нервно) Бейли. – И золото, и лиры – фальшивки!

Не прошло и тридцати минут, как впереди справа Браун заметил крыши домов, а на дороге – положенное поперёк грунтовой колеи бревно. В бинокль было хорошо видно, как пятеро мрачного вида туземцев наставили на добравшуюся до «поста» арбу винтовки и, судя по лицам, орали вознице нечто непотребное.

– Местная банда вышла на промысел! – веско изрёк Бейли. – Тормозите, Браун, подождём возницу!

Вскоре прикатила арба. Бейли вышел на дорогу, махнул рукой, переговорил с возницей, удовлетворённо хмыкнул и дал бедолаге на прощание фальшивую банкноту.

Арба загремела дальше, Бейли хохотнул:

– Я же говорил: разбойники! – и разъяснил Брауну «план прорыва». Ричарду план не понравился, но лейтенант устало объяснил, что другого всё равно нет.

«Руссо-Балт» неторопливо покатил к «посту», метрах в десяти от бревна Браун вывернул руль влево и затормозил. Бейли распахнул дверцу авто, упёрся ступнёй в подножку, весело заорал:

– Салам, аскерлар!¹ – и выпустил в замерших с открытыми ртами абреков магазин «Льюиса».

Бейли выбрался из авто и выстрелами из браунинга добил двух раненых.

¹Салам, аскерлар! (азерб.) – Здравствуйте, солдаты!

Вдвоём быстро оттащили в сторону от дороги бревно, лейтенант прыгнул на сиденье и просипел:

– Погоня нам гарантирована!

Браун и без команды лейтенанта дал газ. Бейли выбросил на дорогу пустой магазин, пошарил в сумке и пристегнул к «Льюису» полный патронов.

Браун впился глазами в дорогу (влететь на полной скорости в яму – смерти подобно!), а Бейли перебрался на заднее сиденье, потянул за собой пулемёт.

И в этот миг показались всадники. Скакали они по степи не от селения, не во след, как ожидал Бейли, автомобиля, а навстречу.

Лейтенант приказал остановить «Руссо-Балт», выпрыгнул на дорогу и одну за другой швырнул в приближающийся отряд пять гранат. Потом положил «Льюис» на капот, выждал, когда ветерок унесёт поднятую взрывами пыль, и расчётливо, целя в спины скачущих прочь, опорожнил магазин. Сплюнул, поставил новый магазин и неторопливо, словно в тире по мишеням, короткими очередями добил ползающих по земле раненых.

– Осталось два магазина и пять гранат – до границы должно хватить, – проведя шершавым языком по сухим губам, выдавил лейтенант и виновато посмотрел на Брауна.

В чистом небе кружил орёл, по обочине дороги деловито вышагивали невесть откуда взявшиеся вороны и нагло косили на «царя птиц».

Браун погнал авто на предельной, насколько позволяли рытвины и ухабы, скорости. Через час Бейли приложил к глазам окуляры и засмеялся:

– В Астаре с 1911-го телеграф. Логично предположить, что впереди нас ждёт засада!

Дорога проходила в лощине, пышная зелень вдоль трассы сужала обзор, Браун крякнул и сбавил скорость.

– Так и есть – засада! – вдруг деловито бросил Бейли. – Тормози, Дик!

Впереди, за деревьями у поворота, Браун заметил притаившиеся фигурки. Лейтенант выпрыгнул на обочину и одну за другой швырнул оставшиеся гранаты. В ответ ударили выстрелы, и по капоту «Руссо-Балта» словно прошлись молотком. Одна пуля разбила лобовое стекло, по щеке Брауна потекла горячая струйка крови, глаза от осколков спасли очки.

Бейли подхватил тяжёлый «Льюис», один за другим опорожнил два последних магазина и бросил ставший ненужным пулемёт на землю.

– А теперь, Дик, бегом к персам!

И, пригнувшись, кинулся вверх по склону холма. Браун рванул следом.

Где-то за спиной стреляли из винтовок. В лесу Бейли перешёл на шаг, потом остановился, сел на траву, повертел головой, подмигнул Ричарду:

– Ещё пара миль – и мы у персов! Когда доберёмся до реки, по камням скачите с осторожностью!

Ещё с час поплутали по лесу, но Бейли вывел-таки беглецов к реке.

Скакать по скользким, покрытым влажным мхом камням Браун не рискнул и на персидский берег двинул по грудь в воде. Дно было неровное, каменистое, вода – холодная, быстрая – словно задалась целью закружить, сбить с ног...

– Задерживаете, Браун! – смеялся, прохаживаясь «по Персии», лейтенант Бейли.

Браун, хватаясь за траву, выполз, наконец, на берег, поднялся с колен – и тут за спиной ударил выстрел. Пуля обожгла руку Брауна выше локтя, он охнул, боком упал на траву, в сознании обречённо мелькнуло: «Ну вот и всё...»

Где-то высоко-высоко зачастил браунинг, потом сильная рука ухватила Брауна за воротник мундира и потянула по траве в лес. Подальше, догадался Ричард, от зоны обстрела – и потерял сознание.

В госпитале навестивший Брауна капитан Эванс со вздохами поведал, что лейтенант Бейли был убит «последним выстрелом с того берега» – когда беглецов уже окружили шахские пограничники.

Повздыхали, помолчали, Эванс кинул взгляд на часы и деловито бросил:

– А теперь, Ричард, если вы не возражаете, перейдём к делу!

«Если не возражаете! Ох, не могут в СИС без театральщины-ритуальщины!» – усмехнулся Браун и, склонив голову, изобразил внимание.

Эванс извлёк из портфеля папку, вытянул из неё лист, зачитал справочку («К началу 1939 года бакинская нефтяная промышленность давала СССР 80% авиационного бензина, 90% лигроина и керосина, 96% автотракторных масел»), дал Брауну с десяток секунд, чтобы собеседник проникся значимостью момента, и буднично продолжил:

– В Лондоне – ну и в Париже – принято решение бомбить Баку. Основные цели – нефтяные промыслы, перерабатывающие заводы, насосные станции нефтепроводов. Бомбить будем недели две, три, затем – вторжение наших дивизий на Кавказ. Армия вторжения – 150 тысяч французов! Сила! Заходить будем из Ирана.

Браун не смог скрыть изумления, Эванс пожал плечами и сухо пояснил:

– В Лондоне, после подписания пакта Молотова – Риббентропа¹, считают СССР союзником Гитлера!

«Советы в это время воевали с самураями² – Сталин, подписав пакт с Гитлером, поступил мудро, по-британски – он избавил Советский Союз от войны на два фронта и, следовательно, от вероятного разгрома и геополитической катастрофы», – с академической холодностью подумал Браун и веско обронил:

– Лондон, как всегда, мудр и прозорлив – мы можем, дорогой Эванс, гордиться тем, что мы британцы!

Полковник кинул косой взгляд на Брауна: «Хитрый лис не потерял хватки – с ним надо держать ухо востро!» – и суетливо продолжил:

– Следовательно, СССР – наш враг, а бомбардировка Баку – стратегически верное решение британского кабинета. Это же возмутительно, Дик! Мы воюем с нацистами, а русские поставляют им нефть и другие стратегические материалы! Этому необходимо положить конец! Более того, Дик, в Генштабе уверены, что бомбёжки Баку, Грозного, Батуми – это чистый нокаут для русских! За две, за три недели мы сделаем то, что не удавалось ещё никому в истории: поставим Россию на колени!

Полковник сверкнул глазами, гордо вскинул голову и с пафосом, словно выиграл решающую в истории человечества битву, изрёк:

– От вас, Браун, во многом зависит успех всей операции! Вы покопаетесь в памяти и составите перечень важнейших нефтяных предприятий Баку. Затем вы отметите ориентиры, благодаря которым наши лётчики выйдут на объекты и проведут по ним точное бомбометание! Я навещу вас в конце февраля!

Эванс похлопал Брауна по плечу, лукаво ухмыльнулся:

– Прощайте, дорогой друг! И, разумеется, ни на миг не забывайте о строгой секретности операции! – и покинул гостиную.

Браун сел в кресло, укрыв ноги пледом. Его бил озноб – то ли от простуды, то ли от новостей, принесённых полковником Эвансом. Ричард вспомнил Рождество 1938-

¹ Договор о ненападении между СССР и Германией был подписан в Москве 23 августа 1939 года. Договор был подписан после того, как советско-англо-французские переговоры о заключении военно-политического союза против Германии, начавшиеся 15 апреля 1939 года, зашли в тупик (Париж и Лондон намеревались затянуть их до 1 октября).

² Локальный вооружённый конфликт между СССР и Японией в районе реки Халхин-Гол (11 мая – 16 сентября 1939 года).

го, проведённое в Лондоне, встречу в мужском клубе с «итонским другом детства» Гарри Тейлором, неплохой шерри и ностальгический трёп «секретаря Форин офис¹». Гарри выпил лишнего и на «невинный вопрос» Ричарда о Мюнхенском пакте² («Скажи, дружище, ты всё знаешь: в чём мудрость Мюнхена?») неожиданно брякнул:

– Ну как ты не понимаешь, Дик?! Это же элементарно! В мире есть только одна сила, способная уничтожить большевиков, это Германия! Поэтому и аншлюс³, и Мюнхен – это подготовка Германии к войне с СССР! Мы позволили Германии восстать из пепла мировой войны! Мы разрешили немцам прибрать к рукам Австрию – и она даст Гитлеру сотни тысяч отличных солдат! Мы отдали немцам Чехию с её лучшими в Европе кузницами оружия! Скоро, скоро Гитлер и Сталин сойдутся в смертельной схватке! И если Германия разгромит СССР, обескровленных немцев добьют французы! Если русские одолеют Германию, французы добьют большевиков!

– А мы, Гарри?

– А что мы?! Мы, оказавшись над схваткой и сохранив силы, будем править миром! Гениальнейший план!

– А если, Гарри, не получится, если что-то пойдёт не так?..

– Получится! – хлопнул по столешнице «секретарь Форин офис». – В 1914-м ведь получилось – мы стравили немцев и русских! Мы убрали с политической карты мира четыре империи⁴! И сейчас всё будет отлично!

Браун важно кивнул:

– Да, премьер-министр – умница и большой стратег! Одно смущает: в России в 1914-м министром иностранных дел был Сергей Сазонов, а сейчас – Вячеслав Молотов...

– Ну и что? – мрачно насупил на Ричарда «друг детства».

– А то, дорогой Гарри, что, как написал в своих мемуарах посол Бьюкенен, лучшего друга Англии, чем Сазонов, он не встречал нигде и никогда! Я, кстати, видел «лучшего друга Англии» в кафе в Ницце, кажется, в августе 1924-го. Любезный такой старикашечка, любил сладкое и на хорошеньких барышень заглядывался. Я с ним мило поболтал...

– Забудь – отработанный материал! – брезгливо поморщился Гарри и потянулся за рюмкой.

– Да, так вот, как утверждает Бьюкенен, – продолжил Браун, – Сазонов выполнял все просьбы Британии. Именно Сазонов – «по нашей просьбе», разумеется! – втянул в 1914-м Россию в западню – в мировую войну. А Молотов – нет, он не друг Англии! Скажи, Гарри, кто, в таком случае, заманит Сталина в ловушку?!

Гарри опрокинул рюмку и мрачно бормотнул:

– Был, был такой друг⁵ – но Усатый и его прихлопнул, и аппарат министерства от наших друзей вычистил!

Браун поправил плед, зябко повёл плечами: «Надо иметь мужество признать очевидное: СССР в 1939 году, подписав Договор о ненападении с Германией, пере-

¹Форин офис (Foreign Office) – Министерство иностранных дел и по делам Содружества Великобритании.

²Мюнхенское соглашение (сговор) – соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, подписанное в Мюнхене в ночь с 29-го на 30 сентября 1938 года. Подписи под пактом поставили рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуард Даладьё и премьер-министр Италии Бенито Муссолини. Мюнхенский пакт предусматривал, что Чехословакия в течение 10 дней уступит Германии Судетскую область. 2 октября польские войска заняли Тешинскую область Чехословакии, а 2 ноября 1938 года от Чехословакии в пользу Венгрии были отторгнуты территории на юге Словакии и юге Подкарпатской Руси.

³Аншлюс – включение Австрии в состав Германии (12 марта 1938 года).

⁴В результате Первой мировой войны (1914–1918) рухнули Российская империя (14 сентября 1917 года), Германская империя (9 ноября 1918 года), Австро-Венгерская империя (11 ноября 1918 года), Османская империя (1922 год).

⁵Глава МИД СССР М.М.Литвинов (1876–1951) был отстранён от должности 3 мая 1939 года.

играл Британию: гениальный план по стравливанию – как в 1914-м! – русских и немцев, которым так восхищался Гарри в 1938-м, полетел к чёрту! Гитлер напал на Польшу, мы и французы объявили Германии войну. Но война какая–то странная: одна Франция в сентябре 1939-го могла двинуть на Германию 110 дивизий, против которых у вермахта были только 23. Конец Гитлеру пришёл бы за месяц-два. Но вместо этого французы в парламенте стенают: «Единственная опасность, которой нам надо бояться, это большевизм! Германская угроза по сравнению с большевиками – ничто! Мы могли бы договориться с Германией!»¹, сидят тихо, как мышки, на своей линии Мажино², пьют кофе, жуют круассаны и чего-то ждут. Гарри, святая простота, убеждал меня, что стратегическая задача 110 французских дивизий – не наступать на немцев, а лишь добивать обескровленных бошей или русских, это не имеет значения. Недоумки! И младенцу ясно, что для немцев Версальский мир³ – национальный позор и катастрофа! Германия потеряла почти 70 тысяч квадратных километров территории, репарации – 132 миллиарда золотых марок! У немцев забрали все колонии, запретили иметь армию – 100 разрешённых тысяч штыков разве могучая военная сила?! – и флот! А кто получил версальские преференции?! Франция, Бельгия, Польша, Чехословакия! Им первым, а не русским, боши и дадут за позор и беды Версаля по зубам! Но о чём поведал мне час назад полковник Эванс?! Что Чемберлен⁴ – и Даладьё⁵ – собрались воевать со Сталиным! Это безумие! Кто, кто будет воевать с Гитлером в Европе?! Французы? Их надломила прошлая война – лягушатники не станут сражаться с бошами. Через месяц-два после начала настоящей войны – а она начнётся, начнётся! – они тупо лягут под Гитлера. Британцы? У нас не хватит сил и ресурсов – сражаясь в одиночку, мы обречены! Единственная страна, способная бросить вызов Гитлеру, это Россия! И именно России полковник Эванс и прочие недоумки в Генштабе, Форин офисе и других высоких кабинетах готовят нокаутирующий удар по нефтяным промыслам и заводам! Слепые, ведомые слепыми!»

Браун сбросил плед, нервно заходил по гостиной. От мыслей (вялых, беспомощных, лишённых откровения) хотелось выть. Устав от метаний из угла в угол, Браун вернулся к дивану, натянул на голову плед, решил твёрдо: «Вразумить этих идиотов я не в силах – буду саботировать их безумие!»

Полковник Эванс появился на вилле Брауна раньше, чем обещал: в начале февраля. Порассуждав о погоде, курсе фунта и коварстве русских, съев ужин и выпив бренди, Эванс бодро заявил Брауну:

– Маннергейм – герой! Его линия⁶ – непреодолимая стена на пути русских! Мы дали маршалу гарантии! Исполнять обещанное будут французы: через неделю-две в Финляндии появится 100-тысячный французский корпус! В Лондоне рассчитывают, что Германия, после того, как мы уничтожим Баку и Советы прекратят поставки нефти бошам, примкнёт к Франции и Британии для совместного похода на большевиков! Но

¹Из выступления министра МВД Франции Альбера Сарро в парламенте (конец 1939 года).

²Линия Мажино – система укреплений на границе Франции и Германии. Строилась в 1934–1935 годах, совершенствовалась до 1940 года. Суммарная протяжённость до 750 км. Названа по имени военного министра Андре Мажино. Линию Мажино вермахт весной 1940 года штурмовать не стал, обошёл французские укрепления с севера, через Арденны. После капитуляции Франции гарнизон линии Мажино сдался без боя.

³Версальский мирный договор подвёл итоги Первой мировой войны (подписан 28 июня 1919 года).

⁴Артур Невилл Чемберлен – с 28 мая 1937 года по 10 мая 1940 года премьер-министр Великобритании.

⁵Эдуард Даладьё – с 10 апреля 1938 года по 21 марта 1940 года – премьер-министр Франции.

⁶Линия Маннергейма – комплекс укреплений на финской части Карельского перешейка (между Финским заливом и Ладогой). Длина – до 135 км. Была прорвана Красной Армией в ходе наступления, начавшегося 11 февраля 1940 года.

воевать с русскими должны немцы! Где, Браун, ваши рекомендации?!

Ричард положил на столик перед Эвансом папку, и полковник углубился в изучение схем, таблиц, описаний. Браун отошёл к окну и чётко произнёс:

– Для успеха операции необходима, во-первых, аэрофотосъёмка Баку. Во-вторых, я должен подробно объяснить каждому пилоту топографию объектов. В-третьих, мне нужна охрана: в Месджеде-Солейман полно агентов бошей!

Эванс кивнул, похвалил, пообещал, предупредил, что вновь появится в начале марта, подхватил папку и исчез.

В Месджеде-Солейман Эванс появился 10 апреля. О капитуляции «героя Маннергейма», случившейся 30 марта, Браун и Эванс при встрече не упомянули ни словом. Ричард втайне надеялся, что уж теперь-то, когда лопнул очередной «гениальный план» уничтожения России (отмороженными финнами, ста тысячами французов и Берлином, примкнувшим к Лондону и Парижу), правительство откажется от бомбардировок нефтяных промыслов Кавказа. Но Эванс деловито кинул на столик фотографии Баку:

– Операция «Пика» началась!

– Мелко, объекты плохо различимы, – бесстрастно констатировал Браун.

– Снимал самолёт-разведчик¹ с семи тысяч метров – других фотографий у нас нет, – витиевато изрёк Эванс и с нажимом добавил: – Поэтому нам так нужны ваши уточнения, рекомендации, ну и прочее!

Браун кивнул и сочувственно молвил:

– Финляндия 30 марта капитулировала. Русские в лютые морозы прорвали непреодолимую, как считали в Лондоне, линию Маннергейма. Да-а, получается, непобедимую Финляндию разгромили дивизии лишь одного Ленинградского военного округа. Похоже, полковник, мы недооценили русских.

Эванс досадливо поморщился:

– Вернёмся к вашему заданию, Браун!

– Конечно, полковник! – услужливо бормотнул Ричард. – Кстати, по слухам, циркулирующим в Тегеране, Сталин перебросил на Кавказ русских асов, воевавших с финнами. Если это так, дневные бомбардировки исключены?

Эванс дёрнул плечом, кивнул:

– Да, всё верно! Не забывайте и о сотнях миль между аэродромами взлёта и объектами бомбардировок! Мы не сможем использовать истребители прикрытия, поэтому бомбить будем только ночью!

– Сколько бомб вы планируете сбросить за один налёт? – раздумчиво бормотнул Браун.

Эванс вскинул бровь:

– 70 тонн. Почему вас это интересует, Дик?

Браун прикинул: за три недели на Баку будут сброшены почти полторы тысячи тонн авиабомб – боши в апреле 1937 года сравняли с землёй испанскую Гернику всего сорока тоннами. «Получается, «Пика» уничтожит десятки, а может быть, и сотни тысяч людей, превратит цветущий Баку в пепелище?!» – ужаснулся Ричард, ясными глазами уставился в полковника и раздумчиво изрёк:

– Меня беспокоят русские истребители, зенитные пушки и пулемёты. Допустим, первый налёт русские проспят. Но второй и последующие – вряд ли! Французские «фарманы» тихоходны, и ночь не спасёт асов Франции: многие из них будут сбиты на подлёте к Баку, в котором – это важно отметить! – будет введён режим светомаскировки! Следовательно, уничтожить основные нефтеперегонные заводы Баку, зажечь промыслы Абшерона необходимо в первый же налёт! Вывод: наши лётчики не имеют права промахнуться! Я должен вдолбить в их головы ориентиры целей, объяснить, где их могут ждать воздушные ямы...

¹30 марта 1940 года британский «Локхид-12А», вылетевший с авиабазы Хаббания в Южном Ираке, провёл аэрофотосъёмку нефтяных объектов Баку.

Эванс вскинул бровь, Браун с нажимом продолжил:

– Да, да, полковник! В августе 1918-го наш самолёт – он выполнял разведывательный полёт в районе Биби-Эйбата – рухнул в такую яму, и только чудо – ну и мастерство пилота – спасло корпус Денстервиля от потери авиатора и аэроплана!

«У меня сильные козыри – Эванс, ну и недоумки в штабе ВВС – должны, должны уступить фактам, логике и здравому смыслу, хотя со здравым в Лондоне, похоже, серьёзные проблемы!» – размышлял, планировал, строил козни и надеялся на лучшее Браун.

Через несколько дней Эванс явился в Месджеде-Солейман и забрал Брауна в Ирак – на британскую авиабазу в Хаббании: натаскивать асов Британии и Франции на цели в Баку. Задача пришлась Ричарду по вкусу. В ангаре, где по приказу полковника был устроен «лекционный зал», он, тыкая указкой в фотографии, карты и схемы, забивал головы лётчиков второстепенными деталями, пугал ночными туманами и воздушными ямами. И вдалбливал, вдалбливал Эвансу, что на подготовку операции «Пика» требуется ещё несколько дней, а лучше недель. Эванс хмурился и требовал завершить подготовку асов к 1 мая, потом к 10-му, наконец сошлись на 15-м. Браун, закрывшись на ночь в своей комнате, тихо ругал последними словами короля, премьера и Генштаб и с ужасом отдавал себе отчёт в том, что, несмотря на все его хитрости и каверзы, день катастрофы неумолимо приближается.

Когда 9 апреля Браун и собравшиеся на аэродроме асы услышали по радио, что в 5.30 утра немцы перешли границу Дании, и в 7.20 король Кристиан X капитулировал перед Гитлером, Ричард воспрянул духом: «Похуже, боши начали серьёзную войну надеюсь, хоть это просветлит разум Чемберлена!»

Эванс, слушая истеричного диктора, сообщавшего о вторжении немцев в Норвегию («9 апреля части вермахта захватили порты Нарвик, Тронхейм, Берген, Ставангер!»), на глазах «спадал лицом». Браун бормотал: «Будем мужественны, полковник, ещё не всё потеряно!» и терпеливо ждал, когда Гитлер атакует Францию. «Как только боши обойдут линию Мажино, – я не стратег, но этот ход вермахта мог бы просчитать и бухгалтер! – операция «Пика» будет забыта, на заводы и промыслы Баку не упадут английские бомбы, и, когда придёт время, мы и русские станем – на время, разумеется, – союзниками и вместе покончим с Германией!» – размышлял Браун.

Обход линии Мажино – через Бельгию и Голландию – боши начали 10 мая. В этот же день в отставку подал британский премьер Чемберлен.

– Похоже, мне лучше вернуться в Месджеде-Солейман, на промыслы, – с сочувствием заглядывая в глаза Эванса, деликатно заявил сисовцу Браун и, не дожидаясь ответа полковника (мрачного, насупленного, потерянного), покинул аэродром.

Уже в Месджеде-Солейман Браун услышал по радио о том, как 12 мая немецкий танковый авангард захватил Седан, а 15 мая лавина танков вермахта хлынула через Маас. «Франция обречена», – подумал, узнав эту новость, Браун.

14 июня немцы без боя вошли в Париж, а 22 июня Франция позорно капитулировала.

«Увы, я оказался прав: слава Франции полегла на полях Первой мировой. Нынешние французы, если за шесть недель они позорно проиграли Гитлеру войну, – не воины! А я, похоже, затянув «Пику», спас Британию от войны один на один с Германией! Эту схватку с такими вождями, как Чемберлен, Британия точно проиграла бы! А в союзе с Россией мы сломаем Гитлеру хребет!» – размышлял, слушая на вилле в Месджеде-Солейман радионовости из Лондона, Браун, окончательно потерявший после идиотской «Пики» веру в «мудрость и прозорливость авторитетов» из СИС, Англо-Иранской, Форин офис, Даунинг-стрит, 10¹ и иже с ними.

¹ Даунинг-стрит, 10 – официальная резиденция премьер-министра Великобритании в Лондоне.

Глава тринадцатая. Расходный материал

После того, как в сентябре 1963-го Керимбек оставил в туалетной корзинке кинотеатра «Низами» список ведущих сотрудников «Гипроморнефтегаза», их домашних адресов и телефонов, персы, казалось, забыли о нём: никто не беспокоил «почти доктора наук» ни телефонными звонками, ни «случайными встречами» в подъезде, на улице, в кино или ресторане. Керимбек решил (как страус, прячущий голову в песок, а не муж с головой холодной и трезвой, встречающий опасность лицом к лицу), что противный Хасан Бируни в «семиструйном» тегеранском борделе сказал правду (список коллег – так, одноразовая мелочь, необходимая для отчёта!) – и успокоился.

И напрасно: в мае 1964-го, когда Керимбек вечером прогуливался с женой по бульвару, к нему подошёл Бахрам Бируни, заулыбался, заахал: «Какая неожиданная встреча!», назвал «дорогим коллегой» и («Это уже верх цинизма!» – возмутился – в мыслях, конечно, – «почти доктор наук») полез обниматься. Но не от избытка тёплых чувств, а чтобы тихо шепнуть Керимбеку на ухо:

– Завтра. Здесь. В это же время. Но без ханум.

На бульваре Бахрам появился раньше назначенного срока, присел на скамейку, огляделся, прошёлся по нижней террасе, достал из портфеля булку, стал кормить чаек и «прокручивать в памяти тегеранские наставления мистера Смита».

Октябрьским вечером 1963 года брат Хасан на такси привёз Бахрама к «Семи струям». Братья вошли в бордель с чёрного хода, поднялись «в номера». В комнате – никого, шторы опущены, Хасан прошёлся, заглянул под кровать, за ширму. Минут через пять в «номер» вошли капитан Барзани и «большой ага» из американского посольства. Братья дёрнулись с дивана, склонились в полупоклоне, на лицах – «почтение и уважение». (На самом деле американец, заранее предупредил Хасан брата, так, сошка мелкая из резидентуры ЦРУ, «тем приятнее ему лесть, от нас ведь не убудет, верно, Бахрам?»).

Американец по-хозяйски уселся на диван, сразу, без восточных предисловий, заговорил (по-английски) о деле. Капитан Барзани и братья Бируни американца почтительно выслушали, поняли не всё (речь у чужака быстрая, и словаря рядом нет), но что за дело, Хасан брату шепнул заранее. Когда чужак умолк, Бахрам ладони к сердцу приложил (глаза преданные, искренние, американцу должно понравиться), ответил твёрдо, как брат велел:

– Всё сделаю, ага!

Через день Хасан шепнул брату:

– Смотрины прошли удачно: работает наш план!

Бахрам ухмыльнулся – и через неделю записался (по плану «мистера Смита») в тудеисты¹. Благо, коллега (а ещё и функционер местной ячейки Туде – информация от Хасана) в компании нефтяной разговоры осторожные давно вёл – искал «соратников-сподвижников».

Тудеисты первым делом проверку Бахраму учинили. Брат Хасан, как-никак, в охране шахской служит, факт этот не утаишь. Да и, решили братья, не надо. Напротив, родственник в охране – это козырь! Прошёл проверку Бахрам легко: предупредил однопартийцев о предстоящей облове (часть плана внедрения согласована с резидентурой ЦРУ). В назначенный день и час дом, где на конспиративную встречу должны были собраться тудеисты, окружили солдаты. Следом подкатили машины охраны, саваковцы без церемоний ввалились в дом, но «мышеловка оказалась

¹Хезбе тудейе Иран (Туде) – Народная партия Ирана. Создана в октябре 1941 года, является преемницей и продолжательницей Иранской коммунистической партии.

пуста». Молодец, Бируни, решили тудеисты, уберёт «товарищей» от шахских застенков, достоин стать членом Туде! За полгода «подпольной работы» Бахрам исполнил несколько мелких поручений тудеистов, два раза предупредил «товарищей» о «коварных планах САВАК» и к весне 1964-го стал в ячейке Туде «своим».

В мае, имея «крышу» Туде, Бахрам с благословения капитана Барзани и резидентуры ЦРУ вылетел из Тегерана в Лондон «по делам нефтяной компании». Командировку оплатила компания, ну и куратор из резидентуры (та самая мелкая сошка, которая устроила новому агенту смотрины в «Семи струях») передал Бахраму (в тех же «номерах» борделя) конверт с долларами. Бахрам деньги пересчитывать не стал, сразу поставил автограф в расписке (инструкция Хасана). Знал брат, что долларов в конверте окажется меньше, чем якобы получил на оперативные расходы агент, шепнул об этом заранее Бахраму. Бакшиш¹ в три сотни баксов пришлось дать и капитану Барзани, но всё равно братья в накладе не остались.

– Когда место Барзани займу я, наши дела, Бахрам, пойдут ещё лучше! – обнадёжил брата Хасан.

Бахрам «к потерям» отнёсся спокойно, здраво рассудив, что шайтан с ними, тремя сотнями бакшиша, если за счёт компании он слетает в Лондон, честно работает на нефтяной конференции, а потом, используя купюры из конверта ЦРУ, красиво проживёт в британской столице ещё дня три-четыре. «Я необходим американцам как связной, поэтому «туристические поездки» в Европу – часть моего светлого будущего! Эх, красивая жизнь начинается!» – сладкие грёзы были приятны, Бахрам предавался мечтам с наслаждением. На первый раз пришлось ограничить туристические удовольствия Вестминстером (аббатство, дворец), Тауэром, Букингемским дворцом, круизом по Темзе и экскурсией в Гринвичскую обсерваторию. Ну и шопингом в пределах разумного. Из Лондона Бахрам отправился в Москву – на нефтяной соберун и для «исполнения поручений товарищей по партии». Но «главная работа» ждала в Азербайджане (с поездкой, заранее направив нужные письма «советским товарищам в Москве», помогла Туде). В Баку передал Бахрам тудеистам-эмигрантам письма от иранских родственников, ну там инструкции партийные, пообщался душевно с «товарищами по борьбе» (это для отчёта капитану Барзани), а главное – вышел на агента.

Кормил Бахрам на бульваре чаек, вспоминал наставления куратора цэрэушного, на часы поглядывал – ждал Керимбека, переживал: вдруг не придёт?! На этот случай янки инструкции почему-то не дали.

Но обошлось: пришёл в условленный час на бульвар Керимбек! Лицо потное, в глазах страх, губы сухие, язык шершавый, лёгкости в речах никакой. Ухмыльнулся Бахрам, заговорил важно, наставительно – в точности передал агенту инструкции цэрэушные.

Керимбек выслушал – и успокоился. Пересказать персу-балаболу околосударственные сплетни-слухи, услышанные от тестя (напрямую или через жену), – работа не трудная, да и, решил «почти доктор наук», неопасная. Насторожился Керимбек, когда Бахрам стал вопросы задавать о делах в «Гипроморнефтегазе». Пришлось сказать о готовой документации на самоподъёмную буровую установку (эта тема Бахрама заинтересовала, задал уточняющие вопросы), о заданиях на проектирование новых эстакад (перса откровения эти оставили равнодушным). Ещё «гость» попытал Керимбека об установке плавучей полупогружной, но «почти доктор наук» честно округлил глаза, сам стал интересоваться, о чём это «гость» спрашивает?

Диктофон и записи в блокнот янки запретили (да Бахрам и сам отказался бы от такого риска: найдут чекисты диктофон, послушают, и всё – в Сибирь за шпионаж!) – приказали запоминать. Разумеется, не весь разговор, а самое существенное. Труд,

¹Бакшиш (перс.) – разновидность взятки.

конечно, каторжный, не прошло и часа, и устал Бахрам смертельно от «выполнения адского задания», потянул Керимбека передохнуть в «Жемчужину». Ну и напоить агента, чтобы стал разговорчивее (ещё одна рекомендация-указание от «мистера Смита»). Поужинали отменно, Бахрам, «щедрая рука», пиршество оплатил (рубли получил в Тегеране от американца), удивив под занавес официанта требованием «представить счёт по всей форме» (для финансового отчёта капитану Барзани и «мистеру»). Вышли «друзья» из ресторана, прошлись по бульвару, Бахрам потянул агента к одинокой скамейке, стал пытаться про коррупционеров во власти, про недовольных «режимом» (уровнировка в оплате труда, имущественное расслоение и прочие «отходы от принципов социализма» – эта тема американцев почему-то очень, очень интересовала). Керимбек от вопросов тех словно с цепи сорвался – так зачастил с именами и должностями, только запоминай. «Да, завистлив агент – это перспективно!» – обрадовался Бахрам, достал блокнотик (плевать на инструкции «мистера»!), закодировал «знаковую информацию». Выплеснул Керимбек яд накопившийся, успокоился немного, тут ему Бахрам стал нащёптывать, какую информацию агент должен собрать к следующему визиту куратора. Скривился Керимбек, но деваться некуда, выслушал, не возразил, только поинтересовался размерами своего «гонорара».

Бахрам руку в портфель запустил, достал флакон духов французских, бормотнул: «Подаришь ханум», вздохнул, сунул в ладонь Керимбека пять мятых червонцев, зашептал на ухо:

– Больше – пока! – нельзя! Чекисты о богатстве нежданном узнают, – и пропадёшь ты, Керимбек ага, ой, пропадёшь!

Думал Бахрам, что проглотит Керимбек оскорбительные пять червонцев, «а заартачится, я ему про «Семь струй» напомним!» Только агент оказался уж очень капризный, да ещё самомнением расpiraемый. Качества для вербовочного дела, надо полагать, полезные (Бахрам вспомнил, как легко угодил в бордельную ловушку Керимбек), но в текущей работе мешают – об этом надо обязательно «мистеру» шепнуть, чтобы добавил долларов «за трудности процесса».

– Пять червонцев?! – зло зашипел, забрызгал слюной Керимбек. – Это оскорбление! Это пощёчина! Я не какой-нибудь босьяк, готовый прислуживать за гроши, я почти доктор наук! У меня тесть – первый секретарь райкома! Да мы советская элита, мы правящая каста! Да для нашей семьи пять, десять тысяч – мелочь, копейки!

Бахрам приуныл: да, на этом визите много не заработаешь! Ничего, в следующий раз выжму из Барзани, из американцев по максимуму! А сейчас, делать нечего, придётся оторвать от сердца и кинуть этому хищнику ещё рублей сто...

– Тысячу, тысячу! А долг за сегодняшнюю информацию в следующий раз привезёшь! – словно прочитав мысли Бахрама, брызнул слюной в ухо иранца «почти доктор наук».

– Вы забываетесь, Керимбек ага! – попробовал было возразить Бахрам. – Если мы передадим в КГБ...

– Никто, ничего и никуда на ценнейшего агента передавать не будет! И вы это, Бахрам ага, прекрасно знаете! Короче, давай, доставай деньги! – торжествуя победу, вальяжно, словно хан, процедил Керимбек.

Пришлось Бахраму отсчитать хищнику из отложенной прибыли. Тысячу, конечно, не дал – ограничился двумя сотнями. Агент недовольно засопел, пришлось пообещать, что в следующий визит «долг вернёт». Хорошо хоть, что Керимбек категорически отказался писать расписку в получении денег:

– А если вас, Бахрам ага, возьмут чекисты? Это что же, из-за глупой расписки будет раскрыт лучший агент?!

«Отлично! Барзани и американцу скажу: агент капризный, жадный – просил пять тысяч, я ему дал две. Но осторожный – заявил, что никаких расписок писать не станет!» – подумал Бахрам и, теща самолюбие, последнее слово оставил за собой:

– Да, а завтра, ага, пойдёшь в КГБ и расскажешь, что встречался с гражданином Ирана, с которым познакомился в Тегеране на конференции нефтяной. Имя своё назовёшь, про ресторан не забудь, про духи скажи, о червонцах молчи. В конце не забудь спросить, что делать, если я вдруг опять в Баку появлюсь. Всё понял? Ну, иди, иди домой, порадууй ханум подарком! Да, и помни: ты у нас не один, и другие источники имеются, мы каждую информацию проверяем-перепроверяем!

«Сочинил, наверное, «мистер» про «другие источники», но какое мне до этого дело?!» – думал Бахрам, вышагивая по аллеям бульвара. Главное, решили они с Хасаном свой интерес, а он у братьев Бируни простой: выстраивать «в разведке» карьеру и, ничем не рискуя, качать доллары из американцев, риалы – из шахской казны!

Ушёл Керимбек – злой, на весь мир обиженный, в мыслях – слова грязные, не-потребные о шахе, его охране, о Бахраме, о гэбистах коварных, ну и себя немного пожурил. Хотя об ошибке «семиструйной» горевать поздно – раньше, до глупости тегеранской, думать надо было! Эх, эх, пропал ты, Керимбек! Или, может, если «играть правильно», ещё обойдётся?! И разве сплетни и слухи – это измена Родине?! «Да нет, какая ж это измена?!» – успокаивал себя Керимбек. – Наоборот, борьба с коррупцией, за чистоту партийных рядов, за светлое завтра, за благо народное! Персы имена и факты, что я им назову, передадут американцам, а те в эфир голосами свободными запустят! В Кремле, на Лубянке должны будут отреагировать! Этак я, убирая конкурентов – своих и тестя, – дорожку карьерную для нас и расчищу! Да, да, мы ещё посмотрим, кто в итоге окажется расходным материалом!»

Глава четырнадцатая. Превратности судьбы

Не забыл, не простил начальник группы наружного наблюдения капитан Рамазанов младшему лейтенанту Байрамову вольнодумство, явленное подчинённым в сентябре 1963 года, наказал Кязима несправедливо, но изошрённо – в рамках служебных инструкций. Это любимчиков своих Рамазанов отправлял, можно сказать, «на курорт» – в Нагорный парк: следить за дипломатами из капстран, которые, оказавшись на неделю-другую в Баку, сразу неслись к памятнику Кирову (стоит на самой-самой высокой точке и рукой простёртой «путь в светлое завтра указывает») – и щёлк-щёлк оттуда Баилловскую базу Каспийской Краснознамённой флотилии. Здравого смысла в тех фотосъёмках – ноль. Во-первых, даже при хорошем зуме аппаратуры плёнка документировала лишь «габитус» каспийских корабликов (а в нём – ну никаких военных секретов, разве что констатация: посуды старые, металлоломные, для серьёзного морского дела не пригодные), их количество (его можно подсчитать и без «Кэнонов»!) и места стоянки. Ну, ещё резервуары с топливом: если завтра война и бомбёжка прицельная, инфо кое-какую ценность имеет, а если бомбовозы в ближайшую пятилетку не прилетят, пустышка глянцевая, да и только! Во-вторых, потому, что любимчики Рамазанова тут как тут: махнут иностранцам бордовыми книжками, «вежливо» засветят фотоплёнки со «шпионскими материалами» – и в Контору (обедать, чай с пирожными пить и отчёты сочинять). Но иностранцы таким раскладом тоже довольны: погуляли по Баку, отдохнули, «пошпионили», гонорары отработали, а то, что плёнку чекисты засветили, так гэбня, что с неё, тонкостями разведывательной игры не владеющей, взять!

«Да, придраться не к чему, – печалился Кязим. – Посылает меня капитан следить за особо опасным, замыслившим – в составе группы заговорщиков! – покушение на главу государства инженером Исаевым. Задание особой важности, гордиться должен делом порученным, а не роптать! Только мне выпадает следить за заговорщиком ночью! Все спят, отдыхают, а я маюсь под звёздами около дома исаевского. А что толку?! Ни контактов у инженера с членами группы, ни заходов на явки – бегаёт Исаев только на работу и обратно! Докладываю капитану о странностях с этим Исае-

вым – ну не тянет он на заговорщика! А Рамазанов орёт: дело особой важности! На контроле у Москвы! Где результаты, младший лейтенант Байрамов, где?! А когда Исаев из Баку исчезает, тут вообще уши закладывает! Ночные слежки за стажёрами из стран капитала Рамазанов тоже мне «доверяет». Не одному, конечно, но мне чаще, чем другим. Жена скандалить начала. Понять её можно: у всех мужья как мужья, ночуют дома, долг супружеский регулярно исполняют, только меня носит неизвестно где! Говорю, на работе горю, приказы начальства исполняю. Но, чувствую, веры мне всё меньше: жена уже о разводе нет-нет да и скажет. Ох, превратит меня капитан в загнанную лошадь, а потом пристрелит (фигурально, конечно): выставит из комитета за профнепригодность! Может, не ждать инвалидности, не терять годы впустую, а самому рапорт об отставке подать? Так, по крайней мере, и здоровье сохраню, и, пока молодой, жизнь новую «на гражданке» строить начну...»

Рапорт об отставке Кязим написал, только дату не поставил: решил, что до сентября ещё помучается, а там, если свет в конце тоннеля не появится, пошлёт капитана куда подальше. Ну и Контору, конечно: если в комитете командуют такие придурки, как Рамазанов, делать Кязиму Байрамову в КГБ нечего! За державу только обидно: Керимбек Ширинов и дальше, как зять первого секретаря райкома партии, останется вне подозрений, а на ложные цели – на инженера Исаева и стажёров из капстран – Контора будет впустую тратить время и силы!

Приезжали зарубежные учёные в Баку на стажировки каждый месяц – «один вахту сдал, другой принял». Днём, когда работали любимчики капитана Рамазанова, стажёры честно отсиживали в институтах Академии наук (истории, археологии, химии и прочих). А вечером у стажёров начиналась интересная жизнь, следить за которой приходилось Кязиму (не одному, разумеется, но у коллег ночные дежурства раз в три дня, так что отдыхали парни, как положено).

«Откровение о стажёрах» посетил Кязима в начале июля, когда в Баку прилетел немец-историк из ФРГ. Поселился стажёр, как и все приезжавшие в Баку иностранцы, в гостинице «Интурист», и по инструкции комитетской, как за персоной, приехавшей в СССР из промышленно развитой капиталистической страны, входящей в блок НАТО, 7-й отдел должен был установить за ним тщательное наблюдение: что делает, куда ходит, с кем встречается, о чём говорит. Поведение немца сразу насторожило капитана Рамазанова: около полуночи стажёр гасил в номере свет и, как сообщали «наружке» средства технического контроля («жучки», установленные в отеле), ложился спать. А через полчаса тихо выходил из номера, покидал отель и «растворялся» на улицах Баку.

– По всем канонам контрразведки поведение стажёра чётко указывает на его причастность к разведывательной деятельности зарубежных спецслужб! Наверняка стажёр в тайник контейнер для агента или шпиона-нелегала закладывает! А в контейнере инструкции, деньги, да мало ли что ещё! Либо из тайника контейнер извлекает, а в нём – информация секретная, добытая агентом или нелегалом! – возбуждался капитан Рамазанов, пучил глаза на Кязима и других рядовых «семёрочников». – Приказываю! Вести стажёра плотно, но аккуратно, чтобы слежку за собой не заметил! И тогда он выведет нас на тайник! Если стажёр заложит контейнер, установить за этим местом круглосуточное наблюдение! Все должны понимать – и ты, Байрамов, тоже! – что за контейнером рано или поздно придёт агент или даже шпион-нелегал! Выявим агента или шпиона, установим за ним наблюдение – проследим связи!

«Семёрочки» понимали, что найти тайник, выявить агента или шпиона-нелегала, проследить связи – это успех колоссальный и для комитета (отличные отчёты в Центр!), и для сотрудников (награды, премии, досрочные звания!).

– А если стажёр в Баку за контейнером явился? – почтительно поинтересовался у капитана один из любимчиков.

– Тогда, чтобы не ушла за рубеж информация, имеющая, несомненно, стратегическое значение, приказываю стажёра задержать и закладку шпионскую у него изъять! Вопрос: чем ещё полезна для нас та закладка? Отвечай ты, Байрамов!

– Расшифровав донесение агента или шпиона-нелегала, можно, во-первых, определить круг лиц, имевших доступ к отправляемой за рубеж информации. Во-вторых, сужая поэтапно выявленный круг, мы выйдем на агента или шпиона, – удивил начальника чётким ответом Кязим, но настроение младшему лейтенанту эта маленькая победа не улучшила. «Всё равно, если выявлю агента или перехвачу контейнер, Рамазан запишет успех на себя...» – попечалился младший лейтенант Байрамов.

За стажёром из ФРГ, сладко мечтая о тайнике, закладке, агенте или шпионе, 7-й отдел гонялся месяц. Номер «Интуриста», в котором поселили стажёра, был напичкан «жучками», вся беготня немца по Баку, все его встречи на улицах, в барах, ресторанах, магазинах ложились на фото- и видеоплётку. Бакинцев, с которыми стажёр заговорил на улице, у кого попросил прикурить, чьих пальцев случайно (или не случайно!) коснулся (даже за долю секунды можно передать из рук в руки миниатюрный контейнер с микроплёткой!), в комитете устанавливали и «брали на контроль» («наружка», «прослушка», перлюстрация – труд поистине титанический!).

Капитан Рамазанов первую неделю слезки за стажёром, радостно потирая руки, вдохновлял подчинённых блестящими перспективами:

– Ещё немного, и мы выйдем на агента! Или даже шпиона-нелегала!

К исходу второй недели оптимизма у капитана поубавилось, злое раздражение Рамазанов стал срывать на Кязиме. К счастью для младшего лейтенанта, в начале третьей недели стажировки немца любимчики доложили начальнику:

– Объект сделал в ванной шпионскую закладку! И ещё одну – в туалете, в бачке!

Воспрянул духом капитан Рамазанов, приказал любимчикам:

– Стажёр – в институт или в библиотеку, неважно, вы – в номер! И вскрывать, вскрывать – только аккуратно! – контейнеры в тайниках!

Любимчики и рады стараться – работа несложная, предпочтения карьерные сулящая. Одна печаль: тайники оказались пустые! Словно до чекистов кто-то в номер тайно зашёл и нечто важное из контейнеров изъяс.

Зло от фиаско очередного капитан Рамазанов выместил, как всегда, на младшем лейтенанте Байрамове. Кязим разнос выслушал равнодушно (рапорт об отставке написан, так что плевать на крикуна!), но на исходе капитанского ненорматива осенило вдруг младшего лейтенанта. Первое озарение – о стажёрах, а следом – план прелюбопытный, с которым не к Рамазану, а к заместителю председателя КГБ Азербайджана генералу Гейдару Алиеву.

В начале сентября капитан Рамазанов, прихватив из оперативных фондов бутылку виски и блок «Мальборо», в очередной раз отправился вербовать иранского консула.

«Персидская история» стала в комитете притчей во языцех (виски и «Мальборо» из фондов «уходят», а иранец всё не вербуется!), но, раз капитан Рамазанов «по делам службы» покинул отдел до утра, Кязим стремительно «поймал мгновение»: сбегал на второй этаж и записался на приём к зампреду «по личному вопросу». А когда вошёл в кабинет Гейдара Алиева, с порога попросил разрешения «коротко, по существу, доложить по трём рабочим проблемам». Момент был, Кязим это хорошо понимал, наиделикатнейший – Гейдар Алиев мог младшенького лейтенантика «на-

ружки» сразу, без лишних слов, осадить, на фантазии рядового топтуна время генеральское не тратить и, в лучшем случае, отправить службу нести. На «случай худший» Кязим прихватил с собой рапорт об отставке («Если уходить из комитета – то самому, по доброй воле»).

– Сразу по трём? И без «личного»? – усмехнулся зампред. – Хорошо, докладывай.

Кязим, не отводя взгляда от пристальных глаз генерала, вытянул руки по швам и для начала (хрипло, от волнения в горле пересохло) «огласил весь список»: иностранные стажёры (тема выигрышная, должна расположить зампреда к младшему лейтенанту), странный заговорщик инженер Исаев (тема деликатная – речь всё же о деле, находящемся на контроле Центра!). И, наконец, история Керимбека Ширинова, зятя первого секретаря райкома партии и, с высокой вероятностью, агента САВАК – это даже не по канату под куполом цирка, а по лезвию бритвы над пропастью!

Гейдар Алиев усмехнулся, поманил Кязима, кивнул на графин с водой, потом на стул за приставным столом:

– Пять минут по каждому вопросу. Начинай!

На стажёров у Кязима ушло три минуты.

Гейдар Алиев улыбнулся:

– Ты считаешь, что стажёры приезжают в Баку «на шпионскую практику»? А мы, получается, учим их, как правильно уходить от «наружки» и тайники закладывать?

– Так точно, товарищ генерал! Я почти год в «наружке» за стажёрами, и за это время ни агента, ни шпиона, ни тайника, ни контейнера! Только горы отчётов о «проделанной работе» и неплохо подготовленные нами для зарубежных спецслужб шпионы!

Доложил Кязим и об инженере Исаеве, сделал осторожный вывод:

– Странная история – «не тянет» этот человек на заговорщика!

Сэкономленное время «пустил» Кязим на Керимбека – аргументов у лейтенанта в пользу саваковской версии «зятя первого секретаря райкома» почти никаких, так, одна интуиция с дедукцией. Но если 7-й отдел тратит титанические усилия «на пустышки» – стажёров и инженера Исаева, то толику времени можно было бы уделить и персоне Ширинова: а ну как действительно зятёк партийного функционера в разработке САВАК? А то и – берём выше! – «главного противника» – ЦРУ?!

Гейдар Алиев кинул взгляд на часы, прищурился на Кязима:

– Молодец, Байрамов, уложился в четверть часа! И в наблюдательности тебе не откажешь. Иди, работай, я с твоими вопросами разберусь!

Глава пятнадцатая. Гейдар Алиев принимает решение

«Тема стажёров» генерала Алиева не заинтересовала. «Откровение младшего лейтенанта Байрамова», что некоторые иностранные учёные, с высокой вероятностью сотрудничающие с зарубежными спецслужбами, приезжают в Баку набираться опыта противостояния советской контрразведке, было для зампреда «фактом вчерашнего дня». Да, комитет по стажёрам работал, можно сказать, вхолостую, но и оставлять иностранных учёных «без присмотра» нельзя, решил Гейдар Алиев. В-первых, череда «пустышек», помимо опыта, который иностранные агенты копили, работа в «бакинском поле», могла преследовать и цель «замылить глаза КГБ». Устанет «наружка» гоняться месяцами за ложными целями, хватку ослабит, а тут, не исключено, и реальный шпион в Баку пожалует. Во-вторых, «ценный опыт в условиях, максимально приближенных к боевым», получали не только стажёры, приобретающие навыки ухода от комитетской «наружки», но и сотрудники КГБ, оттачивающие на зарубежных «кентаврах» контрразведывательное мастерство.

«С Исаевым ситуация сложнее, – размышлял зампред. – Контрразведка, «наружка», другие службы комитета разработкой заговорщика и выявлением его связей занимаются несколько лет. А результата – реального (ни в квартире инженера, ни в домах, которые он посещал, не было обнаружено ни одной улики, ведущей к заговорщикам), не бумажно-отчётного, с этим-то полный порядок, как не было, так и – Байрамов прав – нет. Но отсутствие результата можно объяснить тремя причинами. Первая: заговор реален, но комитет работает из рук вон плохо, и тогда с 7-м отделом нужно серьёзно разбираться. Вторая: заговор реален, заговорщики – непревзойдённые мастера своего дела, и тогда отдел надо усиливать. Третья: заговор – миф, Исаев – ложная цель, а «усилия на ложном пути лишь множат заблуждения»¹.

Зампред снял трубку внутреннего телефона и приказал принести ему дело Исаева. Не прошло и пяти минут, как две тяжёлые папки легли на стол Гейдара Алиева. Листать, а уж тем более вчитываться в каждую из почти 700 страниц донесений, рапортов и прочих бумаг, генерал Алиев не собирался: зампреда интересовала лишь одна справка, которая должна была находиться среди первого десятка листов.

Документ, интересовавший генерала, в деле Исаева отсутствовал.

«Да, не исключено, что Исаев – ложная цель, а заговор – миф. Но дело – на контроле у Лубянки. Вот и не посмели наши «пинкертонеры» поставить под сомнение версию о заговоре против главы государства! Что неудивительно: схема «физического устранения заговорщиками видного партийного и государственного деятеля СССР» в логику Лубянки вписалась идеально!» – с досадой подумал зампред, вызвал помощника и приказал найти лейтенанта Абасова.

– Вот что, Теяр, изучи это дело – здесь нужен свежий взгляд, – крепко подумай и сделай аргументированный вывод. Успеешь к завтрашнему вечеру? – и генерал Алиев кивнул Теяру на распухшие от бумаг папки, лежащие на рабочем столе зампреда.

Когда за Теяром закрылась дверь в кабинет, Гейдар Алиев приказал помощнику принести оперативную подборку, собранную на сотрудника «Гипроморнефтегаза» Керимбека Ширинова.

По инструкции на каждого советского спеца, выезжавшего за рубеж в служебную командировку, в Комитете заводилось проверочное дело, цель которого – поиск ответа на вопрос: а не был ли завербован зарубежными спецслужбами в период пребывания за границей фигурант? Схема проверки – стандартная, обкатанная на сотнях вернувшихся из зарубежных командировок, поездок, гастролей учёных, инженеров, артистов и иже с ними. Первым делом КГБ интересовала «динамика материального статуса объекта проверки». Если на жене, на дочках «объекта» вдруг появились дорогие меха, колье, диадемы, если в квартире или на даче началась «капитальная модернизация», если старенький «Москвичок» вдруг сменила новенькая «Волга», сформулировать вероятный ответ на закономерный вопрос: откуда у проверяемого средства, не соотносимые с уровнем его официальных доходов? – не составляло труда. Да из «гонораров», выплаченных за измену Родине зарубежным разведцентром!

После поездки в Иран, как следовало из проверочного дела Керимбека Ширинова, зять партийного функционера не разбогател. И в донесениях доверенных лиц КГБ, работавших вместе с Шириновым в «Гипроморнефтегазе», не было ни одного слова, бросающего тень на «зятя»: после возвращения из Тегерана в Баку в беседах с коллегами антисоветских высказываний не делал, «в новых сомнительных связях» товарищами по работе замечен не был. Напротив, из хронологически последнего документа проверочного дела следовало, что «Ширинов лично сообщил в КГБ о слу-

¹Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский философ, историк, политик.

чайной встрече в Баку с иранским коллегой Бахрамом Бируни, состоявшейся в августе сего года». С Бируни «зять» познакомился год назад на конференции в Тегеране, так что их встреча на Бакинском бульваре и ужин в ресторане, как объяснил Ширинов, всего лишь дань кавказскому гостеприимству. Мотивирован, как следовало из комитетской справки, и визит иранца в Баку: Бируни – член Туде, и в Азербайджан прибыл по заданию дружественной партии. Эти факты ставили под сомнение версию младшего лейтенанта Байрамова о вербовке САВАК ответственного сотрудника «Гипроморнефтегаза».

И всё же, решил Гейдар Алиев, «зять» заслуживает внимания комитета: Ширинов работает в «Гипроморнефтегазе», а в этом институте в скором времени, в случае успеха операции «Могол», может появиться документация на американскую секретную буровую установку...

Глава шестнадцатая. «Тигр или овечка»?

Теяр до полуночи просидел над делом Исаева, сделал несколько выписок, а утром позвонил агенту и договорился о встрече. Агент попытался было перенести визит на день-два, дескать, у него студенты, семинар по актуальной теме, но Теяр, помня о предстоящем докладе зампреду, был неумолим:

– Извини, время не терпит!

В клинической психиатрической больнице №2 Теяр появился в начале одиннадцатого, с тротуара окинул взглядом глухой забор, спрятавшееся за ним двухэтажное строение с забранными решётками окнами по фасаду, толкнул калитку, шагнул под арку – в «туннель», ведущий во двор «богоугодного заведения» («Классика, Гоголь, «Ревизор»!). С ржавых труб, идущих под сводами арочного туннеля, капало, навстречу Теяру решительно шагала ханумка, по виду – чистая базарчи, наглая торговка, в руках – авоська, набитая синими тушками кур. «Повариха, обед у больных уводит», – оценил ситуацию Теяр, скрипнул зубами – и посторонился: затевать разбирательство, защищать права пациентов – раскрыть себя, а значит, волей-неволей, и агента (завербован 2-м отделом в 1957 году, когда учился в медицинском институте). Студент, слушая лекции в меде, попутно информировал контрразведку «о политических настроениях среди студентов и преподавателей». Как эти «справочки» повлияли на судьбы тех, кто находился рядом с информатором, Теяр не знал, но в том, что «добрый доктор», помня о «хранящемся в его шкафу скелете», сделает всё, о чём его «попросит» комитет, не сомневался.

Во дворе Теяр покрутил головой (за окном на втором этаже кто-то помахал ему рукой – скучно, надо полагать, болезным, вот и развлекаются, кто чем может): ни указателей, ни ориентиров! Хорошо, медсестричка, которая вела куда-то пациента (тощий, в дырявых больничных чувяках, запах от тела – кислый, в голодных глазах – тоска), объяснила, где искать доктора.

Агента Теяр нашёл в лекционном зале на первом этаже – препод вальяжно прохаживался по подиуму и диктовал студентам «строго научные откровения» о вялотекущей шизофрении. В центре подиума на стуле сидел человек (глаза оловянные, взгляд в одну точку), за его спиной стояли два дюжих санитаря, доктор, увидев присевшего в конце зала за свободную парту Теяра, заулыбался, закивал, положил палец на золотые часы на запястье, а потом театрально развёл руками.

Теяр отрицательно мотнул головой, просигналил доходчиво: всё понимаю, лекция, учебный план, но занятия, в интересах госбезопасности, заканчивай, да побыстрее! Агент понимающе кивнул и легко «закруглился»:

– Итак, коллеги, хорошенько запомните: вялотекущая шизофрения, согласно учению академика Снежневского, развивается медленно, возможно, всю жизнь, и симптомы заболевания у пациентов выражены весьма, весьма неявно. («Чушь псев-

донаучная! Но Снежок – главный психиатр СССР! А с бонзами умные люди не спорят!» – мелькнуло у доктора земное, циничное.) Есть вопросы? Вопросов нет! К следующему занятию...

Педагог «свернул лекцию», но правила игры вдруг нарушила студенточка за первой партой – бука в очках с толстыми стёклами:

– У меня вопрос! Если симптоматика у этой формы шизофрении слабая, то, получается, диагноз «вялотекущая» при желании – было бы желание! – можно поставить кому угодно?

«Надо полагать, отличница, зубрила и зануда. Украдёт у комитета минут пять, а то и десять, – подумал Теяр. – Но вопрос задала резонный. Интересно, что ответит доктор?» Вывернулся агент ловко: печально вздохнул, покачал головой (дескать, учу вас, учу, а вы азбуку освоить не можете, бестолочи!), наставительно отчеканил:

– Нет, Касумова, нет! Не кому угодно – а только больному человеку! Если бы вы внимательно слушали мою лекцию, вы бы уяснили, что есть формы шизофрении, которые выявить может только глубоко знающий теорию, опытный, думающий врач! Вот! Перед вами пациент! – и доктор положил руку на плечо «иллюстративного материала» на подиуме. – У этого человека нет клинических симптомов шизофрении – ни паранойяльного синдрома, ни галлюцинаций, ни расстройства сознания, – вы сами в этом убедились в начале лекции, задавая ему вопросы и получая на них вполне адекватные ответы! Но этот человек болен! Ну, вот вы, вы, Касумова! Спросите пациента, что он думает об «Анти-Дюринге» великого основоположника научного коммунизма Фридриха Энгельса¹!

Пациент с оловянными глазами вдруг досадливо дёрнул плечом, словно пытается сбросить руку «доброего доктора», и торопливо забормотал:

– Научный коммунизм – лжеучение... прочтите третью часть «Анти-Дюринга»... идея о социализме как закономерном результате развития общества Энгельсом научно не аргументирована... только лозунги, лозунги...

– Теперь-то вы поняли, Касумова, что этот человек болен?! – патетически изрёк доктор, шагнул в сторону и мигнул санитарам. Те подхватили «иллюстративный материал» под локти, повели к выходу из лекционного зала.

– Вы слепые, ведомые слепыми... у капитализма нет будущего... коммунизм – миф... куда, в таком случае, идёт человек?... – бормотал «иллюстративный», студенты хихикали и перешёптывались, зануда Касумова чиркала что-то в конспекте, доктор, словно ловкий дирижёр, бросил «клич в массы»:

– Ну, коллеги, ваша оценка?!

– Бред реформаторства! По отношению к учению классиков марксизма! – заголосили студиозусы с места.

– Отлично, коллеги, все свободны! – решительно «закрыв лекцию» улыбающийся доктор.

– А лауреат Нобелевской премии по литературе Кнут Гамсун – у него тоже вялотекущая шизофрения? – не унималась Касумова, но её уже никто не слушал.

– Касумова, ты дура! Норвеги сунули Кнута² в психушку, чтобы снять с национального гения пятно пособника нацистов! С неменяемого какой спрос?! А наш «Дюринг» – «тормоз», и глаза у него оловянные! – донеслось до Теяра весёлое и циничное.

¹Фридрих Энгельс (1820–1895) – немецкий политический деятель, философ, историк, предприниматель, один из основоположников марксизма. «Анти-Дюринг» (1878) – одно из основополагающих произведений марксистской философии, состоит из трёх частей (первая – о материалистической и идеалистической философии, вторая посвящена экономической теории Маркса, третья – социализму как закономерному результату развития общества).

²Кнут Гамсун – писательский псевдоним Кнуда Педерсена (1859–1952). Выдающийся норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1920 год), ярый защитник Германии и национал-социализма.).

– Исмаилов, ты кретин! Если тебя накачать аминазином¹, станешь таким же оловянным «тормозом», как «Дюринг»! – огрызнулась бука и зануда.

– Буржуазная психиатрия ещё не ответила за лоботомию! А это тебе не вялотекущая шизофрения, это, брат, посильнее! – долетело до Теяра справа, из центра зала.

«Ни Дюринга², ни «Анти-Дюринга» я не читал, – мелькнуло вдруг у Теяра. – Подзреваю, доктор тоже...» И следом – совсем уж крамольное: «А может, пациент в чём-то и прав? И его патология так, только на бумаге с печатью?»

Теяр вспомнил, как в 101-й разведшколе, слушая западные радиостанции (самоподготовка по синхронному переводу с языка «главного противника»), натолкнулся на передачу, в которой зарубежное научное светило утверждало, что вялотекущей шизофрении не существует в природе³ и эту так называемую болезнь придумали в СССР по заданию Хрущёва, чтобы расправляться с инакомыслящими. Во времена тирана Сталина оппозиционеры сидели в лагерях, а теперь, при «оттепельном» Хрущёве, их принудительно «лечат», точнее, калечат в психушках. «Клевета на СССР, на советское здравоохранение», – решил тогда Теяр. А сейчас, после «мыслей вслух» зануды Касумовой и человека с оловянными глазами, прочитавшего, надо полагать, не только «Анти-Дюринга», твёрдая решимость лейтенанта Абасова вдруг «дала сбой»: «Не исключено, если академика Снежневского с недельку «полечить» в советской психушке, диагноз вялотекущая можно будет поставить и главному психиатру СССР...»

Последняя студенточка выпорхнула из зала, доктор, широко улыбаясь, шёл по проходу между партами к Теяру:

– Как я рад вас видеть!

Это была ложь: о вербовке на втором курсе агент старался не вспоминать, иногда, в минуты «светлой печали», жалел себя, «прогнутаго системой», и сочинял новые оправдания «проявленной некогда слабости».

Майор из КГБ, «беседуя» со студентом (в кабинете начальника 1-го отдела меда), доходчиво объяснил, что ни о каких доносах и репрессиях «а ля 1937 год» речь не идёт. Спецслужбу, толковал майор, по-отечески глядя в глаза агента, интересуют исключительно настроения в институтской среде, а добровольному помощнику отводится роль некоего индикатора общественного мнения, можно сказать, социолога. «Точно зная, чем недовольны люди, партия и правительство лучше узнают страну, народные чаяния, смогут оперативно решать назревшие проблемы!» – внушал юноше майор. «В благодарность» комитет обещал ему своё покровительство, отличное распределение, карьерный рост, ну и такие мелочи, как летние путёвки в молодёжные лагеря отдыха, поездки за рубеж в составе студенческих делегаций и прочие «маленькие радости жизни». Простит ли КГБ отказ в сотрудничестве, парень ни спрашивать у майора, ни экспериментально выяснять не стал: в меде было полно студентов, оказавшихся в институте благодаря банальной коррупции и «клановой солидарности», высокие оценки на экзаменах им обеспечивали папины червонцы или «дядя». Ухудшать «скромному бакинскому мальчику» при таком раскладе «конкурентный статус» было просто глупо. Когда началась «социологическая работа», студент, поразмыслив, стал в отчётах майору (многостранично, с несущественными подробностями) отраба-

¹Хлорпромазин (торговое наименование аминазин) – первый синтезированный (1950 год) нейролептик; имеет высокую нейротоксичность.

²Карл Евгений Дюринг (1833–1921) – немецкий философ, занимался вопросами политэкономии и права.

³По международной классификации болезней (в настоящее время действует МКБ-10) такой психической патологии, как вялотекущая шизофрения, нет. После распада СССР в бывших субъектах Союза этот диагноз больше не ставится.

тивать «три базовые линии». На первом месте была, естественно, политика («анти-советские заявления»). Агент честно докладывал товарищу майору, что сын председателя колхоза такой-то на перемене возмущался, что не даёт-де власть народу праздновать Новруз. От комментариев, что неплохо бы и разрешить праздник, которому, почитай, тысячи лет, – советская власть от этого только выиграет, воздерживался, втайне надеясь, что в КГБ, как уверял майор, головы светлые, честные, порядочные. А раз так, то светлые и сами подскажут руководству правильное решение. Отлично шли и анекдоты. Студент, похихикивая, выводил в донесениях: «Интервью с западным туристом. Есть ли в СССР дома терпимости? Да, но все они за городом и называются «домами отдыха». Рассказал на вечеринке такой-то». Что «такой-то» – тупой сын ловкого завмага, комитет, надо полагать, сможет узнать и сам. «Второй линией» шла экономика – взятки на экзаменах. Документов, изобличающих фигурантов, представить майору, естественно, он не мог, поэтому – в качестве логического доказательства – рекомендовал проэкзаменовать «круглого отличника» ещё раз, и обязательно авторитетной комиссией. Ну и «третья линия» – тупое бахвальство («папа купил мне машину», «папа купил бриллианты» и прочее из того же ряда). К его удивлению, каких-либо явных репрессивных мер в отношении «помеченных донесениями» ни светлый комитет, ни мудро-прозорливые партия с правительством не принимали. Задавать майору на сей счёт вопросы он не стал и с почти успокоенной совестью отработал «социологом» до окончания института.

«Врёт, но артистично!» – мелькнуло у Теяра; он зашагал навстречу доктору, подхватил его под руку, увлёк к подиуму.

– Что привело вас в наши палестины? – улыбка на лице доктора стала гаснуть.

«Наконец-то вопрос по существу», – подумал Теяр и протянул листок с именем и прочими «координатами» инженера Исаева:

– Этот человек, случаем, не ваш пациент?

Агент важно кивнул:

– Разберёмся! – вышел из зала, через минуту вернулся, присел рядом с Теяром за парту, доверительно шепнул:

– Медсестра уже работает с картотекой!

Паузу прервала раздобревшая на психиатрических харчах крыса: лениво, словно барыня, зашла в лекционный зал, пошевелила усами, зевнула, развернулась и ушла.

Доктор от смущения порозовел:

– Больнице-то нашей три четверти века – совсем старушка!

И многозначительно:

– Когда построят современные корпуса, тогда всё, всё будет на высшем уровне! «Болтун! – с раздражением подумал Теяр. – Остудить тебя надо!»

– Кстати, ваша повариха ворует у больных еду! Ждать, когда построят современные корпуса, не надо: просто доложи главному врачу – пусть примет меры!

– Обязательно! – агент моргнул, достал из портфеля блокнот, ручку, изобразил рвение, зачиркал по странице, а в сознании: «Ворует, относит на базар к знакомому мяснику, потом завхозу долю несёт, а тот с начальством делится!» «Доложи главному врачу!» Что я, камикадзе, идти против системы?!»

Пауза затягивалась, надо было поддерживать разговор, и Теяр, больше из вежливости, чем из профессионального любопытства, спросил:

– А что это студенты ваши лоботомию вспомнили?

Агент оживился:

– Да, да! Позорная страница в истории буржуазной психиатрии! Грубое и варварское вмешательство в головной мозг человека на Западе объявили панацеей от

всех психических заболеваний! Сто тысяч человек сделали калеками! Потрошили белое вещество лобных долей – подумать страшно! – даже ножами для колки льда! «Отцу» лоботомии – португальцу Эгашу Моницу в 1949 году даже Нобелевскую премию по медицине дали! Позднее, правда, в Нобелевском комитете осознали, что на- творили, но факты – вещь упрямая! «Нобелевка» за лоботомию – самая постыдная в истории науки!

– А здесь, на Магазинной¹... – начал было Теяр, но доктор театрально вскипел:

– Ну что вы! Как можно! Нет, мы перед наукой, перед пациентами чисты!

В дверях появилась медсестра с папкой в руках, за ней санитар вёл... Теяр взгля- делся, достал из кармана фотографию, сравнил – точно, он, Исаев, «заговорщик»! Взгляд, правда, у «террориста» потухший, руки повисли плетями, если бы не сани- тар, рухнул бы, кажется, «бомбист» на пол и дух испустил.

– Депрессия! – важно пояснил доктор. – Вопросы к пациенту будут? Нет? Можно уводить? В палату его!

Минут за пять уточнили детали: у Исаева – маниакально-депрессивный психоз, «как впадает в депрессию – оказывается на Магазинной», – пояснил доктор. По ис- тории болезни уточнили даты госпитализаций: полное совпадение с эпизодами «лов- кого ухода заговорщика от наружного наблюдения КГБ».

«Скверно сработала «наружка»! Инженер – в психушке лечится, а по версии следствия – оторвался от топтунов, покинул Баку и отправился «на конспиративную встречу с участниками заговора, предположительно в Ростов или Москву». Пять лет Исаев в разработке – и что в результате?! Вся работа, все усилия десятков опера- тивников – впустую, а сотни страниц отчётов, получается, макулатура?!» – полыхнуло в сознании Теяра.

Можно возвращаться в комитет, но Теяру надо было прийти в себя после гря- нувшего «откровения», да и детали дела (точнее, истории болезни) Исаева могли быть полезны – для доклада зампреду.

Доктор заикнулся было о «клятве Гиппократата и врачебной тайне», но быстро передумал и – «во имя интересов государственной безопасности» – бодренько пове- дал Теяру, что инженер в депрессивной фазе опасен для себя, а не для окружающих. В фазе же маниакальной становится гиперсексуален, но жена этим даже довольна.

– Представляете, когда Исаев оказался на Магазинной в фазе маниакального возбуждения – один раз, остальные случаи – депрессняк, во время посещения род- ными-близкими больных дежурный фельдшер, якобы по доброте душевной, хотя были подозрения, что за мзду, пустил чету Исаевых в ординаторскую. И наш гипер- сексуал удовлетворил свою похоть прямо на кушетке для инъекций!

– Информация от раскаявшегося фельдшера или от санитарок? – улыбнулся Теяр и прямо спросил о важном, с чем можно идти на доклад к зампреду:

– Исаев – что и когда говорил он о главе государства?

Агент удивлённо вскинул брови, углубился в историю болезни, через пару минут радостно заявил:

– Есть, нашёл! Запись сделана в 1959-м – тогда Исаев первый раз к нам попал, и лечащий врач, естественно, – я ещё в меде учился, – был другой. Пациент – в фазе маниакального возбуждения, в депрессии такого не скажешь, наговорил много чего любопытного! Вот, например, это, сами понимаете, цитата, я её зачитываю с отвращением и негодованием: «Хрущёв попирает базовые принципы социализма». Тут па- циент уравниловку в оплате труда непечатно оценивает... А это уже полный бред: «Реформы Хруща – это основа для будущего разрушения Советского Союза». На- значено лечение: курс инъекций сульфозина. Ну что ж, очень, очень правильный метод!

¹Магазинная – историческое название улицы в Баку (в настоящее время – Сулеймана Рустама), на кото- рой расположена ГПБ №2.

– Поясните, доктор, это важно, – напрягся Теяр. О том, что о покушении на Хрущёва инженер, по данным комитета, сболтнул только раз – в 1959-м, в заводском кабинете по телефону, и, судя по датам в истории болезни и оперативной разработке «бомбиста», накануне первой госпитализации, агенту знать не обязательно, а лейтенанту Абасову – необходимо!

– Насчёт сульфозина? О, это европейское изобретение! Масляная взвесь серы! Вводим внутримышечно, получаем пирогенную реакцию: температура – до 40 градусов, в зоне инъекции – боль адская, врагу такого не пожелаешь! Подумать только, десять инъекций – и всё, никаких маниакальных глупостей, только депрессия! Если совсем просто, – засмеялся агент, – у Исаева в 1959-м был сформирован условный рефлекс: говоришь глупости – получаешь муки адские! Просто, как всё гениальное!

«Да, всё просто! Оказывается, это масляная взвесь серы отбила у Исаева охоту злословить о главе государства, поэтому «прослушка» и перлюстрация за пять лет и не зафиксировали не то что «плана покушения», но ни одного худого слова о «вожде»! Отучил пирогенный сульфозин Исаева от инакомыслия! – сидя в такси, мчавшемся «на бульвар», злился и «пар выпускал» Теяр. – А «наружка», аналитики, следак (сразу после открытия «дела о покушении» он должен был сделать запрос медикам!) поставили комитет в идиотское положение! Хорошо, если на Лубянке просто посмеются! А если за впустую потраченные силы и средства сделают серьёзные кадровые выводы? В любом случае «дело Исаева» – это удар по престижу КГБ Азербайджана! Ах, как нехорошо получилось, как скверно!»

– Молодец, Абасов, хорошо поработал! – выслушав доклад по «делу Исаева», похвалил Теяра генерал Алиев. И, словно сдав в архив памяти «эпопею заговора против главы государства», зампред обратился к теме актуальной:

– Жду от группы НТР успеха с мистером Брауном! Операция «Могол» для нас приоритетная! Будут вопросы, проблемы – обращайтесь незамедлительно!

О «деле Исаева» генерал не забыл: когда за Теяром закрылась дверь, зампред проанализировал ситуацию, сделал выводы. Во-первых, всех привлечённых «к делу о заговоре» оперов 2-го и 7-го отделов необходимо перебросить на другие «объекты разработки», младшего лейтенанта Байрамова назначить руководителем группы («Пока Кязиму хватит трёх сотрудников»), задача которой – наружное наблюдение за Керимбеком Шириновым. «Особое внимание уделить контактам «зятя» секретаря райкома с приезжающими в Баку иранцами», – пометил генерал. Во-вторых, не торопиться докладывать председателю о новостях «в деле Исаева». Генерал Цвигун – человек осторожный, о личном карьерном успехе не забывающий. «Исаевское дело» заведено при генерале Кардашеве, и как сыграет новый председатель «при открывшихся обстоятельствах», просчитать не трудно. В Москву отправит победный отчёт, хотя акцентировать, как под его личным руководством был решён ребус, над которым долгие пять лет (при прежнем руководстве) бился комитет, не станет: всё-таки генерал Кардашев – заместитель начальника Второго Главного управления. А вот в Баку «в наказаниях проштрафившихся» новый председатель может проявить чрезмерное усердие. А это неправильно: да, следователь тогда, в 1959-м, перестраховался, но когда речь идёт о «заговоре против первого лица», десять раз подумаешь, прежде чем – на основании медицинской справки – закроешь громкое дело. Да и «бумага с печатью» лишь подтверждает, что «объект» разработки психически нездоров, но отнюдь не гарантирует, что он не способен сыграть роль советского Ли Харви Освальда... Нет, не стоит торопиться с докладом генералу, решил Гейдар Алиев, сначала – запрос медикам, ждём их официальный ответ, получаем, подшиваем в

дело, проводим консультации со специалистами Минздрава, подшиваем в дело... «На выполнение всех процедур – недели три, четыре, а за это время мало ли что может произойти... – подумал зампред. – А если произойдёт, «дело Исаева» уже никому не будет интересно, и ляжет оно – тихо, без рапортов Цвигуна в Москву и кадровой лихорадки в Баку – на архивную полку»...

Глава семнадцатая. Закрытая лаборатория

Документы для участия Паши Пашаевича в нефтехимической конференции (Варшава, 28-31 октября) Академией наук (с подачи комитета и благоволения товарища Гвишиани) были подготовлены заблаговременно. Академик, в ожидании «исторического дня», «сидел на чемоданах» и немного нервничал: Браун клятвенно пообещал на прощальном ужине «помочь героическим нефтяникам Каспия», но слова, сказанные в изрядном подпитии, – ничто, а всё – это папка с документами или микроплёнка с отщёлканными чертежами-расчётами. Хотя микроплёнка – это удел разведчика, а Браун вроде как «ботаник» и бескорыстный благотворитель?

– Да-а, папка лучше, с папкой вопросов и сомнений – меньше, а уверенности и спокойствия – больше... – захаживая в кабинет полковника Эфендиева на Коммунистической, делился сомнениями, тревогами, опасениями Паша Пашаевич.

Начгруппы НТР как мог успокаивал академика, демонстрировал оптимизм и уверенность в успехе, хотя «на нервах» были все энтээрровцы, и мысль, казалось бы, простая: «А вдруг в Варшаве сорвётся, вдруг Браун обманет?!», была сродни сверлу бормашины в больном зубе.

Добавил нервозности внеочередной Пленум ЦК КПСС, 14 октября освободивший Никиту Хрущёва – «по состоянию здоровья» – от должности Первого секретаря, а 15-го – и от премьерского кресла. В комитете новость встретили стоически, в соответствии с марксистско-ленинским подходом к роли личности в истории, а Паша Пашаевич, как и весь советский народ, узнав «о смене вождя» 16-го – из газеты «Правда», сразу забежал к Эфендиеву, в глазах немой вопрос: «Лечу в Варшаву?! Или как?»

Полковник успокоил академика:

– Москва курс не меняет! И не думайте, Паша Пашаевич, о вопросах технических – их-то мы решим! Тем более, что премьером стал Алексей Николаевич Косыгин, тесь товарища Гвишиани. Главное для нас, ну и для вас, конечно, чтобы Браун прилетел в Варшаву – и не с пустыми руками!

– А вот это ни от меня, ни от вас никак не зависит! – в сердцах бросил очевидное Паша Пашаевич.

«Да-а, быть или не быть у нас «Моголу», каприз исключительно американца», – вздохнул полковник и бодро улыбнулся хмурому академику.

Браун в Варшаву прилетел, в первый день конференции приватно перемигнулся с академиком, в перерыве, проходя мимо, сухо поздоровался, равнодушно пихнул в руку программу форума. Паша Пашаевич отошёл в интимный уголок, развернул буклетик: на второй странице – адрес и время. Буклетик сложил, спрятал во внутренний карман пиджака (не то, что боялся потерять, «но так надёжнее»), в груди приятное тепло, и от мыслей радостных в голове лёгкое головокружение. Еле досидел до конца сессии, на обед для участников не остался – поспешил в свой отельчик (скромный, недорогой, но номер отдельный), кинул на стол путеводитель, заводил пальцем по карте Варшавы. Место встречи – отель в центре Старого города, цены за апартаменты, надо полагать, астрономические, но фирма за Брауна платит, чего ж за капиталистический счёт не попользоваться!

В Баку академику объяснили, что Варшава, конечно, столица «братской Польши», входящей в оборонительный договор стран социалистического содружества. Но Посольство США в городе имеется, а в нём под дипломатической «крышей» – не один десяток цэрэушников, и факт этот «вам, Паша Пашаевич, необходимо учесть». Академик и учёл: на такси доехал до Замковой площади, попечалился на развалины Королевского дворца (разнесли бомбами на кирпичики символ королевской власти немецкие оккупанты!), а потом степенно зашагал к месту встречи с Браун-ом. От Замковой площади до отеля лёгким прогулочным шагом Паша Пашаевич, изредка проверяя, не увязался ли за ним «хвост» американский, добрался за полчаса. Швейцар в опереточных галунах в поклоне открыл перед ним тяжёлую дверь, академик вздохнул, дал мужичку злотый, окинул орлиным взором гостиничный холл и степенно, покачивая «профессорским портфелем», зашагал в отельную ресторацию – мотивировать визит. Метрдотель было заикнулся о портфеле, но Паша Пашаевич королевским взглядом поставил нахала на место. На «командировочные» от комитета заказал ужин – скромный, без излишеств (злотые лучше потратить на что-нибудь этакое «длительного пользования» – туфли там, свитерочки и прочее, в Союзе на торговых полках не пылящееся).

К девяти часам вечера в ресторане уже не было свободных мест, за столиками «через одного» – иностранцы. Паше Пашаевичу это не понравилось: «Кто знает, может быть, есть и цэрэушники из американского посольства?» Академик вышел в холл и бочком-бочком, мимо декольтированных пани и их пучащих глаза спутников («У поляков что, у всех проблемы с щитовидкой?» – мелькнула озорная мыслишка) завернул к лестнице, неторопливо, изредка оглядываясь, поднялся на третий этаж. «Хвоста» вроде нет?» – успокоил себя «эmissар» и степенно, изображая постояльца, двинул по коридору. Нужный номер нашёл быстро, стукнул костяшками пальцев в дверь, потянул за ручку – на пороге его уже ждал Браун. Американец кивнул, пропустил академика в апартаменты, закрыл на ключ дверь. Браун рта не открывал, Паша Пашаевич решил следовать его примеру. В гостиной сели на диван, посмотрели друг другу в глаза. Браун кивнул, поднялся, вышел в спальню, через минуту вернулся, положил на колени Паше Пашаевичу канцелярскую, завязанную тесёмками, тяжёлую папку. Академик, затаив дыхание («Вот, сейчас всё решится!») «дёрнул за веревочку». В папке – листы, листы, листы. Паша Пашаевич, сглотнув комок в горле, быстро перебрал с десяток – расчёты, узлы, детали. «А-а, вот и монтажная схема! – застучало в висках. – Точно, она, установка!»

Завязал Паша Пашаевич тесёмки, спрятал папку в портфель, тяжело (колени слегка подрагивали) поднялся с дивана («Сколько энергии ушло в нервный факел!»). Браун вскинулся легко, пружинисто, рукопожатие его было крепким. Молча прошли к выходу. «Надо что-то сказать на прощание! Что-нибудь мудрое! Но и сердечное, под статью моменту!» – заискрило в сознании академика. Браун, словно прочитав мысли Паши Пашаевича, решил деликатную проблему просто: приложил руку к сердцу и открыл дверь в отельный коридор. «Как-то всё сухо получилось, по-деловому», – с лёгким разочарованием думал Паша Пашаевич, степенно шагая к выходу из отеля. В такси сел у входа в гостиницу, хотя в комитете рекомендовали отойти с полквартала. «Да, отойдёшь тут! Ночь! На улицах парни с девками в обнимку! Навеселе! Кто их знает, что выкинут?! А ну как на портфель позарятся, окружают да отберут?! Нет, правильное решение – не рисковать!» – хвалил себя Паша Пашаевич, устраиваясь на заднем сиденье старенького «рено». Портфель поставил на колени, строго велел водиле не гнать, а ехать аккуратно. Поляк нагло усмехнулся, сказал что-то непонятное – и дал по газам. Минут пять таксист молчал, а потом опять – зло и недовольно – зачистил. Как догадался по отдельным «читаемым словам» академик, что-то про 1944 год, про Варшавское восстание, про героизм поляков, победивших немцев во Второй мировой, про Армию Крайову, преданную русскими...

«Что ж ты, прохиндей, про пакт Пилсудского-Гитлера не вспоминаешь?! Ведь поляки первыми в Европе подписали с нацистами договор о ненападении!¹ И с восстанием вы поторопились – рассчитывали, что немцы сами, без боя, Варшаву оставят и Миколайчик, в Лондоне штаны протирающий, легко у власти окажется! А теперь на СССР собственные глупости пытаетесь спихнуть! Да-а, спеси у поляков много, а головы пустые, дутым величием помутнённые», – брезгливо подумал Паша Пашаевич и перевёл взгляд направо – за стёклами авто сверкали огнями улицы вечерней Варшавы. В Баку учинил бы глупому хаму скандал, но сейчас главное – не личные чувства, а дела государственные, в которые польскую полицию лучше не тягивать: «Поляки – вроде бы союзники, и всё же, всё же папка моя не про них...»

В отельчике Паша Пашаевич первым делом забаррикадировал дверь в номер и только потом принялся за папку. «Поработав с документами» до полуночи, сделал вывод: листов – почти тысяча. Чтобы разобраться в американских расчётах и чертежах, чтобы выдать производственникам готовую «техническую документацию на отечественную ППБУ», необходимы полсотни (а лучше сотня!) конструкторов. Ну и время – года два, а то и три.

Спал академик тревожно: всё мнились ему мрачные типы с квадратными челюстями, тыкающие отмычками в замок. Паша Пашаевич просыпался, запускал руку под подушку, нащупывал папку, вздыхал и поворачивался на другой бок.

Утром академик позвонил в Баку, в Академию наук. Услышав голос полковника Эфендиева, коротко выдохнул в трубку кодовое, оговорённое с чекистами:

– Дела в Варшаве идут отлично!

Всю конференцию Паша Пашаевич не выпускал портфель с тяжёлой, килограммов на шесть, папкой из рук, по улицам не бродил, в универмаги не заходил (о «товарах длительного пользования», на которые были отложены командировочные злотые, пришлось забыть) и каждую ночь баррикадировал дверь в номер. Можно было – в целях «обеспечения безопасности документов» – зайти в советское посольство и передать папку в резидентуру ПГУ, но тогда документация улетела бы в Москву, к тамошним разработчикам, а ей место, понимал Паша Пашаевич, в Баку, в «Гипроморнефтегазе».

В Шереметьево академика встретил Теяр и, не теряя времени даром (на обед, отдых и прочее второстепенное), повёз Пашу Пашаевича во Внуково. К чему такая срочность, объяснять не стал, да академик и сам догадался – узнают в Ясенево или на Лубянке о папке, прикажут «явиться с отчётом» – и всё, не видать «Гипроморнефтегазу» американских чертежей! Приземлились в Бина, а у трапа «туристов» уже поджидают полковник Эфендиев с майором Бабаевым. Показал им (в оперативной «Волге», разумеется) Паша Пашаевич папку заветную и, пока ехали до комитета, на вопросы отвечал да детали встречи с Брауном вспоминал. Ну и о том, как ночей не спал, как документы сберегал, без ложной скромности, в красках поведал. Приехали в комитет – и сразу к полковнику Гусейнову: докладывать о феноменальном успехе группы НТР. Нач-1 папку на ладонях взвесил, на стол перед собой положил, тесёмки развязал, стал «оценивать содержимое».

Полковник Гусейнов по образованию гуманитарий, чертежи не читает, расчёты математические – для него вообще китайская грамота, но положение начальника разведотдела обявляет – надо как-то изобразить «приобщение к процессу», вот и листал нач-1 страницы, брови хмурил, глаз шурил. Наконец, минут через пять, важно изрёк в победной тишине:

– Да, работа предстоит большая!

¹Польша и Германия подписали договор о ненападении 26 января 1934 года.

Пожал руки академику, энтээровцам, поздравил с успешным завершением операции «Могол». Нахмурил брови и сказал, что комитет будет ходатайствовать перед Центром о присвоении товарищу Кулиеву звания Героя Социалистического Труда.

Паша Пашаевич хотел было, как видел в кино, щёлкнуть каблуками и ответить чётко: «Служу Советскому Союзу!», но подумал-подумал – и ограничился загадочной улыбкой, а в сознании мелькнуло трезвое: «Я ж ничего не открыл, не создал, не внедрил – посредник я скромный между Брауном, у американцев чертежи стащившим, и Конторой. Этак если каждому, вроде меня, звёзды Героев на грудь вешать, сколько ж липы героической в стране разведётся!»

А у полковника Гусейнова своя печаль: по всем канонам комитета о добытой папке, о завершении операции «Могол» доложить в ПГУ надо было ещё в Варшаве, в крайнем случае, когда академик прилетел в Москву. Канонами по очевидным причинам (папка должна была оказаться в Баку!) «пренебрегли», и рапорт в Ясенево пойдёт из КГБ Азербайджана. Объяснить сей казус, «слова найти правильные», конечно, можно: ум человеческий лукав и изворотлив, кто ж об этом не знает! В ответ – за «победный рапорт» – ПГУ может похвалить, а может и выговорить: делали общее дело, мы вам помогли, а у вас, «дорогие коллеги», папка в Баку мимо Центра пролетела! Неблагодарные вы какие-то! Но этот негатив пережить можно, хуже – если Ясенево прикажет доставить папку в Москву: строгий приказ Центра никаким лукавством не перебежь.

Вздохнул полковник Гусейнов, взял папку, махнул рукой соратникам – и всей «командой» к зампреду Алиеву.

– И как я это, – генерал Цвигун положил руку на американскую папку, упёрся взглядом строгим, суровым в зампреда, – объясню Центру?!

– Интересами дела, Семён Кузьмич! – спокойно, раздумчиво ответил Гейдар Алиев. – Во-первых, плавучие буровые установки необходимы на Каспии. На шельфе Дальнего Востока, черноморском, северном нефть и газ пока не ищут, а мы в Азербайджане уже провели сейсмическую разведку, получили массу данных, которые необходимо проверить разведочным бурением. Во-вторых, на Каспии поиск морских углеводородов ведут только наши нефтяники – у них опыт, навыки. Кому ж доверить новое дело, как не «Азнефти»? В-третьих, в Баку – специализированный проектный институт «Гипроморнефтегаз», его конструкторам, как говорится, и папку в руки. В-четвёртых, в Баку – серьёзная промышленная база. Её, конечно, надо усилить новым, соответствующим поставленным партией и правительством задачам по развитию нефтяной отрасли, оборудованием. В-пятых, на данном этапе важно разработать документацию на советскую ППБУ, построить первую – опытную – установку, «обкатать» её на шельфе. В-шестых, мы заинтересованы в том, чтобы специалисты из Москвы, Ленинграда, других промышленных центров Союза приезжали в Баку, знакомились – в «Гипроморнефтегазе» – с документацией, помогали нам советами, рекомендациями. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана товарищ Вели Ахундов, Председатель Совета Министров товарищ Энвер Алиханов, уверен, подержат вашу позицию!

Генерал Цвигун поиграл бровями, хитро прищурился на зампреда:

– Стратег ты, Гейдар Алиевич! И в Комитете служишь, и об экономике республики печёшься! Хорошо, вопрос с папкой я (личное местоимение генерал выделил модуляцией) решу. Что дальше?

– Первое: создаём в «Гипроморнефтегазе» закрытую лабораторию. Спецы разберутся с папкой, подготовят на её базе документацию на советскую ППБУ. Второе: секретность работы обеспечит контрразведывательный отдел. В случае необходимости подключим «наружку», оперативно-технический отдел.

И генерал Алиев положил на председательский стол лист бумаги с планом оперативных мероприятий.

«Ну что ж, – подумал генерал Цвигун, – закрытая лаборатория – это правильное решение: из чертежей «Гипроморнефтегаза» не должны «торчать американские уши». Тайна появления в СССР папки с документацией на установку должна быть сохранена: это важная гарантия безопасности «источника». Но не только: чертежи, «разработанные» в «Гипроморнефтегазе», – это доказательство приоритета Азербайджана в деле создания революционной техники для освоения морских нефтяных месторождений СССР! И под этот приоритет – Алиев прав – можно получить союзное бюджетное финансирование, создать в республике новые предприятия, закупить оборудование! Да, папка вполне может стать «курочкой, несущей золотые яйца»! Новые заводы, открытые месторождения, добытые нефть, газ – отличные перспективы!»

Гейдар Алиев прочитал список сотрудников «Гипроморнефтегаза», из которых директор и начальник 1-го отдела института решили сформировать «закрытую лабораторию». Люди, надо полагать, достойные, опытные, проверенные, знающие – за исключением Керимбека Ширинова. И зампред, вычеркнув из списка фамилию «зятя первого секретаря райкома», вызвал в кабинет младшего лейтенанта Байрамова.

– Это Клондайк, Керимбек! Пещера Али-Бабы! Кандидатские, докторские диссертации – россыпью! – с жаром шептал «зятю уважаемого человека» изрядно подвыпивший кандидат наук Аслан Асланбеков. «Друзья» сидели в «Караван-сараяе», угощал (повод – скоро Новруз) Керимбек. На лице – змеиная улыбка, глаза – ледяные, в душе – смертельная обида, в «подогретом» коньяком сознании поток злой, мутный: «Меня! Меня! Обошли стороной! Директор знает, знает, как мне нужна докторская! Тесть обещал помочь – и ничего! Ну ладно, ладно, они (обобщение широкое, не персонифицированное) об этом ещё пожалеют!»

Керимбек подлил Аслану коньяк, пододвинул новую порцию люля-кебаба, положил руку на плечо «друга», тихо шепнул:

– Аслан, дорогой! Поздравляю! Ты с твоими талантами, озарениями, трудолюбием, преданностью науке давно должен был защитить докторскую, возглавить лабораторию! Да что там лабораторию! Институт! Но завистники, завистники! Но откуда Али-Баба? Каким образом Клондайк?! Не из космоса же прилетело?! Ты – учёный! Большой учёный! Значит, что? Значит, должно быть рациональное объяснение! Давай, не жмись, шепни по старой дружбе!

Аслан прожевал люляшку, загадочно ухмыльнулся, потянулся жирными губами к уху «друга»:

– Откуда – большой секрет! Извини, Керимбек, не могу! Не имею права – расписался, хе-хе, в неразглашении!

Керимбек изобразил «смертельную обиду», зашипел:

– Ты меня знаешь! Знаешь, из какой (слово выделил придыханием) я семьи! Да из меня пытками слова лишнего не вытянешь! Да я за родину жизнь отдам! Э, ещё друг называется!

Аслан приложился к бокалу, повёл глазами налево, направо – рядом вроде никого подозрительного, шепнул:

– Сокровище, по слухам, из Дома на набережной... А в Дом тот чертёжики из-за океана приплыли! Закажи ещё шашлык из осетрины!

Керимбек хищно прищурил глаз, щёлкнул пальцами, подскочил официант, склонился в полупоклоне, принял заказ. Аслан расплылся в самодовольной ухмылке,

Керимбек приобнял его за плечи, повёл разговор о даче, скором лете, о путёвках в санаторий ЦК, с которыми мог бы помочь «дорогому другу»...

В третье воскресенье марта Керимбек повёл жену в кинотеатр «Низами» – посмотреть новый итальянский фильм. Когда расставались на бульваре с Бахрамом Бируни, иранец проинструктировал Керимбека «о сигнале для экстренной встречи». Пояснил, что всякое может случиться. Узнает, например, ага нечто важное, имеющее «высокую гонорарную ценность», а как сообщить, «пока товар не испортился»? Сигнал оказался простым и неопасным: в первое или третье воскресенье каждого месяца надо прийти в «Низами» на семичасовой вечерний сеанс, за десять минут до начала фильма заглянуть в буфет кинотеатра и «показать себя» атташе по культуре Посольства Ирана. «Работа у атташе такая – в кино ходить! Ты его видел, помнишь? Он тебя тоже запомнил! – хохотнул на прощание Бахрам. – Ну а недели через две, три, это уже как получится, приеду в Баку, позвоню тебе, ага, из телефона-автомата – «ошибусь номером». Голос мой узнаешь, на следующий день в девять вечера жду тебя в Крепости – где, ты знаешь!»

В буфете Керимбек пристроился в очередь за мороженым, а тут и атташе появился, к прилавку подошёл, носом повертел, развернулся – и к ханум своей.

В середине апреля Бахрам «ошибся номером».

Встретился Керимбек с иранцем в «Караван-сараяе». Сели – «случайно» – за один столик – дальний, «в интимном полумраке», остальные заняты («Повезло!» – обрадовался Керимбек). Официант подхватил со стола пепельницу, полную окурков, вышел из зала, через минуту вернулся с чистой, сверкающей белизной. Сделали заказы – каждый за себя, вежливо улыбнулись, завели беседу – «люди мы посторонние, но не сидеть же буками!»

В сотне метров от «Караван-сарая», в припаркованной на Большой Крепостной улице оперативной «Волге», сидел Кязим, слушал, о чём говорят иранец и «зять». «Почти полгода вели наблюдение, телефон прослушивали – ничего! В марте «зять» и атташе иранский, знакомец старый, в «Низами» зашли – контакта не было, и всё же... А два дня назад – Бируни в Баку объявился! Вчера – звонок Керимбеку! Номером ошиблись! Как бы не так – узнал я голос! Приказал группе – вести иранца и «зятя» плотно! Сошлись «объекты» в ресторане, дальше – дело техники!»

Кязим вспомнил, как полчаса назад в переулке около ресторана передал «доверенному» официанту специальную, прошедшую через технический отдел Комитета, пепельницу с «жучком», посмотрел, хватит ли «на весь ужин» плёнки на бобинке портативного магнитофона, довольно улыбнулся: «И всё-таки «зять» – шахский агент!»

«Ты ничего не путаешь, Керимбек? Точно чертежи из Америки? На установку буровую? Ну, отличная работа, ага, отличная, поздравляю! После ужина зайдём в мужскую комнату, я тебе конверт передам...

– Сколько?

– Тысяча! Не кривись! Это аванс! В следующий раз больше привезу! Лучше скажи, кто чертежи передал?!

– Извини, Бахрам, мне гэбисты не доложили!

– Ну, не злись, не злись, ага! Ты прав – искать, кто, где, когда передал чекистам чертежи, не твоя и не моя забота! Сообщим американцам – пусть ищут шайтана! Но, ага, если вдруг узнаешь о шайтане хоть что-то, ты за это большой, очень большой куш сорвать сможешь! Старайся, ага, старайся, ищи!»

Генерал Алиев выключил магнитофон, откинулся на спинку кресла, задумался, через минуту перевёл взгляд на Кязима, строго приказал:

– Никому – ни начальнику отдела, ни коллегам – ни слова об этом разговоре! Наружное наблюдение, «прослушку» продолжать! Официальная версия – «в профилактических целях».

– Пстой, пстой, Гейдар Алиевич! Ты что, предлагаешь оставить этого Ширинова на свободе?!

– Да, Семён Кузьмич! Особого вреда Ширинов нанести нам не сможет: об американской документации он уже, к сожалению, сообщил САВАК, а иной секретной информацией предатель не владеет. А как канал для передачи дезинформации – САВАК и – это перспективнее! – ЦРУ – он может сгодиться. Учитывая уровень допуска к госсекретам тестя Ширинова – вероятно, за семейным столом секретарь райкома болтает лишнее, – этим источником Керимбек САВАК и приглянулся. Через «зятя» мы сможем поставлять в Лэнгли даже стратегическую дезинформацию¹! Уверен: Центр нас не только поддержит, но и созданный нами канал – для решения своих задач – использует!

Пришедшую из иранской резидентуры весть о том, что документация на секретную буровую установку оказалась в Баку, начальник Восточного отдела ЦРУ Пол Сандерс принял стоически: «Чертежи уже не вернёшь, а «крота»² среди наших высколобых надо найти!»

Глава восемнадцатая. Операция «Могол», дубль второй

В августе начальник 1-го отдела «Гипроморнефтегаза» попросил генерала Алиева о встрече. В кабинете «особист» поведал зампреду о неожиданной проблеме: по мнению спецов института, комплект документации на ППБУ, полученный от комитета, неполный.

– И, как следствие, работа над созданием отечественной буровой установки... – «особист» взял паузу, поискал нужное слово, – забуксовала.

Зампред удивленно вскинул брови, а «особист» достал из папки стопку листов, на которых «Гипроморнефтегаз» подробно перечислил, «чего не хватает в комплекте для завершения плодотворной конструкторской работы».

– Мы решим эту проблему, – успокоил «особиста» Гейдар Алиев.

Почему, размышлял генерал Алиев, «источник» не передал академику полный комплект документации? Версия первая: потому, что у Брауна нет доступа ко всем расчётам и чертежам, необходимым для строительства установки. В этом случае «вторую папку» академик вряд ли получит, и тогда либо «Гипроморнефтегаз» поднапряжётся и закончит работу, «опираясь на конструкторские откровения собственных специалистов», либо проект останется незавершённым. Версия вторая: для сбора полного комплекта требуется время, а Браун не «поставил на паузу», полагая, что технических решений и расчётов, содержащихся в переданных документах, конструкторам «Гипроморнефтегаза» хватит для дальнейшей – самостоятельной – работы. В этом случае шанс получить полный комплект документации у комитета есть.

¹Стратегическая дезинформация позволяет отвлечь значительные силы противника на ложные цели.

²«Крот» – агент, глубоко внедрённый в структуры – военные, политические, разведывательные и т.п. – противника.

С немалыми – после предательства Керимбека Ширинова – сложностями и рисками, но есть. Версия третья: «источник» работает на ЦРУ, и документы, полученные от Брауна в Варшаве, – это дезинформация, а вариант с неполным комплектом возник по чисто техническим причинам: в Лэнгли просто не успели подготовить полный. И когда дезинформационная работа будет завершена, «источник» передаст академику вторую папку, «заглотив» которую, «Гипроморнефтегаз» продолжит идти по ложному следу и впустую тратить время, силы и средства на «советскую разработку». Установка в Азербайджане будет построена, она выйдет в море, опрокинется и затонет, после чего «тема ППБУ» в Советском Союзе может быть «заморожена» на долгие годы.

«Учитывать придётся все версии», – нахмурился Гейдар Алиев и нажал кнопку вызова помощника.

В кабинете генерала Алиева повисла напряжённая тишина. Зампред обратился к академику:

– Паша Пашаевич, от вашего решения зависит, будет ли продолжена операция «Могол». Если вы уверены в Брауне и если готовы рискнуть...

Академик вздохнул:

– На мой взгляд, Гейдар Алиевич, Брауну можно доверять. Но читать в закоулках души может только Господь Бог... И, тем не менее, я готов рискнуть и встретиться с источником ещё раз.

– Паша Пашаевич, вы должны знать: ЦРУ стало известно – когда, как и от кого, это отдельная тема – о том, что мы получили документацию на американскую установку. Это значит, что в Лэнгли – мы не будем отказывать спецслужбам «главного противника» в профессионализме – под пристальное наблюдение взяли всех специалистов, имеющих доступ к документации. Мы не сомневаемся, что и Браун оказался под «колпаком» ЦРУ. Поэтому, даже если Браун ведёт с вами честную игру, стопроцентной гарантии, что вы не попадёте в сети ЦРУ, мы дать не можем. Ваша встреча с Брауном, если она состоится, на этот раз пройдёт, вероятнее всего, не на территории страны – участницы Варшавского Договора... Если источник под «колпаком», появляться Брауну в соцлагере – риск величайший! Комитет, конечно же, делает всё возможное, чтобы обеспечить вашу безопасность, но... В общем, решать вам! Подумайте, взвесьте все «за» и «против». Дней семь на размышления вам хватит?

Паше Пашаевичу отчаянно не хотелось ехать «на поклон к Брауну» за второй папкой. На вопрос: «Почему?» чёткого ответа у него не было, но инстинкт самосохранения «сиреной, красной мигалкой» и прочими доходчивыми сигналами требовал от академика категорического отказа от «второго дубля». Паша Пашаевич уважал инстинкты, особенно базальный – самосохранения (дар природы, эволюции и вообще...), но, как мыслитель системный, решил, благо, время на размышления ему дали, проверить гармонию чувств алгеброй рассудка. Академик уединился на даче, поужинал, посмотрел в телескоп на звёзды (астрономия – не работа, а так, веселие души), потом взял лист бумаги и быстро настроил «аргументы против». С мыслями «за» пришлось помучиться. Кое-что академику удалось сочинить, но «баланс» в итоге получился хлипкий, ненадёжный. «Придётся отказаться», – вздохнул, перечитав написанное, Паша Пашаевич, нехорошо подумал о «Гипроморнефтегазе», с часик посмотрел на звёзды и лёг спать.

Утром, «на свежую голову», вернулся к «за» и «против». Прочитав «ореол таинственности, возникший вокруг Брауна», «тёмное облако мотивов «благотворителя», Паша Пашаевич хмыкнул. Конечно, «негативы», но забавные! Напоминают то ли Жюль Верна, то ли Дюма... Аргумент, помеченный буквами «М» и «А», улыбку погасил, чело нахмурил. В «несчастный случай» в Хьюстоне в Академии наук мало кто поверил, и уж точно не Паша Пашаевич, приметивший визиты Махмуда Агазаде в кабинет «помощника президента АН» в здании Президиума. «Да-а, без ЦРУ точно не обошлось... А ведь на месте Махмуда мог оказаться и я...» – подумал Паша Пашаевич, прочитал пункт «Под колпаком» и уточнил формулировку: «Могут оказаться!» Контраргумент – «Комитет сделает всё возможное для моей безопасности» – не успокоил: «Логика математических формул мне понятна, абстрактные слова «всё возможное» – нет, не понятны!» Паша Пашаевич вышел в сад, посмотрел на облака, вернулся к столу и чирканул «против»: «Получив одну папку, – а это тысяча листов документации! – «Гипроморнефтегаз» легко (ну хорошо, не легко – с трудом, но это нормально: всё, что легко приходит, с той же лёгкостью – как не заработанное, не заслуженное, не выстраданное – и ускользает!) доконструирует, что надо!» Покопался в памяти, в сердцах ругнул гипровцев («Бездари, интеллектуальные импотенты, своих идей – ноль, но и чужие, «с неба упавшие», до чертежей довести не могут!») и добавил «за»: «Без второй папки эти балбесы и чертежи не сделают, и в расчётах наврут!»

Паша Пашаевич покатал по столу карандаш, добавил аргументы «за»: «Долг. Честь. Совесть. Каверочкин». Выбежал академик в сад, в сердце кольнуло: «Не хочу, а придётся! И потому, что, кроме меня, как ни крути, помочь нефтяникам с плавучей буровой больше никому! И потому, что, уступая, можно проиграть больше, чем сражаясь!» Мысль Паше Пашаевичу понравилась, он вернулся в кабинет и быстренько, пока не забыл, записал её в пухлый блокнот.

В воскресенье, 29 августа, Керимбек на фамильной даче угощал шашлыком «дорогого друга» Аслана.

С утра «закадычные» с супругами поплескались в море (Керимбек облизнулся на аппетитную Асланиху, но, делать нечего, «волевым усилием взял себя в руки»), потом отобедали, подремали в тени, а на закате задымил мангал. Аслан, развалившись в шезлонге, потягивал коктейль, Керимбек колдовал с шампунями, иногда подсаживался к «дорогому другу», шутил, смеялся и ждал, словно волк в засаде, когда «овечка станет жертвой». Тесть к осени наговорил за семейным столом тысяч на десять, хотя покупатель наверняка заплатит меньше. «У, крохоборы! За шикарный эксклюзив – дурацкое словцо, но надо, надо, хотя бы в мыслях, ориентироваться на Европу! – платят жалкие гроши!» – с брезгливым презрением мимоходом подумал об иранцах-американцах Керимбек и скосил глаза на «гостя»: «почти доктору наук» хотелось информации веселящей, радующей душу.

Аслан не подвёл. Умяв шашлык, стал хныкать, что работа над докторской «встала».

– Вай, почему?! – округлив глаза, хищно обнажил клыки Керимбек.

– Потому что и «Клондайк» оказался не тот, и в «пещере» сокровищ меньше, чем ожидали. Понимаешь, Керимбек, не хватает моей докторской важных расчётов и чертежей!

Керимбек сочувственно засопел, стал вслух размышлять, что-де печалиться рано, наверняка в Доме что-нибудь придумают и «обеспечат лабораторию недостающим».

Аслан живо откликнулся:

– Надеюсь! Очень-очень! Слышал краем уха – только ты никому! – что в ноябре! Ох, ещё три месяца ждать!

В конце сентября Керимбек с женой собрались слетать на недельку в Москву – отдохнуть, побродить по столице. Ну, там ГУМ, Большой театр, Пушкинский музей, импрессионисты, фото на память, чтобы было в Баку чем перед родственниками-знакомыми похвастать. Дату визита в столицу заранее, ещё в «Караван-сарая», согласовали с Бируни – за иранцами-американцами был должок гонорарный, ну и Керимбек новостей к тому времени обещал поднакопить. Не ожидал, конечно, что к осени в его коллекции появится ещё и «жемчужина» от Аслана, ну да «на ловца и зверь бежит, заслужил я, заслужил». А перед самым отъездом узнал, что в ноябре в Осло на конференцию летит замдиректора – куратор «закрытой лаборатории». «Всё сходится! – обрадовался Керимбек. – Хорошо бы американцы взяли зама да за шпионаж в тюрьгу! О, тогда и «моя святая месть свершится», и вертикаль властная в институте придёт в движение. Ну, тут я свой шанс оказаться ближе к креслу опустевшему не упущу!»

«Контакт» с Бируни в Москве прошёл удачно. Встретились, как договаривались, в полдень в подземном переходе на «Пушкинской». Сели в поезд метро, через две остановки вышли, поехали (в разных вагонах) обратно. Вновь «пересеклись» на Тверском бульваре – и «присели отдохнуть» на скамейку. Народ мимо ходит туда-сюда, Керимбек газету читает да губами шевелит, гонорар отрабатывает, а Бируни москвичкам подмигивает да слушает, что новенького в «политических сферах» Баку. Закончил отчёт Керимбек поездкой замдиректора в Осло «за документами американскими» (версия, конечно, но аргументы в её пользу убедительнейшие!), газету свернул и рядом положил, а Бируни в неё так аккуратненько конверт с гонораром пихнул. Всё, дело сделано. Керимбек к метро пошёл – в гостинице жена ждёт, а Бахрам блокнотик достал и скорописью, знаками условными для памяти отметки кое-какие сделал.

На столе перед Полом Сандерсом лежали два списка. В первом – полтора десятка фамилий «высоколобых», имеющих доступ к полной документации на секретную установку. Во втором – список научных форумов (сентябрь-декабрь 1965 года), в которых заявлено их участие. «В ноябре – только одна конференция – десятого-двенадцатого в Осло, и едет к норвегам Грэг Бэтхэм из Хьюстона – третий человек в секретном проекте «Могол». «Крот»? А вот мы и проверим!» – усмехнулся Пол и черкнул (на листе со списком «высоколобых») приказ-резолюцию: в ноябре взять под особо плотное наблюдение мистера Бэтхэма и, в случае его контакта в Осло с замдиректора «Гипроморнефтегаза», обоих задержать, допросить, получить признания и вещдоки! Подумал и добавил: ну и – «по проверочным стандартам» – в ноябре плотное наружное наблюдение за всеми остальными по списку! А если кто из «высоколобых» покинет Штаты и отправится попутешествовать – в Европу, Азию, не важно! – «резидентуры на местах» должны держать сей объект под надёжным «коллапом» (тайная проверка багажа и личных вещей, наружное наблюдение, «прослушка» всех телефонных разговоров)! Ну а уж если кто-то из списочников попытается в Восточную Европу сунуться, брать того на границе немедля, без раздумий-согласований! И трясти, трясти, искать чертежи, микроплёнки – не важно! Если ошиблись, тряхнули не того, можно, пожалуй, перед мэтром учёным и извиниться.

Да, вздохнул Пол, парням в резидентурах придётся оставить часть текущих дел и побегать за «объектами». Но, раз иных вариантов выхода на «крота» пока нет, сгодятся и «дедовские методы» – старые, но надёжные.

В десять часов утра Браун вышел из отеля (в руках – дорожная сумка и кейс, по животу постукивает зачехлённый «Кэнон»), остановил такси, назвал адрес.

За такси тотчас пристроился неброский «форд» с афинскими номерами, в салоне – водитель и три сотрудника резидентуры ЦРУ. Засиделись «рыцари» в холле и коридоре гостиницы, заскучили, наконец-то явился «объект» – и пошёл драйв!

Браун снял номер на неделю, и, скорее всего, через несколько часов он вернётся в отель. Смущают, правда, сумка и кейс... Номер и вещи «объекта» сотрудники резидентуры тщательно проверили в первый же выход мистера Брауна из отеля. Босс из Лэнгли сориентировал на микроплёнку или, как вариант, «ветхозаветную папку с чертежами», но обыск ничего подозрительного не дал. Хотя папка – не микроплёнка, папка из чемодана или кейса с двойным дном извлекается на щелчок двух пальцев. Только не оказалось у «высоколобого» мистера Брауна двойного! Ну что ж, тем интереснее предстоящая охота!

Такси домчало Брауна до Акрополя¹, развернулось и укатило. Американец бодро двинул к Парфенону².

Два цэрэушника покинули салон «форда», зашагали, изображая ротозеев-туристов, следом. Ближе к храму – для лучшего «визуального контроля» – разделились (в Парфеноне туристов – тьма, место для контакта самое-самое!). А «объект» расчехлил фотоаппарат – и давай щёлкать! Ни тебе контактов с неизвестными, ни обмена кейсами, один только «туристический стереотип», решили слегка разочарованные топтуны.

Часа через два Браун спустился с Акрополя, зашёл в ближайший ресторанчик (топтуны следом). И здесь никаких встреч, мимолётных контактов и передач «из рук в руки». И о чём только писать в отчёте?

Отобедав, Браун вышел на улицу, остановил такси, «фордик» попытался пристроиться сзади, но левое заднее вдруг «сдулось», и авто с цэрэушниками развернуло поперёк улицы. Водитель резидентуры – ас, успел затормозить-вывернуть, но какая-то греческая развалюха въехала-таки в борт! Такси с Брауном завернуло за угол, цэрэушники, потирая набитые шишки, вывалились из «форда», орут на тупых греков, требуют убрать хлам с дороги.

Но не тут-то было! Из развалюхи вываливаются четыре возбуждённых туземца, начинают пинать ногами колёса «фордика», орать: «Янки! Убирайтесь домой!» и – ну наглецы! – толкать немытыми руками утончённых «рыцарей плаща и кинжала» в грудь и требовать компенсации за нанесённый ущерб! А тут ещё с полсотни афинян понабежало поболеть «за своих» – наглых, крикливых, злых. Окружили «рыцарей», галдят: кто доллары компенсационные требует, кто 6-й флот убрать из моря Средиземного, кто соплеменников призывает америкосам морды бить. Хорошо, минут через десять появилась полиция. Эти-то хоть вменяемые, поняли, кто перед ними, извинились за соотечественников, велели убрать развалюху с дороги. Спущенное колесо (виновником оказался полицейский шип для остановки нарушителей: вероятно, потерял на дороге безалаберными греками, хотя не исключена провокация местных коммунистов!) к этому времени цэрэушники (под свист афинян) поменяли, но время упущено – где теперь искать такси с «объектом»? Пришлось звонить в резидентуру, сообщать номер такси, ждать, когда греческая полиция найдёт исчезнувшее авто. Оказалось, довезло Брауна до порта Пирей – никак уплыть собрался «объект наблюдения»?! О-очень интересный поворот!

¹ Акрополь – священная скала, символ Афин и всей Греции.

² Парфенон – Древнегреческий храм, построенный на Акрополе в 447–432 годах до н.э. в честь богини Афины. Одно из самых значимых и монументальных зданий на Акрополе.

Добропорядочный житель Афин, инженер и владелец автомастерской Георгиус Марини (советский разведчик-нелегал Александр Петров), став свидетелем аварии-столкновения «форда», покачал головой и посочувствовал всем участникам «драмы на дороге»:

– Ах, ах, какое несчастье!

Отыграв сценку, Георгиус Марини кинул озабоченный взгляд на часы («Ох, дела: опаздываю!») и свернул в переулок: задание Центра выполнено, можно возвращаться к привычной роли. Не дело нелегала следить за «главным противником», тем более прокалывать колёса оперативного цэрэушного «форда». Но если Центр приказал, если не задействовал пэгэушников из резидентуры, значит, кому-то из коллег это необходимо... «Парней из резидентуры могли заметить цэрэушники, а Центру, очевидно, была необходима особо чистая игра...» – размышлял, сворачивая на улицу Эрму, «инженер Марини».

На причале гудела толпа пассажиров – сотни три иностранных туристов, среди которых растворились несколько десятков греков, ожидали своей очереди на паром до острова Родос. Контролёры старались, билеты так и летали в их руках, но пожилая британская пара, семенившая к трапу слева от Брауна, всё равно была недовольна нерасторопностью греков. Паша Пашаевич подобрался к американцу справа, в левой руке кейс – близнец брауновского. Академик продвинулся на шаг вперёд, вдруг охнул, упал на колено, поставил рядом кейс, вцепился в лодыжку. Браун участливо заглянул в глаза Паше Пашаевичу, предложил помощь. Академик кивнул, Браун поставил кейс на гудрон причала, подхватил «болезного» под локоть, помог подняться. Рядом щебетали британцы – кляли бестолковых греков, Браун согласно кивал, Паша Пашаевич закатывал глаза и жаловался на боль в ноге.

Минут через двадцать Браун был уже на пароме. Цэрэушники едва успели в порт до отхода судна на Родос. Двое поднялись на борт (переговорили с капитаном, «добрым словам» помогли зелёные купюры), нашли в ресторане «объект», успокоились, пристроились у стойки бара, заказали – для конспирации, ну и напряжение снять – по дринку.

А Паша Пашаевич спешил к соседнему причалу – к трапу советского круизного лайнера, на сутки зашедшего в Пирей. Поднявшись в каюту, закрыл дверь на ключ, кинул на стол кейс, щёлкнул замками...

В июне Паша Пашаевич прилетел на конференцию в Париж. В первый день форума раскланялся с Брауном – и не более того. В комитете решили, что за американцами, имеющими доступ к документации на секретную установку, ЦРУ, получившее – через САВАК – информацию от «зятя», наверняка установит наружное наблюдение, санкционирует «прослушку» телефонов и перлюстрацию, поэтому академик не должен дать «рыцарям» ни малейшего повода заподозрить Ричарда Брауна в «сотрудничестве с коммунистами».

«Удобным случаем» – по оперативному плану – должен был стать прощальный ужин, устроенный организаторами в ресторане на Эйфелевой башне. В суете суаре Паша Пашаевич, явившийся на Эйфелеву с пластиковым пакетом в руках, словно добрый Санта, прилюдно подарил свою монографию четвёрке «избранных», которых, по мнению комитета, ЦРУ должно было внести в список «особо отслеживаемых персон».

Монографии были с дарственной на английском, в яркой, изготовленной по спецзаказу комитета «для Парижа», суперобложке. «Избранные» кивали, благодарили, жали руки, продолжая пир, оставляли (по забывчивости или рассеянности) дары на столиках. Паша Пашаевич, со стороны наблюдая, как около монографий закружили два типа околонуучного вида, тихо посмеивался. Последний, пятый, отделённый, чтобы, не приведи Аллах, не перепутать в утробе пакета с другими книжечками, дар академик вручил Брауну, дринкающему у стойки бара.

– О-ля-ля! – заулыбался американец, листанул монографию и, полупьяный, качнулся к академику.

– Под обложкой... – бормотнул Паша Пашаевич и вернулся за свой столик. Минут через пять оглянулся на официанта – Брауна за стойкой бара уже не было. «Вот и отлично», – подумал академик, гася вдруг накатившуюся тревогу.

Ричард нетвёрдой походкой, перекидываясь фразами то с одним, то с другим коллегой, «по сложной траектории» добрался до туалета, закрылся в кабинке, быстрыми и точными пальцами скинул обложку. Всмотриваться-вчитываться в текст, напечатанный по-английски мелким шрифтом на пяти листах, не стал: кинул беглый взгляд на первую страницу, нахмурился, пихнул «закладку» во внутренний карман пиджака, застегнул «хранилище» на молнию и спустил воду в бачке.

Вернувшись в зал, Браун остановился у стойки бара, заказал дринок, монографию положил на столешницу. Через минуту подхватил под локоток проходящего мимо коллегу, отвёл в сторону, поболтал о несущественном. В зеркале на стене приметил, как к стойке бара подошёл околонуучный. Заказал выпить. Открыл книжицу. Пролистал. Оглянулся – и зашагал с «даром академика» в холл.

Минут через тридцать группа «высоколобых», ведомых Брауном, побрела на смотровую площадку Эйфелевой – освежиться, изречь пару «глубоких мыслей», ну и окинуть взглядом ночной Париж. Когда Ричард вернулся за свой столик, на скатерти лежала монография. «Пихнули «жучок» – просто, без фантазий, но для ЦРУ приемлемо», – усмеялся Браун.

Покидая через час суаре, Ричард «забыл» прихватить с собой «дар академика».

В отеле, у стойки портье, Браун подмигнул Паше Пашаевичу:

– Мы, кажется, на одном этаже?

Поднялись на разных лифтах, по коридору к номерам пошли рядком – всё-таки коллеги.

– Договорились... – пьяно бормотнул Браун.

Паша Пашаевич помучился сомнениями: «Сказать о вероятной слежке или?... Если скажу, Браун может перебдеть и отказаться... А не сказать, в ловушке, не исключено, окажемся оба...» Решил, что совесть надо успокоить, ну и делу помочь. «Предупреждён – значит, вооружён! Банальность, но ведь работает!» – пронеслось у академика, он кашлянул и зашептал:

– Ваша контрразведка узнала, что мы получили расчёты и чертежи... От кого – для Лэнгли пока тайна, поэтому под «колпаком» сейчас все, имеющие доступ к документам. Вероятно, вы в их числе...

Паше Пашаевичу очень хотелось – после сказанного – заглянуть в глаза Брауну: «Я – не цыган, по глазам читать не умею, но «зеркало души» – факт медицинский...»

Браун усмеялся – слезку он заметил ещё на Эйфелевой, чего ж зря переливать из пустого в порожнее?! – деловито изрёк:

– У вас должен быть кейс, аналогичный моему, – вы его видели на конференции. В кейсе – бутылки из-под виски, в них – ганджинский коньяк. Обмен – на причале парома на Родос...

Академик подивился хитроумности плана: «Родос, паром, дата – план комитета, прописан на первой странице «послания». Наверное, Браун успел кинуть взгляд

на текстик... Но уж очень ловко – и быстро! – для специалиста по добыче нефти – придумано с кейсами! Хотя, если Браун почитывает детективы, схема банальная, до дыр затёртая...» Следом за удивлением пришла тревога: «Коньяк, если найдут цэрэушники, да проведут анализ напитка – прямая улика...» Ещё через секунду: «Неужели американец как-то связан с Лэнгли?» Мысль обожгла, подогнула колени.

Можно было прощаться – миссия в Париже завершена, и всё же Паша Пашаевич не смог удержаться от вопроса (разумно-рациональный ответ Брауна мог успокоить академика, ответ иной – может быть, заставить отказаться от продолжения операции):

– Мистер Браун, вопрос личный: почему вы, с немалым риском для себя, помогаете нам – помогаете совершенно бескорыстно?

Браун усмехнулся («Как-то нехорошо, зловеще!») – пробежал холодок по спине академика):

– Лет через двадцать-тридцать я отвечу вам и на этот вопрос!

Раскланялся, повернулся спиной и скрылся в номере.

Паша Пашаевич щёлкнул замками, откинул крышку кейса – внутри лежала папка. Академик развязал тесёмки, взял в руки стопку листов: чертежи, схемы, расчёты...

«Силён Браун – сто лет жить собрался. Ну что ж, через тридцать лет, так через тридцать...»

Паром шёл к Родосу. Цэрэушные топтуны (Браун приметил их ещё на Акрополе) потягивали виски и косили на «объект наблюдения». Браун повернулся к соглядатаям спиной – за оконным стеклом ресторации над гладью залива носились чайки.

Браун вспомнил 1918 год. Тегеран. Британскую дипмиссию. Перстень на указательном пальце сэра Оливера. Бриллиантовые искорки, скользящие по карте Российской империи. Острый ноготь оставлял на бумаге глубокие линии, а скрипучий голос сэра Оливера пояснял: Азербайджан, Армения, Грузия, Средняя Азия – сфера интересов Британской короны! Марионеточные правительства на этих территориях будут послушны нам! Контроль над Украиной (ноготь резанул Крым, провёл стрелку от полуострова к Киеву) и Балтией мы отдаём французам!

Осенью 1919-го (Браун прибыл в Тегеран из Баку с отчётом и за инструкциями) сэр Оливер был мрачен, оптимизма не излучал, цедил зло, что американцы намерены контролировать Кавказ сами. Тогда, подумал Браун, расчленив Российскую империю не позволили большевики, но сейчас ситуация изменилась.

Первый благодный звоночек прозвучал в 1954 году – Хрущёв «прирезал» Крым к Украине (Браун, узнав эту новость, вспомнил ноготь сэра Оливера, кромсающий карту Российской империи). Второй звонок – «секретный» доклад Хрущёва на XX съезде партии. Ну, «секретным» доклад был для большинства русских – Браун прочитал перевод текста уже в июне, на страницах «Нью-Йорк Таймс», а через месяц пришёл к выводу: Хрущёв – «кормчий» малообразованный, тщеславный, лишённый стратегического мышления. С таким «вождём», как свинопас Хрущ, окажись он в 1930-е годы на вершине кремлёвского Олимпа, русские войну с Гитлером не выиграли бы! «Хрущёв – не коммунист, а гнилой, бездарный перерожденец! Метил, дурачок, в Сталина – попал в социализм, ударил по государственности СССР! Он, а не он, так те, кто пойдёт по проложенному им пути, непременно посадят «корабль» СССР на «скалы»!

И мы, британцы, сделаем с Красной империей то, что нам не удалось с империей Российской!» – возликовал Браун. Немного огорчил октябрь 1964-го, но Браун утешал себя мыслью, что развал СССР изнутри, начатый Хрущом, продолжится, что в советских «элитах» со временем появятся сотни, тысячи жадных и беспринципных «могильщиков коммунизма». И тогда мы вернёмся – на Кавказ, на Украину (лягушатники пусть идут куда подальше!), в Среднюю Азию, – думал Браун и грустно вздыхал: пропаганда – дело отличное, но хотелось бы оценить «состояние пациента» личным осмотром... В августе 1964-го затея удалась – чекисты «заманили американца» в Баку. «Личный осмотр пациента» Брауна удовлетворил: жить СССР оставалось лет двадцать, от силы тридцать, поэтому самое время, решил Браун, передать «героическим нефтяникам Каспия» американскую документацию на «Могол». За янки – масса исторических долгов британцам, и «Могол» погасит лишь их малую толику! Да, разделяй и властвуй – это мудро, это по-британски!

Цэрэушники за барной стойкой косили на Брауна. Ричард опрокинул рюмку, отвернулся, презрительно хмыкнул: ничтожества! Как, впрочем, и Пол Сандерс: мнит себя стратегом, а занимается ерундой: ловит «крота»! «Нет, стратег в мире один: Британия! Это мы, стравив в Первой мировой войне русских и немцев, уничтожили Российскую и Германскую империи! Это мы, создав в 1913 году Федеральную резервную систему, вернули под свой контроль Соединённые Штаты! Это мы найдём и поставим у кормила СССР людишек, которые исполнят наш стратегический замысел – уничтожат Красную империю!»

Брауна качнуло: дринки кружили голову, взбивали пену эйфории. «Нет, на сегодня хватит – и дринков, и мечтаний! Итак, мой план сработал! Пока в Баку разберутся с чертежами, пока построят установку, пока проведут разведку на глубоководном шельфе Каспия, пока найдут и оценят новые месторождения, тут и гнилая «элитка», называющая себя коммунистической, Советский Союз предаст, похоронит, а потом, жалкая-убогая, и нас позовёт: помогите, спасите, дайте кредиты, подскажите, в чём наши национальные интересы! А уж мы им подскажем! Мы им и экономику поможем построить – сырьевую! Пусть добывают для нас нефть, газ, выплавляют сталь, растят хлеб, плодят дешёвую рабочую силу! Надеюсь, я не ошибся в расчётах!» – посмеивался Браун, кося на согладатаев ЦРУ, дринкающих у барной стойки парома, идущего на Родос...

Эпилог

Вели Ахундов в июле 1969 года был назначен «избран» вице-президентом Академии наук республики. В 1972 году стал директором Института вирусологии, микробиологии и гигиены. Скончался в Баку в 1986 году в возрасте 70 лет.

Генерал Александр Кардашев после назначения в 1967 году председателем КГБ СССР Юрия Андропова как персону, не входящая в креатуру генсека Брежнева и нового руководителя советской спецслужбы, был отправлен в отставку. Скончался в 1973 году в возрасте 56 лет.

Тесть Керимбека Ширинова в 1969 году, после избрания Гейдара Алиева первым секретарём ЦК КП Азербайджана, был осуждён за коррупционные преступления, после чего ЦРУ потеряло к «зятю» всякий интерес. Сам Керимбек, так и не став «доктором наук», в январе 1970 года был уволен из «Гипроморнефтегаза» «по сокращению штатов». В 1973 году Керимбек оказался в КПБ №2, его лечащий врач не жалел для пациента аминазина и прочих нейролептиков. В состоянии ремиссии Керимбек, взяв в руки деревянную палочку, выходит из дома и начинает «регулировать движение» на ближайшей улице. Сердобольные водители иногда бросают городскому сумасшедшему монетки. Монетки Керимбек подбирает, а потом бежит за авто, потрясает палочкой и зло кричит: «Бируни! Бируни!»

Братья Бируни, накопив изрядные капиталы, благополучно дожили до 1979 года. В феврале, на пике Исламской революции, начальник отдела САВАК Хасан Бируни был убит на пороге своего дома шальной пулей. Его старший брат Бахрам вовремя «оценил ситуацию», записался в сторонники имама Хомейни и пригодился новой власти как специалист-нефтяник.

Ильгусейн Гусейнов в сентябре 1991 года был назначен исполняющим обязанности председателя КГБ Азербайджанской ССР, в ноябре того же года стал министром национальной безопасности Азербайджанской Республики. В мае 1992 года в результате госпереворота и захвата власти в стране Народным фронтом был отправлен в отставку. Скончался в Баку в сентябре 2006 года.

Полковник Теяр Абасов в сентябре 1991 года стал начальником контрразведывательного управления Министерства национальной безопасности Азербайджана. В июне 1992 года, когда в МНБ явились эмиссары НФА и поставили перед спецслужбой республики «новую стратегическую задачу»: начать тотальную борьбу с «главным противником» – Россией, Теяр Абасов, сказав в глаза «руководству» всё, что он думает о «новом курсе», громко хлопнул на прощание дверью министерства.

Подполковник Кязим Байрамов весной 1992 года командовал специальной группой сотрудников МНБ. Когда с 8-го на 9-е мая отряды НФА оставили Шушу, последними, кто покинул город, была группа Байрамова. Уничтожив гранатами оборудование спецсвязи, группа, отстреливаясь из автоматов, стала отходить в горы. На гребне Кязим Байрамов, замыкавший группу, был смертельно ранен выстрелом снайпера.

В октябре 1993 года Гейдар Алиев был избран президентом Азербайджанской Республики. Смутное время ушло в историю, и под руководством общенационального лидера началось политическое, экономическое и социальное возрождение суверенного Азербайджана.

20 сентября 1994 года в Баку во дворце «Гюлистан» по инициативе президента Гейдара Алиева 13 нефтяных компаний из восьми стран мира подписали контракт на освоение блока нефтяных месторождений «Азери-Чираг-Гюнешли». После подписания контракта академик Кулиев вышел на балкон «Гюлистана». У перил стояла инвалидная коляска, и в ней сидел... «Нет, этого не может быть!» – качнуло академика.

Подобное маске мумии, лицо Ричарда Брауна растянула ухмылка:

– Да, Паша, да, это я, Ричард! И я не ошибся в расчётах!

Академик Кулиев изобразил радость. Смутили, правда, слова Брауна о каких-то «расчётах», в которых не ошибся американец, но эту странность Паша Пашаевич отнёс на возраст «старого друга». А тут ещё с синих губ мумии слетело тихое:

– Мы вернулись, Хаджи Зейналабдин, мы вернулись, лейтенант Бейли...

«Альцгеймер или Паркинсон?» – мелькнуло у Паши Пашаевича, и по спине академика пробежали мурашки – от мумии в инвалидной коляске вдруг повеяло холодом могилы.

– Да, воистину, – забормотала мумия, – «идёт ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и... и...»¹

Переливающаяся серебром дорожка, прочерченная Луной по зеркалу Бакинской бухты, коснулась поплавок плавучей буровой, сигнальный фонарь на вершине нефтяной вышки установки весело мигнул красным оком.

– «Могол»... – тихо бормотнул Браун.

– «Деде Горгуд!» – печально-ласково откликнулся академик, ухватился за ручки коляски и покатил мистера Брауна к пандусу «Гюлистана».

¹Библия, Ветхий Завет, Книга Екклесиаста, или Проповедника, 1:6.